

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА

ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

НА 1862 И 1863 Г.

ВЫПУСКЪ II.

ВОЛОГДА.

1863 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
1. Половники, историческое изслѣдованіе, К. А. Попова	3.
2. Очеркъ кубинскаго края, Ф. А. Арсеньева	141.
3. По поводу неурожая въ сѣворовосточныхъ уѣздахъ	157.
4. Опыты народоисчисленія вологодской губерніи	162.
Приложеніе къ адресъ-календарю, помѣщ. въ I вып.	169.

с 595-Волг

П-15-2а-1862, 1863

Арх. № - 4675

с 595-Волг

П-15-2

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА

ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

НА 1862 И 1863 Г.

ВЫПУСКЪ II.

сп. 91927
K2615 J

ВОЛОГДА.

1863 г.

Дозволено цензурою.

Въ Губернской Типографіи.

ПОЛОВНИКИ.

Половничество не есть явление, имѣющее мѣсто только въ той мѣстности, гдѣ половники составляютъ особый видъ крестьянскаго сословія съ особыми, опредѣленными положительнымъ законодательствомъ, правами и обязанностями, т. е. въ 4 уѣздахъ Вологодской губерніи, — Устюгскомъ, Никольскомъ, Сольвычегодскомъ и Яренскомъ. Напротивъ, *de facto* оно существуетъ, не говоря о названныхъ уѣздахъ, и во многихъ другихъ мѣстностяхъ Россіи, — почти вездѣ. Я лично знаю, что обыкновеніе отдавать земли въ аренду изъ половины урожая существуетъ въ окрестностяхъ Вологды. Мало того, половники, т. е. земледѣльцы, обрабатывающіе чужія земли изъ половины урожая, встрѣчаются въ настоящее время на берегахъ Рейна и почти во всей Италіи (*), а

(*) Путешествіе по Россіи бар. Гакстаузена.

также во Франціи, гдѣ ихъ считается болѣе 1,300,000 д обоего пола. (*) Въ древности они были и въ Германіи (**) и вѣроятно во многихъ другихъ странахъ. Эти факты, замѣчу мимоходомъ, категорически противорѣчатъ увѣренію барона Гакстаузена, что вознагражденіе земледѣльца за обработываніе земли лишь половиною ея произведеній справедливо въ экономическомъ отношеніи только въ южной части Европы, въ югу отъ Дуная, и что въ средней полосѣ ея землевладелецъ получаетъ только $\frac{1}{3}$ ужина. Напротивъ во Франціи, гдѣ считается 1,300,000 д. половничьяго населенія и гдѣ слѣдовательно это явленіе не случайное, доходъ землевладельца даже превышаетъ половину произведеній земли, такъ какъ половникъ, вромѣ ежегодной отдачи хозяину половины урожая, при заключеніи условія, одновременно платитъ ему половину годовой арендной суммы и несетъ всѣ поземельныя подати. Въ Италіи же, именно въ Тосканѣ, т. е. въ странѣ болѣе, нежели Франція, подходящей подъ условія, при которыхъ, по мнѣнію барона, половничество можетъ быть явленіемъ нормальнымъ, землевладельцы не получаютъ такого дохода, какъ въ Франціи, а земледѣльцы, крестьяне въ тоже вре-

(*) Рус. Вѣст. 1859 г., № 21 и др. „Письма Бонмера“.

(**) Рус. Вѣст. 1859, ст. Вызинскаго: „Феодальныя учрежденія“.

мя не пользуются особеннымъ матеріальнымъ благосостояніемъ. Стало быть не климатическія условия и не географическое положеніе той или другой мѣстности обуславливаютъ существованіе половничества, а быть можетъ качество почвы, быть можетъ выгодность мѣстоположенія и другія, тому подобныя, обстоятельства, въ числѣ которыхъ, конечно, не послѣднее мѣсто занимаетъ и исторія.

Впрочемъ, относясь къ своей задачѣ изложить исторію половническаго права и представить его настоящее состояніе, не какъ экономистъ, а какъ историкъ юристъ, я не слишкомъ интересуюсь вопросомъ, — почему на сѣверѣ Вологодской губерніи возможно существованіе половничества? Я знаю только, что оно существуетъ теперь и существовало прежде, — и этого для меня совершенно достаточно: я уже убѣжденъ, что трудъ мой не будетъ трудомъ празднымъ. Разборъ же половническихъ отношеній съ экономической точки зрѣнія, какъ бы ни былъ интересенъ онъ, предоставляю специалистамъ.

Приступаю къ своему дѣлу. Въ древней Россіи, т. е. въ Россіи временъ первыхъ варяжскихъ князей, половничество было главною, если не единственною, формою отношеній свободнаго земледѣльца къ землевладѣльцу; хотя въ отдаленную эпоху эту уже и были у насъ люди несвободные, рабы, но число ихъ, сколько извѣст-

но, никогда не достигало значительной цифры. По этому въ древности половники составляли главную массу земледѣльцевъ, обработывавшихъ не собственные земли. Само собою разумѣется, что въ то время большая часть удобныхъ земель обрабатывалась самими землевладѣльцами; земли же, принадлежавшія лицамъ неземледѣльческаго сословія, составляли исключеніе. Впрочемъ объ этомъ нѣсколько ниже я буду говорить подробнѣе.

Прежде всего укажемъ здѣсь на слѣдующій замѣчательный отрывокъ изъ Ярославова Устава о церковныхъ судахъ, составляющій единственный источникъ для возможно подробнаго изученія современныхъ ему отношеній землевладѣльца къ свободному земледѣльцу: „А десятина нивы сѣявшему десять сноповъ, а имѣющему землю десяти сноповъ; аще кто инако раздѣлитъ, Богомъ проклятъ будетъ; и пообидитъ кто въ жребій ихъ, волно будетъ порушати бывшее раздѣленіе. Аще кто взметъ отъ изнемогшаго земледѣльца, и укочаетъ поновити, и раздѣлитъ и, да держатся согласія своего. Аще ли же согласили будутъ и сѣтьбу, да держатся своего согласія. Аще земледѣлецъ взметъ землю дѣлати исполу и, времени пришедшу поновити, но токмо сѣмя повержетъ, да не прииметь ни что же отъ плода того, понеже съ лгаль, смѣся, земли осподареви; аще кто взметъ исполу дѣлати, отшедшу осподареви земли тоя, и разга-

давъ повержетъ, и сугубо плода того отдасть. Ащежъ иже исполу пріемый дѣлати прежде времени дѣланія разгадаетъ и откажетъ осподареву села, яко не могій дѣлати, и осподарь села не брежетъ, безвиненъ будетъ половникъ: аще земледѣлецъ пріиметъ дѣлати, и укончаетъ со осподомъ земли той, и задатокъ взметъ, и учнетъ дѣлати, и обратився повержетъ и цѣну земли той да отдасть; землю тужъ да имѣть осподарь ея“ (*).

Рѣдкій изъ памятниковъ послѣдующаго времени съ такою подробностію опредѣляетъ половничество; не смотря на темноту нѣкоторыхъ мѣстъ, на основаніи его можно сдѣлать весьма многія соображенія, которыя мы постараемся представить ниже. Правда Карамзинъ считаетъ весь Уставъ Ярослава подложнымъ и относитъ его къ XIV в., какъ не включенный въ Софійскую Новгородскую книгу (1280 г.) и какъ противорѣчащій будто-бы Русской Правдѣ; но другіе историки наши по большей части признаютъ подлинность его (митрополитъ Евгеній, Морошкинъ, Соловьевъ и др.). Что касается до меня то, я, правду сказать, не считалъ бы и нужнымъ для своей цѣли ни опровергать убѣжденія Карамзина, ни соглашаться съ нимъ; ибо для меня важно уже то,

(*). Путеш. по Рос. Лепехина, часть III, стр. 356, 357 и 358.

что онъ, основываясь на языкѣ памятника, признаетъ древность поддѣлки. Неволинъ также говоритъ, что отъ Устава Ярославова вѣтъ древностию. (*) Но, не желая въ основаніе своего изслѣдованія положить истину спорную, — такъ какъ ссылка на авторитеты не есть еще неоспоримое доказательство, — я обязываюсь изложить собственные соображенія относительно достовѣрности Ярославова Устава. Во 1-хъ, мнѣ кажется, даже нельзя допустить и предположенія, что въ старину на Руси были поддѣльватели древнихъ актовъ, когда ихъ нѣтъ у насъ и въ настоящее время. Само собою разумѣется, что поддѣльвателей, подобныхъ нынѣшнимъ производителямъ антиковъ въ Римѣ и Неаполѣ или составителю перевода Санхоніатоновой лѣтописи, въ то время не могло и быть, ибо не было цѣли, которую теперь имѣютъ итальянскіе артисты — антикваріи: не было форестьеровъ — туристовъ и диллетантовъ — антикваріевъ. Точно также не можетъ быть допущено и предположеніе, что нашъ документъ составленъ кѣмъ-нибудь съ цѣлью извлечь личную выгоду изъ его законоположеній; ибо подложнымъ закономъ нельзя никому воспользоваться. Законъ и притомъ законъ, примѣняемый къ дѣлу, не Санхоніатонова лѣтопись, не монета временъ Сер-

(*) Ж. М. Н. П. 1847. Части LV и LVI, статья „о церковномъ Судѣ въ Россіи.“

вія Туллія. Санхоніатовы сочиненія, какъ извѣстно, давнымъ давно утрачены, ихъ знаютъ ученые спеціалисты, кромѣ названія, быть можетъ, только по самымъ темнымъ намекамъ древне—греческихъ авторовъ, и такимъ образомъ поддѣлка ихъ весьма возможна для человѣка знакомаго съ финикійскими древностями. Чѣмъ онъ можетъ быть уличенъ въ подлогъ, если составилъ книгу, которая не противорѣчитъ сохранившимся отъ Грековъ извѣстіямъ о Финикіи и написана языкомъ, напоминающимъ древне-греческихъ писателей? Точно также можно поддѣлать и монету Сервія Туллія или пожалуй какого нибудь Тулла — Гостилія: стоитъ только знать близкія къ этой эпохѣ монеты, придать металлу видъ старины, — и обличеніе въ подлогъ, если не невозможно, то затруднительно, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ найдена монета, дѣйствительно относящаяся къ той же эпохѣ или пока случайно не сдѣлается извѣстнымъ, что въ Португаліи не существуетъ, да никогда и не существовало монастыря, въ которомъ будто-бы найденъ мнимый переводъ Санхоніатовой лѣтописи. Санхоніатона никто не читалъ, монеты Сервія Туллія никто не видѣлъ. Совершенно другого рода дѣло законъ дѣйствующій. Онъ всѣмъ извѣстенъ, потому что постоянно примѣняется въ дѣлу. Мнѣ нельзя показать какой нибудь

подложный томъ Свода Законовъ и убѣдить въ его подлинности, если общеизвѣстныя его узаконенія искажены или влючены въ него совершенно новыя, небывалыя. Пожалуй много и можно обмануть: не всякій знаетъ всѣ законы. Но какъ обмануть судью и не судью, а судей, которые каждый день обращаются съ законами, которымъ каждую статью приходится много разъ примѣнять въ дѣлу? Повторяю, допущенное мною предположеніе, что Уставъ Ярослава могъ быть составленъ кѣмъ нибудь съ цѣлю воспользоваться лично его узаконеніями не имѣетъ даже вѣроятнаго основанія. Къ сказанному сейчасъ еще прибавлю, а) что въ древности, когда писаные законодательные документы были ничто иное, какъ сборники обычаевъ, которые издавна утвердились въ народѣ и были непосредственнымъ результатомъ самой жизни народа, должны были быть извѣстны всякому, — трудно допустить подлогъ: онъ сталъ бы ясенъ для всѣхъ и б) что самый смыслъ заключающихся въ текстѣ Устава постановленій исключаетъ подозрѣніе въ подлогѣ, прецисывая отношенія совершенно свободныя, основанныя на договорѣ. Кажется, всѣхъ этихъ доводовъ достаточно для того, чтобы убѣдиться въ невозможности и неестественности книжнаго подлога въ Россіи въ XIV столѣтіи; но все таки они не имѣютъ положительнаго осно-

ванія; тогда какъ Карамзинъ, утверждая противное, указываетъ на фактъ, хотя и не такой, который могъ бы быть принятъ за неоспоримое доказательство, но во всякомъ случаѣ фактъ. Такъ или иначе, а Ярославова Устава о церковныхъ судахъ не оказывается въ Софійскомъ сборникѣ. Это могло быть, конечно, дѣломъ случая, послѣдствіемъ весьма естественной и простой причины, но я не могу сказать какой именно. Въ подтвержденіе моей мысли, я представлю еще слѣдующія соображенія, основанныя уже на фактахъ: 1. Уставъ Ярослава, подлинный онъ или нѣтъ, написанъ, вопреки мнѣнію Карамзина, раньше XIV вѣка, если не весь, то по крайней мѣрѣ интересующая насъ часть его, т. е. та, въ которой говорится объ отношеніяхъ землевладѣльца въ земледѣльцу; потому что изъ Псковской Судебной Грамоты, относящейся къ 1300 г., видно, что, во время составленія ея, половничество существовало уже въ полномъ развитіи, о чемъ я подробно скажу въ своемъ мѣстѣ. 2. Въ Псковской Судной Грамотѣ законоположенія о половничествѣ несравненно яснѣе, подробнѣе и точнѣе, нежели въ Ярославовомъ Уставѣ; слѣдовательно послѣдній и составленъ ранѣе, когда еще не такъ ясно обозначались въ жизни фizioномія половничества. Мысль эта подтверждается еще и тѣмъ, что въ Грамотѣ нѣтъ даже опредѣленія отноше-

ній половника къ владѣльцу и о половничествѣ говорится, какъ объ учрежденіи всѣмъ извѣстномъ, слѣд. весьма древнемъ, прочно уже установившемся; въ Уставѣ же напротивъ прежде всего объясняется, на какомъ основаніи должны установляться отношенія земледѣльца къ землевладѣльцу, конечно, въ предположеніи, что форма этихъ отношеній не всѣмъ извѣстна, что она не есть еще освященный временемъ обычай. Если же такъ, то извѣстія о половничествѣ, заключающіяся въ Уставѣ могутъ служить неоспоримымъ доказательствомъ справедливости моего мнѣнія о томъ, что половники были у насъ гораздо ранѣе 1300 г., и вѣроятно, во времена первыхъ варяжскихъ князей.

Но я не могу ограничиться всѣми этими доводами въ пользу убѣжденія, что половничество существовало въ Россіи во времена Ярослава, потому что Карамзинъ высказалъ другое доказательство подложности Устава, именно то, что онъ противорѣчитъ Русской Правдѣ. Русская Правда не называетъ прямо половниковъ, она вообще мало касается гражданскихъ отношеній. Но въ этомъ еще не заключается противорѣчія Уставу. Ея *наймиты* едва ли половники. Въ нашихъ древнихъ актахъ постоянно они отличаются отъ земледѣльцевъ, работающихъ изъ платы натурою. Такъ напр. въ жалованной гра-

мотъ Великаго Князя Іоанна Даниловича (1328 — 1340) объ освобожденіи печерскихъ сокольниковъ отъ даней и повинностей между прочимъ говорится: „И что у нихъ третники и наймиты бѣто стражеть на готовыхъ конѣхъ, а въ буняхъ, и тѣмъ не надобѣ некоторая дань, ни въ старостѣ имъ не тянути, ни биричь имъ не поторгывать, не надобѣ ни кормъ, ни подвода“ (*). Что же касается до ролейныхъ закуповъ Русской Правды, то судя по названію, можно сказать только, что это были земледѣльцы; но вопросъ, на какихъ условіяхъ они обрабатывали земли, едва ли разрѣшимъ. Можетъ быть это были и половники. Г. Бѣляевъ думаетъ, что закупъ обрабатывалъ землю изъ части урожая, а не только за деньги. (**). Карамзинъ напротивъ тоже самое мѣсто Правды, гдѣ г. Бѣляевъ видитъ плату земледѣльцу натурою: — „Аще господинъ пріобидитъ закупъ, а уведеть копу его или отарицу, то ему все воротити а за обиду платити ему 60 кунъ“, — толкуетъ на оборотъ: онъ утверждаетъ, что слово *копа* (по другимъ спискамъ *кова*) означаетъ денежную цѣнность. (***) Известно, что въ настоящее время слово *копа* иногда служитъ выраженіемъ денежной цѣн-

(*) Акты Арх. Эксп., Т. I, № 3.

(**) Рус. Бѣс. 1859, № 1, ст. г. Бѣляева: „Крестьяне на Русн“ (стр. 45).

(***) Ист. Госуд. Рос., Т. II, прим. 92.

ности, а иногда имъ обозначается число сноповъ. Если трудно объяснить значеніе слова *копа*, то еще болѣе это относится къ слову *отармца*. И такъ, приведенное мѣсто Правды совершенно темно; отъ того нельзя и сказать, противорѣчитъ оно Уставу о церковныхъ судахъ или нѣтъ.

Вообще же надобно замѣтить, что вопреки мнѣнію Карамзина, въ сущности Уставъ этотъ не противорѣчитъ Правдѣ. А считать его подложнымъ потому только, что онъ заключаетъ въ себѣ такія постановленія, какихъ нѣтъ въ Правдѣ, — я не вижу основанія. Морошкинъ въ своихъ чтеніяхъ не разъ выражалъ мысль, что Уставъ потому и заключаетъ постановленія, не содержащіяся въ Правдѣ, что служитъ дополненіемъ ея. Если и есть нѣкоторая несоотвѣтственность въ назначеніи пеней по Уставу и по Правдѣ (по Уставу за оскорбленіе словомъ боярина назначено 10 гривенъ золота пени, а по Правдѣ за убійство боярина — 80 гривенъ бунъ), то она только кажущаяся. Понятія Русскихъ временъ Ярослава объ относительной важности преступленій могли быть совершенно противоположны нашимъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Вологодской губерніи до сихъ поръ еще употребляется пословица *замахъ хуже удара*. Кажется не логично считать замахъ важнѣе удара, однако, если не теперь, то когда-то думали же такъ люди,

пустившіе въ ходъ подобную пословицу. Впрочемъ, не менѣе рѣзкія несоотвѣтственности встрѣчаются и въ самой Русской Правдѣ: тамъ за ударъ не обнаженнымъ мечомъ, тростью, чашей и кулакомъ положено 15 гривенъ пѣни, а за ударъ палицею, жерцью и т. п. только 3 гривны.

Но допуская даже подлогъ Устава, въ то же время нельзя не признать, что составитель его не могъ отрѣшиться отъ древнихъ преданій, имѣвшихъ въ ту эпоху, какъ извѣстно, не соотвѣтственную нашему времени долговѣчность, т. е. говоря проще, онъ не могъ выдумать половничества, если бы его не было на самомъ дѣлѣ. Явилось-ли оно у насъ сотней лѣтъ раньше или позже, дѣло не важное. Заключая сказаннымъ доводы мои въ пользу подлинности Устава Ярославова, или, пожалуй, въ пользу достовѣрности заключающихся въ немъ положеній о половникахъ, я не могу не замѣтить еще, что самая простота и безыскусственность половническихъ отношеній ручаются за древность ихъ происхожденія.

Остановимся теперь на самомъ содержаніи разсматриваемаго отрывка. Онъ, какъ мы видѣли, начинается словами: „А десятина нивы сѣявшему десять сноповъ, а имѣющему землю десяти сноповъ. Аще ли кто инако раздѣлитъ — Богомъ проклятъ будетъ“. Прежде всего здѣсь бросается въ глаза сомнительное выраженіе „десяти сноповъ“. Что это

такое: десять сноповъ или десятый снопъ? Если десять сноповъ, то земледѣлецъ и землевладѣлецъ получали по равной части урожая, — тотъ и другой по десяти сноповъ; если же десятый снопъ, тогда въ пользу хозяина земли шла только десятина въ буквальномъ смыслѣ, т. е. 10%. Разсуждая а priori, скорѣе можно согласиться съ послѣднимъ предположеніемъ, такъ какъ подобныя отношенія землевладѣльца къ земледѣльцу по времени представляются болѣе нормальными и естественными. Если нынѣ баронъ Гакстгаузенъ утверждаетъ, и конечно не безъ всякаго основанія, что только въ мѣстностяхъ, находящихся въ климатическомъ и экономическомъ отношеніяхъ въ невыгоднѣйшемъ положеніи, крестьянинъ можетъ обрабатывать владѣльческую землю изъ половины урожая и что на сѣверѣ Россіи ему необходимо получать около $\frac{3}{4}$ валоваго дохода (т. е. $7\frac{1}{2}$ сноповъ), то весьма естественно, что во время Ярослава, когда свободныхъ земель было много, доходъ землевладѣльца необходимо былъ еще менѣе значителенъ. Но одновременное существованіе половничества въ Германіи и дальнѣйшія положенія Устава, смыслъ которыхъ совершенно ясенъ, достаточно убѣждаютъ насъ, что во времена Ярослава произведенія земли дѣлились между владѣльцемъ и земледѣльцемъ по поламъ: „аще земледѣлецъ взметъ исполу дѣлати“; и „осподарь се-

да не брежетъ, безвиненъ будетъ половникъ“....

Правда, всѣ эти выраженія начинаются словами: „аще кто взметъ“; слѣдов. могутъ быть сочтены исключеніемъ изъ общаго правила, которымъ категорически предписывается: „А десятина нивы сѣявшему десять сноповъ, а имѣющему землю десяти снопъ; аще-ли кто инако раздѣлитъ, Богомъ проклятъ будетъ“. Но уже соображая энергическія слова: „аще ли кто инако раздѣлитъ, Богомъ проклятъ будетъ“ съ вышеприведенными фразами: „аще кто взметъ землю дѣлати исполу, и осподарь села не брежетъ, безвиненъ будетъ половникъ“, — и пр. — нельзя допустить, чтобы послѣднія были исключеніями; ибо въ такомъ случаѣ фраза: „аще кто инако раздѣлитъ — Богомъ проклятъ будетъ“ потеряла бы смыслъ; мало того: между началомъ разбираемаго отрывка и остальными частями замѣтна постоянная, органическая связь: въ началѣ устанавливаются основанія, на которыхъ могутъ и должны вступать въ договоры землевладѣльцы съ земледѣльцами и потомъ излагаются правила для самаго исполненія ихъ, случаи нарушенія условій и послѣдствія каждаго изъ такихъ случаевъ, какъ для обиженнаго, такъ и для обидчика. Если-же такъ, т. е. если начало отрывка имѣетъ тѣсную связь съ остальными его частями и въ этихъ послѣднихъ, безъ малѣйшаго сомнѣнія, говорится о земледѣльцахъ, обрабатывав-

шихъ владѣльческія земли изъ половины урожая; то необходимо разбираемую фразу понимать въ смыслѣ закона о дѣлежѣ урожая по полямъ. Допустить же, что въ одно и тоже время нѣкоторые землевладѣльцы получали десятый снопъ, а нѣкоторые второй—не возможно, не противорѣча здравому смыслу.

Попробуемъ, теперь, перевести остальные пункты отрывка, на сколько возможно, придерживаясь буквального смысла самаго подлинника:

„Если же кто, продолжаетъ онъ, при раздѣлѣ урожая, (*) возметъ болѣе, нежели слѣдовало, то обиженный воленъ нарушить такое раздѣленіе. Если почему-либо земледѣлецъ не будетъ въ состояніи выполнить своихъ обязанностей въ отношеніи къ землевладѣльцу—изнеможетъ,—то другой можетъ принять на себя его обязанности, (слѣд. и права), заключивъ лично отъ себя новый договоръ съ землевладѣльцемъ; въ такомъ случаѣ и новый земледѣлецъ и землевладѣлецъ обязываются выполнить договорныя условія. Если при этомъ они условятся и относительно обѣме-

(*) Слова «раздѣленіе земли» мы переводимъ «раздѣлъ урожая», основываясь на другомъ выраженіи приведеннаго отрывка: «Аще земледѣлецъ приметъ дѣлати и укончаетъ со осподаремъ земли тоя, и задатокъ взметъ, и учнетъ дѣлати и обратныя повержетъ, и ишну земли тоя да отдастъ», изъ котораго видно, что подъ словомъ земля (цѣна земли) разумѣется урожай, доходъ отъ земли.

ненія полей, то обязанности выполнить и эти условия“.

„Въ случаѣ, если наступитъ время возобновить договоръ, и земледѣлецъ — половникъ, засѣявъ землю, броситъ ее; то не имѣетъ никакого права на долю изъ урожая. Если кто условится исподу обрабатывать землю и въ отсутствіи земледѣльца оставить ее, — сугубо долженъ вознаграждать послѣдняго за убытокъ; если же напротивъ, онъ своевременно откажется обрабатывать землю, то ни за что не отвѣчаетъ. Но если половникъ договорится обрабатывать землю, возметъ задатокъ, начнетъ обрабатывать и, не кончивъ дѣла, броситъ его, то обязанъ заплатить цѣну земли (предполагаемаго урожая), и землею пользуется господинъ ея“.

„Если какойнибудь земледѣлецъ возьмется обрабатывать невоздѣланную землю, то въ теченіи 3-хъ лѣтъ получаетъ весь доходъ отъ этой земли въ свою пользу, и по истеченіи 3-хъ лѣтъ отдаетъ землю въ полное пользованіе ея хозяина.“

Здѣсь я считаю своею обязанностію замѣтить, что рѣшительно не имѣю въ виду настаивать, что въ разсматриваемую эпоху, т. е. въ XI столѣтіи, кромѣ половниковъ не было земледѣльцевъ, обрабатывавшихъ чужія земли на другихъ условіяхъ. Напротивъ, переводя слова Устава: „Аще кто земледѣлецъ удѣляетъ не чистую ниву иного

земледѣльца три года сѣять, и пріемлетъ плодъ, и потомъ отдастъ имѣющему ея“ — я уже доказалъ противное. Безспорно, число такихъ земледѣльцевъ, о которыхъ говорится въ этомъ пунктѣ Устава, въ то время, когда славянскія финскія племена, продолжали, по выраженію лѣтописца (*), сидѣть на земляхъ, каждый съ родомъ своимъ, т. е. пользоваться землями какъ землевладѣльцы, такъ и земледѣльцы вмѣстѣ, и когда земли было много, — не могло быть значительно; тѣмъ не менѣе они были, точно также, какъ были ролейные закушы, по Русской Правдѣ. Но много ли, мало ли ихъ было, — для меня не важно. Мало того, половники составляли тогда и особое сословіе или по крайней мѣрѣ особый классъ народа съ опредѣленною фізіономію. Однимъ словомъ, я уже съ этого времени могу относиться къ половничеству, какъ къ факту, какъ къ явленію историческому.

Въ заключеніе, основываясь на изложенныхъ соображеніяхъ, считаемъ необходимымъ представить общій очеркъ половническаго права во времена Ярослава, чтобы уже не возвращаться назадъ при разборѣ памятниковъ позднѣйшаго времени.

1. Половники были люди свободные, обрабатывавшіе чужія земли, по добровольному согласію съ землевладѣльцами.

(*) Нест., по Кенігсберг. сп. 1760 г. стр. 8.

2. Они могли оставлять владѣльческія земли безъ всякаго ограниченія, лишь бы не произошло убѣтка землевладѣльцу. Для этого было необходимо:

3. Чтобы половникъ, не возобновившій съ владѣльцемъ прежняго договора, оставлялъ владѣльческую землю ранѣе посѣва яроваго.

4. Если же относительно посѣва было сдѣлано особое условіе, то и слѣдовало дѣйствовать на основаніи его.

5. Если относительно посѣва было сдѣлано особое соглашеніе, то половникъ, оставившій землю, и послѣ осенняго посѣва имѣлъ право на условленное вознагражденіе за эту полевою работу.

6. Половники могли обрабатывать земли владѣльцевъ всякаго званія, такъ какъ законъ позволялъ земледѣльцу обрабатывать землю даже самихъ земледѣльцевъ.

7. При поселеніи на владѣльческія земли, половники могли брать задатки (ссуды).

8. Если половникъ, не возобновившій договора, оставлялъ владѣльческую землю по засѣвѣ яровыхъ полей, то не имѣлъ права на часть урожая.

9. Если половникъ оставлялъ обрабатываемую имъ землю во время отсутствія владѣльца ея, долженъ былъ съ лихвою возвращать послѣднему стоимость того урожая, какой могъ получиться при надлежащей обработкѣ земли.

10. Если же половникъ, заключивъ договоръ, взявъ задатокъ и приступивъ къ воздѣльванію земли, — бросалъ ее, при бытности владѣльца, то долженъ былъ платить стоимость урожая, а самая земля поступала въ распоряженіе хозяина.

11. Само собой разумѣется, что половникъ не отвѣчалъ ни за что, если онъ до посѣва отказывался отъ земли, а владѣлецъ, по собственной небрежности, оставлялъ землю не воздѣланною (*).

Вотъ главные черты половническаго права по Уставу Ярослава о церковныхъ судахъ.

Псковская Судная грамота, послѣ Церковнаго Устава, самый древнѣйшій документъ, (она относится ко времени около 1300 г.), который содержитъ свѣдѣнія о половникахъ и на основаніи котораго можно опредѣлить половническія отношенія того времени. Хотя она и не говоритъ прямо о половникахъ; но во 1-хъ, встрѣчающееся въ ней слово „исполовникъ“ тождественно со словомъ половникъ: *исполу*, *исполовье* постоянно и послѣ употребляются для выраженія половническихъ отношеній; во 2-хъ, „изорники“ Псковской Судной Грамоты, безъ всякаго сомнѣнія, суть половники, потому что обрабатывали землю изъ половины урожая: „А который изорникъ отречется

(*) Дѣлая такое извлеченіе изъ вышеназложеннаго, я бралъ только то, что безспорно относится до половничества, исключивъ все сколько нибудь сомнительное.

у государя села, или государь села отречеть, и государю взять у него половину своего изорника, а изорникъ половину“. Такимъ образомъ мы считаемъ себя въ правѣ всѣ постановленія грамоты, относящіяся къ изорничеству, примѣнить къ половникамъ. Вотъ важнѣйшія изъ этихъ постановленій, кромѣ вышеприведеннаго, т. е. что половникъ обрабатывалъ владѣльческую землю изъ половины урожая. Половникъ могъ жить на владѣльческой землѣ, а владѣлецъ держать половника неопредѣленное число лѣтъ; но половникъ имѣлъ право отходить отъ хозяина, и, конечно, послѣдній отказывать ему, только въ Филиппово заговѣнье. Если же половникъ отходилъ весной, т. е. засѣявъ землю, (это соотвѣтствуетъ выраженію Церковнаго Устава: „но токмо сѣмя повержетъ“, а по грамотѣ „заложивъ весну“); то обязанъ былъ заплатить землевладѣльцу такой же доходъ, какой приносилъ другой участокъ того же имѣнія. Далѣе, поселяясь на владѣльческой землѣ, половникъ могъ получать покрту (ссуду) деньгами или вещами, и въ такомъ случаѣ, при переходѣ къ другому владѣльцу земли, обязывался возвратить прежнему долгъ; если же онъ уходилъ, не возвративъ ссуды, то владѣлецъ воленъ былъ формальнымъ образомъ продать оставшееся послѣ него имѣніе и изъ вырученной суммы взять себѣ, что слѣдуетъ. Въ случаѣ смерти половника, его наслѣдни-

ки обязаны были возвратить землевладѣльцу есуду изъ оставшагося послѣ умершаго имѣнія. Въ случаѣ нарушенія этихъ правилъ съ той или съ другой стороны, дѣло рѣшалось судебнымъ порядкомъ, при чемъ и землевладѣлецъ и половникъ представляли стороны равноправныя, свободныя.

Сравнивая постановленія Псковской Судной Грамоты о половникахъ съ выписаннымъ нами мѣстомъ Церковнаго Устава Ярослава, нельзя не замѣтить слѣдующаго:

1. По тому и другому памятнику половники были люди свободные, обработывавшіе владѣльческія земли по добровольному согласію съ владѣльцами; такъ какъ имѣли право оставлять свои участки по усмотрѣнію, черезъ неопредѣленное время, но только въ извѣстные сроки, именно прежде обсемененія полей. Однако нельзя не замѣтить здѣсь, что сроки выходовъ половничьихъ по Грамотѣ опредѣлены точнѣе, нежели по Уставу: въ Грамотѣ положительно назначено для этого Фялиппово заговѣнье, т. е. 14 Ноября, тогда какъ по буквальному смыслу Устава, половникъ могъ уходить въ теченіи всей зимы, до поры весенняго посѣва. Конечно, выраженіе Устава: „учнетъ дѣлать, но токмо сѣмя повержетъ“, быть можетъ, условно обозначало болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени; но это только можетъ быть, а дѣйствительно ли было такъ, сказать еще

незвѣдѣ. Впрочемъ и грамота, назначая срокомъ соглашеній Филиппово заговѣнье, хотя не прямо, но положительно признаетъ за половникомъ право оставлять владѣльческія земли и послѣ этого времени, налагая на него обязанность обезпечить владѣльцу опредѣленный доходъ только въ томъ случаѣ, если онъ оставялъ хозяйскую землю, приступивъ къ полевымъ работамъ весною, — „за-ложивши весну“. Стало быть въ сущности, Псковская Судная Грамота не отличается отъ Ярославова Устава о церковныхъ судахъ въ опредѣленіи срока выходовъ половничьихъ, но въ частностяхъ, между ними есть замѣтное различіе: а) положенія первой яснѣе и точнѣе, б) къ времени составленія ея на практикѣ уже выработалось обыкновеніе заключать договоры о вступленіи въ половничество въ извѣстный день, въ Филиппово заговѣнье, хотя изъ этого обыкновенія и были исключенія и в) въ Грамотѣ ясно выражена мысль, что какъ половникъ имѣлъ право, при соблюденіи предписанныхъ обычаемъ условій, оставлять владѣльческую землю, такъ и владѣлецъ отказывать ему; тогда какъ въ Уставѣ говорится только о правѣ половника оставлять землю. Нѣтъ сомнѣнія, однако, что и во время составленія Устава, владѣлецъ имѣлъ предоставляемое ему право Грамотою; только составитель перваго не имѣлъ случая упомянуть объ этомъ. Допуская

противное, мы пришли бы къ заключенію, что землевладѣльцы въ эту эпоху не имѣли права по своему произволу распоряжаться своею собственностію и въ имущественномъ отношеніи и состояли въ зависимости отъ своихъ работниковъ, что и не логично, да и противорѣчитъ совершенно Русской Правдѣ; изъ нея видно, напротивъ, что скорѣе ролейные закупы и наймиты были въ подчиненіи, даже личномъ, у своихъ хозяевъ.

2. Относительно послѣдствій для половника, въ случаѣ если онъ оставлялъ владѣльческую землю послѣ весенняго посѣва, „заложивъ весну“, между Уставомъ и Грамотою болѣе различія, по весьма естественной, какъ сейчасъ увидимъ, причинѣ. Въ сказанномъ случаѣ Уставъ лишаетъ половника только части урожая, Грамота же, напротивъ, обязываетъ его обезпечить владѣльцу такой же доходъ съ брошеннаго участка, какой приносили другіе участки того же имѣнія. Такое постановленіе Грамоты явилось необходимымъ слѣдствіемъ того, что ко времени ея составленія точнѣе опредѣлились сроки, въ которые половники могли оставлять владѣльческія земли. По Уставу Ярославову, половникъ лишается права на часть урожая, слѣдующаго ему за засѣвъ полей, въ случаѣ оставленія участка по окончаніи лишь этой полевой работы, съ тою цѣлію, чтобы предупредить вредныя послѣдствія такого поступка

для землевладѣльцевъ. Если это справедливо по отношенію къ XI ст., то тѣмъ болѣе по отношенію къ XIV. Я хочу сказать, что въ XIV в., когда уже сильнѣе укоренился между земледѣльцами обычай переходить съ одного участка на другой гораздо ранѣе весенняго посѣва, 14 Ноября, — въ Маѣ еще труднѣе было пріискивать свободныхъ половниковъ, нежели во время составленія Устава. По этому и отвѣтственность половника, бросавшаго землю, по засѣвѣ ея, должна была быть болѣе. Мысль эта подтверждается и тѣмъ еще, что Уставъ допускаетъ особое соглашеніе между землевладѣльцемъ и земледѣльцемъ относительно посѣва: „Аще-ли же согласили будутъ и сѣтбу“. Слѣд. въ XI в. предвидѣлась еще большая возможность найти земледѣльца и въ лѣтнее время. Такимъ образомъ оба наши законодательные памятника и въ этомъ отношеніи не противорѣчатъ одинъ другому и если положенія ихъ не вполне одинаковы, то это служитъ только доказательствомъ того, что въ теченіи XII и XIII вѣк. половническое право сдѣлало значительный шагъ впередъ.

3. Такое же развитіе, такой же шагъ впередъ, если еще не болѣе значительный, замѣтны и въ постановленіяхъ Грамоты о покрутѣ. Въ Уставѣ объ этомъ сказано только: „Аще земледѣлецъ пріиметь дѣлати, и укончатъ со оспода-

ремь земли тоя, и задатокъ взметъ, и учнетъ дѣлати, и обратився повержетъ,—и цѣну достойную земли тоя да отдасть, землю туужь да имѣть осподарь ея“. Не смотря на то, что грамматическій смыслъ этого мѣста совершенно ясенъ, неопредѣленность его содержания не можетъ не броситься въ глаза. Основываясь на немъ, нельзя съ полною вѣроятностію опредѣлить, напр., что такое *достойная цѣна*? На какихъ основаніяхъ принималъ землевладѣлецъ свою землю послѣ несостоятельнаго земледѣльца? Уплата землевладѣльцу нормальной стоимости урожая и предоставленіе въ его распоряженіе брошенной половникомъ земли,—освобождали ли его отъ возвращенія задатка,—или же напротивъ землевладѣлецъ имѣлъ право требовать возвращенія задатка особымъ искомъ?

Въ Псковской же Грамотѣ уже объяснено совершенно точно, что половникъ, бросившій владѣльческую землю, послѣ обѣмненія ея весною, обязывался обезпечить своему хозяину такой доходъ съ его участка, какой принесутъ прочіе (цѣна достойная земли) и то, что покрута возвращалась землевладѣльцу до отхода половника, и то, какимъ порядкомъ первый могъ получить ее въ случаѣ, если послѣдній уходилъ, не возвративъ ее, даже и то, какимъ образомъ землевладѣлецъ получалъ свою собственность, въ случаѣ смерти половника.

Не могу при этомъ не сказать, также, что развитіе половническаго права въ теченіи времени, протекшаго послѣ составленія Устава Ярославова о церковныхъ судахъ до изданія Псковской Грамоты въ той части его, которая касается ссудъ замѣтно и потому еще, что обыкновеніе получать и давать ссуды со стороны земледѣльца и землевладѣльца въ XIV вѣку не сомнѣнно распространилось; ибо въ Уставѣ объ этомъ предметѣ говорится вскользь, какъ-бы о чемъ то случайномъ; Грамота же, напротивъ, о покрутѣ трактуетъ почти какъ объ обычай. Уже самая подробность законоположеній, касающихся покруты, ясно доказываетъ, что составитель Грамоты имѣлъ въ виду гораздо большее число практическихъ казусовъ, нежели составитель Устава.

4. Относительно порядка возстановленія нарушенныхъ одною изъ договорившихся сторонъ правъ другой въ Уставѣ почти ничего не сказано, и упоминается только, что волостель наблюдаетъ за выгодами земледѣльца въ случаѣ, если половникъ броситъ свой участокъ (должно полагать, въ отсутствіи землевладѣльца). Въ Грамотѣ же ясно сказано, что недоразумѣнія между землевладѣльцемъ и половникомъ разбираются судебнымъ порядкомъ. И здѣсь слѣд. видно развитіе и половническаго права, съ одной стороны, и свободныхъ гражданскихъ отношеній, съ другой.

Наконецъ 5, по Псковской Грамотѣ половничество представляется единственною, если даже не исключительною, формою отношеній земледѣльца къ землевладѣльцу. Правило: „А который изорникъ отрѣчется у государя села, или государь села отречеть, и государю взять у него половину своего изорника и изорникъ половину“ — было общимъ правиломъ для всѣхъ земледѣльцевъ, изорниковъ. Конечно, изъ этого правила были исключенія; они были и раньше 1300 г., — какъ мы имѣли уже случай замѣтить выше, — и послѣ, такъ какъ и само половничество въ послѣдствіи стало исключеніемъ изъ общихъ взаимныхъ отношеній земледѣльцевъ къ владѣльцамъ. Но дѣло въ томъ, что исключенія изъ общаго правила, начертаннаго въ Псковской Судной Грамотѣ, если они и были во время составленія ея въ той, по крайней мѣрѣ, области, гдѣ она имѣла силу закона, составляли все-таки явленіе случайное и притомъ временное. Могли конечно и тогда встрѣчаться земледѣльцы, обязывавшіеся обрабатывать не воздѣланныя земли, получая въ теченіи известнаго времени весь доходъ отъ земли; потому что, повторяю, такіе земледѣльцы были и раньше и послѣ 1300 г.; но съ истеченіемъ срока, земли эти поступали уже въ разрядъ тѣхъ, которыя отдавались въ бортому на половническомъ правѣ, и земледѣльцы, ихъ воздѣлывавшіе, должны были

вступать въ число половниковъ.

Здѣсь я не могу еще разъ не обратиться къ тому мѣсту Ярославова Устава, гдѣ говорится о десятинѣ нивы. Если изъ всего сказаннаго о Псковской Грамотѣ видно, что ея законоположенія представляютъ только дальнѣйшее развитіе Устава; то, кажется, не можетъ быть сомнѣнія, что во время существованія послѣдняго вовсе не существовало обычая обрабатывать землю только изъ 10% урожая; такъ какъ обычай этотъ, не смотря на 200 слишкомъ лѣтъ, — до времени изданія Грамоты, не могъ-же измѣниться окончательно и перейти въ иное совершенно правило, — дѣлить урожай по поламъ.

Оканчивая этимъ разборъ Ярославова Устава и Псковской Судной Грамоты, необходимо замѣтить, что какъ по тому, такъ и по другому памятнику, половники представляются лицами совершенно свободными, которыя относились къ землевладѣльцамъ, какъ равный къ равному и вѣдали съ ними, въ случаѣ какихъ-либо недоразумѣній, общими судебными учрежденіями. Но съ этого времени мы будемъ уже постоянно встрѣчаться съ извѣстіями, что такая свобода мало по малу стѣсняется, или по крайней мѣрѣ, границы той мѣстности, гдѣ продолжало держаться старое половничество, болѣе и болѣе суживались; такъ что теперь, они готовы слиться уже въ воображаемую математическую точку.

Самый близкий ко времени издания Псковской Судной Грамоты и известный намъ актъ, касающійся половничества, есть жалованная грамота Кашиинскаго Великаго Князя Василья Михайловича и удѣльныхъ Тверскихъ Князей Всеволода, Михаила, Владиміра и Андрея Александровичей, Іеремія и Семеона Константиновичей и Михайла Васильевича, объ освобожденіи людей Тверскаго Отроча монастыря отъ пошлинь и даней и проч. (*), относящаяся въ 1361—1365 г. Хотя въ грамотѣ этой и нѣтъ прямого указанія на половничество, но, безъ всякаго сомнѣнія, она его касается, потому что съ нея почти буквально списана другая грамота, также Тверскихъ Князей Отрочу монастырю, относительно освобожденія отъ тѣхъ же самыхъ повинностей тѣхъ же монастырей (*), относящаяся въ 1437—1467 г.; а между тѣмъ эта послѣдняя прямо называетъ половниковъ. Вотъ точная выписка изъ нея тѣхъ мѣстъ, которыя прямо или косвенно касаются половниковъ: „Архимандриту Святое Богородице, дали есмы сю милостыню церкви Святое Богородице Отрочью монастырю, на память представившимся отъ сего житія роду нашему, а намъ пребывающимъ въ житіи семъ завъ здоровіе: Архимандриту Святое Богородице

(*) Акт. Арх. Эксп. Т. I № 5.

(**) Акт. Арх. Эксп. Т. I № 34.

и игуменомъ тѣхъ монастыревъ, что тягнутъ въ Святой Богородици Отрочью монастырю, Воскресенье за Волгою, Богородица на Бору, Спасъ во Зъзѣхъ, Воскресенье и Богородица на Шешѣ, Воскресенье въ Бардинскомъ на Шешѣжѣ; Богородица на Гостомлѣ, и попомъ и дьякономъ, и дьякомъ, и конархистомъ, и чернцемъ и сторонникомъ и всему церковному исполненью и слугамъ монастырскимъ, и ключникомъ и вольнымъ людямъ, не надобѣ имъ некоторая дань, ни ямь, ни подвода, ни тамга, ни осмничее, ни иной ни которой пошлины въ городу, ни къ волостелемъ. Табоже и сиротамъ, кто имѣтъ сѣдѣти на земли Святой Богородици Отрочья монастыря и т. д.“ Ясно, что сироты отличаются отъ поповъ, дьяконовъ, чернцевъ, ключниковъ и вообще вольныхъ людей. Далѣе: „придетъ къ намъ коли изъ Орды посоль силенъ, а не мочно будетъ его опровадити, ино тогда Архимандритъ съ тѣхъ сиротъ пособитъ въ ту тяготу, съ половника дастъ по десятку тверскими кунами и т. д. (*) И такъ половникъ сирота, а сирота не вольный человекъ.

(*) Этого послѣдняго мѣста нѣтъ въ грамотѣ 1361—1365 г.; но ясно, что сироты ея тоже, что и сироты грамоты 1437—1461 г. и если въ первой они не названы половниками, то это потому, что, по обстоятельствамъ времени, Князьямъ тогда не было надобности дѣлать прибавки, которая сдѣлана въ позднѣйшей грамотѣ и потому не пришлось употребить слова половникъ.

Конечно, въ настоящемъ случаѣ выраженіе сирота, не вольный человѣкъ, не можетъ быть принято въ смыслъ брѣвостнаго человѣка: потому что оно относится къ людямъ, „кто имѣть сѣдѣти на земли Святой Богородици“, т. е. къ земледѣльцамъ, къ крестьянамъ, которые, какъ известно, въ то время еще не были брѣшки землѣ; но если половники въ приведенныхъ грамотахъ Тверскихъ Князей противопоставляются вольнымъ людямъ, то, значитъ, они уже составляли, такъ сказать, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, зависимое отъ другихъ сословіе. Монастырь — землевладѣлецъ и судилъ ихъ и требовалъ отъ нихъ государственныя подати и повинности въ свою пользу; онъ же и платилъ за нихъ. Князю: „по десятку тверскими бунами, если придетъ изъ орды посоль еилень и не мочно будетъ его опровадити“. Последнее обстоятельство особенно важно, потому, что, основываясь на немъ, мы можемъ заключить, что тверскіе половники даже въ казенныхъ платежахъ относились къ правительству не сами, а черезъ посредство землевладѣльца.

Не то видимъ мы въ Новгородской области.

Вотъ что сказано между прочимъ въ данной новгородской Вел. Кн. Василью Васильевичу на черный боръ по Новоторжскимъ волостямъ, относящейся къ 1437 г. 1461 г.: (*) „А брати Вели-

(*) Арх. Эвеп., Т. I, № 32.

каго Князя черноборцемъ на Новоторжскихъ волостѣхъ на всѣхъ, куды пошло по старинѣ, съ сохи по гривнѣ по новой....., а въ соху два боня да третья припряжь, датшанъ кожевнической за соху, неводъ за соху, лавка за соху, плугъ за двѣ сохи, кузнецъ за соху, четыре пѣшци за соху, лодья за двѣ сохи, црѣнь за двѣ сохи, а кто сидитъ на исполовьи, на томъ взяти полъ сохи,..... а кто будетъ одерноватый, емлетъ мѣсячину, на томъ не взяти“. Значить половники, въ Новгородской области, платили налоги, черный боръ по поламъ съ владѣльцами земли, у которыхъ жили; ибо если половникъ платилъ за соху половину налога, то ктоже платилъ другую половину? Значить, половники здѣсь были свободные люди, какъ и въ Псковской землѣ, на равнѣ съ прочими таковыми же, обложенными податями, которыхъ одерноватые не платили. Сличая оба приведенные акта, мы находимъ различіе между половниками тверскими и новгородскими: тверскіе половники—сироты, не вольные люди, ихъ судить землевладѣлецъ, они не платятъ сами за себя бнязю денегъ, за нихъ платитъ монастырь: „тогда Архимандритъ тѣхъ сиротъ пособитъ въ ту тяготу, съ половника дастъ по десятку тверскими кунами“. Напротивъ новгородскій половникъ самъ платилъ за свою половину; слѣд. былъ лицомъ независимымъ отъ землевладѣльца, вольнымъ. Та-

кое различіе для насъ чрезвычайно важно. Мы здѣсь только заявляемъ его, какъ фактъ; въ слѣдствіи же будемъ говорить объ немъ съ должною подробностію.

Половники въ XV и XVI столѣтіяхъ существовали почти во всей Московской и Новгородской Россіи; имя ихъ встрѣчается во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ наиболѣе сохранилось древнихъ памятниковъ. Изъ приведенной выше жалованной грамоты Тверскихъ Князей Отрочу монастырю и Псковской Судной Грамоты видно, что половники находились въ XV в. въ нынѣшнихъ Псковской и Тверской губерніяхъ; они были также въ Костромской (въ Нерехтѣ) ⁽¹⁾, въ Архангельской ⁽²⁾ (на устьѣ Двины), въ Ярославской (въ Пошехонскомъ уѣздѣ) ⁽³⁾, въ Новгородской ⁽⁴⁾; въ XVI вѣкѣ имя ихъ встрѣчается въ Вологодской губерніи (въ Вологодскомъ уѣздѣ) ⁽⁵⁾, въ Новгородской (въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ) ⁽⁶⁾; въ XVII в., кромѣ того, въ Пермской ⁽⁷⁾ и т. д. Прежде нежели приступимъ къ анализу сейчасъ цитированныхъ памятниковъ, заключающихъ извѣстія о

(1) Арх. Эксп. Т. I № 99.

(2) Акт. Юр. № 257 (IV) и № 110 (81).

(3) Тамже № 3.

(4) Акт. Арх. Эксп. том. I. № 32.

(5) Акт. Юр. № 414.

(6) Тамже № 176.

(7) Акт. Арх. Эксп. том. IV. № 137.

половникахъ, считаемъ не лишнимъ сдѣлать оговорку относительно двухъ изъ нихъ, въ которыхъ встрѣчаются слова „половничати“ и „половникъ“, но едвали они выражаютъ половническія отношенія въ нашемъ смыслѣ, т. е. относятся къ крестьянамъ, обработывавшимъ землю изъ половины урожая, даже вообще къ земледѣльцамъ. Вотъ самыя грамоты: Порядная крестьянъ Ивана и Семена Петровыхъ съ Кирилловымъ монастыремъ на рыбную ловлю (*), и жалованная грамота Великой Княгини Маріи Ярославовны Митрополиту Геронтію объ освобожденіи Нерехотскихъ варницъ отъ дани и пошлинъ (**). Для ясности первый изъ этихъ актовъ приведемъ цѣликомъ, а изъ послѣдняго выпишемъ только мѣсто, гдѣ встрѣчается слово половникъ, такъ какъ мѣсто это не имѣетъ связи съ другими частями документа, довольно обширнаго. „Се азъ Иванъ да азъ Семень Петровы дѣти, изъ Каргопольскаго уѣзда, порядилися есмя у старца Меркурія, у келаря Кириллова монастыря, половничати, Кургаловы деревни на треть обжи, да на Солеловы горы на шестой жеребей обжи и всего на полюбжи: и жити намъ за Кирилловымъ монастыремъ, а Государевъ Царскій денежный оброкъ платити по старому, по книгамъ,

(*) Акт. Юр. № 176.

(**) Акт. Арх. Эксп. Том. № 99.

а въ Кирилловъ монастырь, на срокъ на Рождество Христова съ обжи по 3 бочки рыбы живопросольные, большіе звѣнье осенніе ловли, а пласти не воблые, да бочка лещевины, да бочка судачины, а не захотимъ мы тое рыбы на тотъ срокъ везти въ Кирилловъ монастырь, коя въ сей порядной писана и намъ дати за бочку щучины по двадцати алтынъ, да за бочку лещевины по двадцати жъ алтынъ, а за бочку судачины двадцать алтынъ денегъ; а буде Богъ пошлетъ сиговины, ино намъ привезти за бочку судачины съ обжи полбочки сиговины, а не захотимъ мы тое рыбы свести въ Кирилловъ монастырь, коя въ сей порядной писана, и намъ дати за полбочки сиговины двадцать алтынъ денегъ.

Остановимся пока на этомъ мѣстѣ. Г. Чичеринъ (*) въ словѣ половничати видитъ половниковъ и утверждаетъ, что половниками назывались не только тѣ, которые платили землевладѣльцу половину своихъ произведеній, а вообще крестьяне, платящіе оброкъ натурою. Оставляя до времени въ сторонѣ таковой выводъ, мы позволимъ себѣ сдѣлать слѣдующій вопросъ: въ какомъ смыслѣ должно принимать слово половничати? Слово это, безъ сомнѣнія, производное. Корнемъ его могутъ быть два слова: „половина“ и „ловъ“ (ло-

(*) Русск. Вѣстн. 1859 г. февр. кн. 1.

вить). Все зависитъ отъ того, какимъ образомъ оно выговаривается: если произнесемъ половничати, то корень его будетъ половина, и слѣд. оно будетъ выражать обязательство крестьянъ обрабатывать землю, или заниматься другимъ какимъ небудь промысломъ изъ половины добычи; если же мы перенесемъ удареніе въ этомъ сомнительномъ выраженіи на другой слогъ, и скажемъ: „полѡвничати“, тогда оно будетъ означать рыболовство, и тогда Иванъ и Семень Петровы будутъ рыболовы, а не половники. Которое изъ этихъ чтеній слова „половничати“ правильнѣе? Разрѣшить такой вопросъ положительно мы не беремся; однако боѣе склонны думать, что это сомнительное выраженіе въ нашемъ актѣ значитъ рыболовствовать, принимая въ соображеніе слѣдующія обстоятельства: а) Иванъ и Семень Петровы порядились *ловить рыбу* въ угодьяхъ Кириллова монастыря; б) за право рыболовства они обязывались давать въ монастырь не половину добычи, а известное количество рыбы: „бочку лещевины, бочку щучины“ и т. д., и в) они переселились во владѣнія этого монастыря съ другого мѣста, и поэтому имъ не было надобности въ актѣ писать половничати, если бы на прежнемъ мѣстѣ они были даже настоящими половниками. Положимъ, что половниками могли называться даже такіе крестьяне, которые и не изъ половины обрабатывали землю,

но подобный случай могъ имѣть мѣсто только тогда, когда они, не оставляя прежней осѣдлости, вступали съ землевладѣльцемъ въ новыя отношенія. Даже и при переселеніи на другое мѣсто половникъ могъ удерживать прежнее названіе, но только какъ прозвище. Представимъ, что нынѣшній половникъ переселился на казенную землю; односельцы могутъ называть его половникомъ, хотя въ существѣ онъ чистый государственный крестьянинъ, ибо какъ извѣстно всякому, за извѣстнымъ лицомъ, иногда до могилы удерживается названіе, производное отъ его первоначальнаго званія или званія его отца, и переходитъ къ потомству даже и тогда, когда лицо это вступило въ другое сословіе или обратилось къ другимъ занятіямъ. Но, повторяемъ, такое названіе всегда имѣетъ характеръ прозвища. Заставьте же, теперь, тогоже половника, который перешелъ въ званіе государственныхъ крестьянъ и котораго сосѣди и знакомые называютъ половникомъ, заключить договоръ съ владѣльцемъ какого нибудь озера, обязывающій его на какихъ бы то ни было условіяхъ, кромѣ половническихъ, ловить рыбу: развѣ въ актѣ онъ напишетъ: „обязуюсь я половничать“, т. е. быть половникомъ, обрабатывать землю изъ половины урожая? Нѣтъ сомнѣнія, что онъ напишетъ: „обязываюсь ловить рыбу“. Возьмемъ еще примѣръ болѣе яркій. Положимъ, что

половникъ, не перешедшій въ званіе госуварственныхъ крестьянъ, но не заключившій контракта съ своимъ прежнимъ хозяиномъ, нанимается гдѣ нибудь въ пастухи: не ужели въ контрактѣ онъ напишетъ, что нанимается половничати? Отвѣта, кажется, не нужно.

Если бы въ разсматриваемомъ нами актѣ Иванъ и Семень Петровы назвали себя половниками, именемъ существительнымъ, то мы бы могли допустить, что они, и поступаая въ новое званіе, въ новымъ занятіямъ, удержали за собою, по привычкѣ, прежнее названіе, какъ прозвище. Но они словомъ половничати (глаголомъ) обозначаютъ предстоящія имъ занятія, т. е. рыболовство, и поэтому мы болѣе склонны слово „половничати“, употребленное въ приведенномъ актѣ, принимать въ смыслѣ рыболовничать, а не половничать.

Во всякомъ случаѣ не сомнѣнно, что слово половникъ (земледѣлецъ) происходитъ отъ обыкновенія отдавать земли для обработыванія изъ половины урожая. Изъ разбора грамотъ Тверскихъ Князей Отрочу монастырю объ освобожденіи монастырскихъ людей отъ княжескихъ даней и пошлинъ, читатель могъ замѣтить, что уже въ XIV вѣкѣ, вслѣдствіе привиллегій, данныхъ монастырямъ—землевладѣльцамъ, отношенія землевладѣльцевъ къ земледѣльцамъ должны были измѣниться; такъ первымъ было предоставлено получать отъ

послѣднихъ тѣ дани и пошлыны, которыя первоначально шли въ пользу князей; другими словами, землевладѣльцы получали право и возможность пользоваться болѣе, нежели половиною урожая. Слѣд. чисто половническія отношенія уже победались. Точно также могли быть уклоненія и въ другую сторону, т. е. въ пользу земледѣльцевъ — половниковъ. Скажу даже болѣе, съ теченіемъ времени уклоненія отъ нормы въ пользу той или другой стороны, должны были происходить, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ: измѣненія производительности почвы, политическихъ обстоятельствъ, привиллегій, подобныхъ тѣмъ, которыя даны были Отрочу монастырю, большаго или меньшаго предложенія рабочихъ рукъ и т. п. Такимъ образомъ нѣтъ ничего страннаго, что земледѣлецъ, иногда продолжая именоваться половникомъ, въ существѣ дѣла таковымъ уже не былъ.

Мало того: есть основаніе предполагать, что половниками могли быть не только люди, занимающіяся хлѣбопашествомъ; но и другіе промышленники. Напримѣръ изъ Псковской Судной Грамоты видно, что огородники также занимались своимъ промысломъ изъ половины валоваго дохода съ арендуемыхъ ими огородовъ. На такихъ же условіяхъ могли арендовать и владѣльческія рыбныя ловли рыбопромышленники, подобные Ивану и Семену Петровымъ и называться половниками, т.

е. людьми, занимающимися рыбною ловлею изъ половины добычи. И точно также, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, они могли измѣнить половническія отношенія къ владѣльцу земли, хотя напримѣръ на такія, какія значатся въ разбираемой порядной. Что въ XVI вѣкѣ было обыкновеніе арендовать владѣльческія рыбныя ловли съ платою за пользованіе ими извѣстной части улова видно изъ порядной Федора Малафѣева и его товарищей съ Кирилловымъ монастыремъ на рыбную ловлю на устьѣ р. Теибы(*): Малафѣевъ съ его товарищами отдавали въ монастырь $\frac{1}{4}$ улова. При этомъ случаѣ не могу не замѣтить, что изъ извѣстной части арендовали въ то время не одни крестьяне въ современномъ смыслѣ: ибо изъ порядной Малафѣева видно, что въ обязательство съ Кирилловымъ монастыремъ, вмѣстѣ съ Малафѣевымъ, вступили одинъ монахъ и одинъ священникъ.

Но такъ или иначе, а этимъ также можетъ быть объяснено, почему Иванъ и Семень Петровы написали въ актѣ, что они порядились половничати: будучи когда-то рыболовами — половниками они, и заключая договоръ, по старой привычкѣ въ договорѣ могли назвать свои занятія половничествомъ, хотя уже и не дѣлились уло-

(*) Актъ юрид. № 179.

вомъ по поламъ съ владѣльцемъ ловель, подобно тому, какъ въ такомъ же случаѣ Тверскіе Князья называли половниками сиротъ Отроча монастыря. То обстоятельство, что Иванъ и Семень Петровы были рыболовами на прежнемъ мѣстѣ жительства едва-ли подлежитъ сомнѣнію, судя по содержанію самаго акта: они, поряжаясь съ Кирилловымъ монастыремъ и не выговаривая себѣ никакой ссуды, или, какъ иногда говорилось тогда, подмоги, должны были принести съ собою рыболовныя снасти, которыя не могли быть малоцѣнны, судя по размѣру промысловъ; ибо если они обязались монастырю доставлять 5 бочекъ крупной рыбы, — должны были добывать, конечно, еще большее количество. Безъ пособія со стороны, одними своими средствами и притомъ вдругъ, рыболову трудно пріобрѣсти необходимое для производства такого промысла обзаведеніе. При томъ же, для занятій рыболовствомъ въ столь значительномъ размѣрѣ нуженъ продолжительный навыкъ.

Короче сказать, изъ вышеизложеннаго очевидно, что Иванъ и Семень Петровы употребили слово половничати въ смыслѣ рыболовствовать, — имѣетъ ли оно такое филологическое значеніе, т. е. происходитъ ли отъ корня „ловъ“, или употреблено въ переносномъ смыслѣ; потому что Петровы, занимаясь рыбною ловлею искони на половническихъ условіяхъ, усвоили своимъ занятіямъ названіе по-

ловничества, хотя отношенія ихъ къ владѣльцамъ впоследствии и не были чисто половничьи.

Обращаюсь теперь къ выводу, сдѣланному г. Чичеринымъ изъ разобраннаго акта; онъ утверждаетъ, что половниками назывались у насъ только тѣ, которые платили землевладѣльцу половину своихъ произведеній, и вообще крестьяне, платящіе оброкъ натурою. Уже изъ вышеизложеннаго явствуется, что такое положеніе ни какъ нельзя принять за общее правило, что если иногда и назывались половниками земледѣльцы, рыболовы и другіе промышленники, дѣлившіеся съ владѣльцами состоявшихъ въ ихъ пользованіи угодій не половиною урожая или добычи, то это потому только, что они когда то были половниками въ прямомъ смыслѣ слова, по старой привычкѣ удерживали за собой прежнее названіе. Кроме того, убѣжденію, что половниками назывались всѣ тѣ лица, которыя платили землевладѣльцамъ оброкъ натурою, противорѣчатъ слѣдующіе факты: 1. Ранѣе я ссылался на жалованную грамоту Великаго Князя Ивана Даниловича (1328—1340), данную печерскимъ сокольникамъ объ освобожденіи ихъ отъ даней и повинностей (*), изъ которой видно, что уже въ XIV вѣкѣ у насъ существовали люди, обработывавшіе чужія земли изъ тре-

(*) Акты Арх. Эксп., Т. I, № 3.

ти урожая и называвшіеся потому третниками: „и что у нихъ третники и наймиты, кто стра- жетъ на готовыхъ конѣхъ, а въ кунахъ“. Зна- чить, не всякій, кто платилъ землевладѣльцу об- рокъ натурою назывался половникомъ. Равнымъ образомъ крестьяне Калины Скриплева дер. Со- нина, взявши у Макарьево-Желтоводскаго монасты- ря въ арендное содержаніе бортные ухажья, съ обязательствомъ платить за пользованіе ими из- вѣстное количество меду, называютъ себя сначала крестьянами, а потомъ бортниками (*). 2. Допу- ская предположеніе г. Чичерина, что всѣ пла- тившіе землевладѣльцамъ оброкъ натурою называ- лись половниками, пришлось бы допустить и то, что всѣ наши крестьяне, за ничтожными исключе- ніями, назывались половниками; потому что почти всѣ они платили землевладѣльцамъ за пользованіе землею натурою; по крайней мѣрѣ мнѣ очень ма- ло извѣстно актовъ, изъ которыхъ бы видно бы- ло противное. 3. Памятники XVI вѣка свидѣ- тельствуютъ, что земледѣльцы, селившіеся на вла- дѣльческія земли не на правахъ половниковъ, никогда не называли себя этимъ именемъ: напро- тивъ, они писали тогда: „порядилися есми во крестьяне“ (**), и это весьма натурально: если крестьяне въ тѣсномъ смыслѣ отличались отъ

(*) Акты Юрид., № 202.

(**) Тамже, №№ 180, 186, 190, 191 и др.

половниковъ существенно. Половникъ, настоящій половникъ, обрабатывалъ чужую землю или, пожалуй, ловилъ рыбу въ чужомъ угоды изъ платы части добычи, обыкновенно половины, и только въ особенныхъ случаяхъ, болѣе или менѣе половины. Крестьянинъ же, кромѣ платы владѣльцу 5-го, 6-го снопа съ предоставленнаго ему участка, обязанъ былъ работать на хозяина. Что бы нагляднѣе представить обязанности крестьянина къ землевладѣльцу, я приведу здѣсь нѣсколько отрывковъ изъ порядныхъ, напечатанныхъ въ актахъ юридическихъ: а., 1582 г. Апрѣля 25: „пашня намъ пахати, земли не запереложити и вново чистити, а во дворѣ намъ поставити изба новая, въ девять десять первомъ году, полутрети сажени, и старыя хоромы починивати; а дани Царя Великаго Князя, и оброки и всякіе Государскіе подати давати и въ монастырь хлѣбной оброкъ всякой платити, по книгамъ, сполна, и издѣлье монастырское всякое намъ дѣлати, какъ и прочіи крестьяне и т. д.“ (*) 1576 г. Ноября 23: „и какъ пройдутъ тѣ льготныя два года, и намъ давати въ монастырь Николы Чудотворцу оброкъ по рублю по московскому на годъ и на дѣло монастырское ходити, какъ иные крестьяне ходятъ“. (**) 1630—1634 г.: „А такъ минутъ

(*) Тамже, № 182.

(**) № 178.

льготные два года, и намъ у Пречистые Богородицы Тифина Монастыря у Игумена Васьяна и у всей братии жити въ послушаніи, какъ прочимъ крестьянамъ, и живучи намъ Государево тягло тянути и страда монастырская всякая со крестьяны страдати, что Игумень Васьянъ съ братьею прикажетъ“ (*). Напротивъ того, половники на владѣльца ни тягла ни какого не тянули, ни сдѣлья не дѣлали, ни страды монастырской не страдали. Поэтому крестьяне въ порядныхъ и писались именно крестьянами; точно также какъ особый видъ крестьянства „бобыли“ бобылями и назывались (**). Такимъ образомъ я не могу вполне согласится съ Г. Чичеринымъ относительно значенія слова половникъ въ XVI стол. Изъ порядной Ивана и Семена Петровыхъ и вызванныхъ ею разсужденій я вывожу такое заключеніе: 1. Половниками въ древней Россіи назывались не только земледѣльцы, но и другіе промышленники, пользовавшіеся чужими угодіями изъ половины валоваго дохода и 2. Иногда названіе половника носили и промышленники, платившіе владѣльцамъ ихъ участковъ болѣе или менѣе половины произведеній; но это имѣло мѣсто только тогда, когда они ранѣе состояли въ хозяевамъ

(*) № 196 (II).

(*) №№ 189, 193.

въ чисто половническихъ отношеніяхъ и уже въ послѣдствіи по разнымъ причинамъ измѣнили такія отношенія. На это могутъ замѣтить, что если я прежде утверждалъ, что въ древнѣйшей Россіи всѣ земледѣльцы, обработывавшіе не свои земли были половники, то и всѣ виды сельскаго сословія послѣдующаго времени должны происходить отъ старыхъ половниковъ, и слѣдовательно удерживать за собой такое названіе. Но я попрошу читателя припомнить, что, признавая исключительность половничества во время Ярослава, я въ то же время утверждалъ, что число половниковъ тогда было незначительно; а потому и нельзя допустить предположенія, что всѣ крестьяне половничь XVI столѣтія были прямыми потомками половниковъ Устава Ярославова; ибо къ этому столѣтію составъ крестьянскаго сословія умножился, съ одной стороны, по случаю увеличенія пространства земель частныхъ владѣльцевъ, отъ пожалованій, захватовъ и пр., а съ другой стороны, къ крестьянскому сословію примкнула огромная масса земледѣльцевъ, искони сидѣвшихъ на своихъ родовыхъ земляхъ, сдѣлавшихся потомъ собственностію князя, землями чернотяглыми, земледѣльцевъ, получившихъ право переходить на владѣльческія земли, и особенно со времени образованія общинъ.

Подобно тому, какъ усомнился я въ значеніи

слова „половничати“, употребленнаго въ порядной Петровыхъ, точно также не могу дать отчета, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ принять слово „половничати“, встрѣчающееся въ жалованной грамотѣ Вел. Княгини Маріи Ярославовны Митрополиту Геронтію объ освобожденіи Нерехотскихъ варницъ отъ даней и пошлинъ (1473 — 5478), хотя здѣсь оно употреблено уже въ видѣ существительнаго, а не глагола. Вотъ что сказано между прочимъ въ этой грамотѣ: „И азъ Княгини Великая пожаловала, ненадобѣ съ тѣхъ варницъ и съ того починка Реденскаго ни дань, ни ямь, ни подводы, ни мыть, ни тамга, ни восмничее, ни закосное, ни портное, ни скатертное, ни пятенное, ни новоженныя куници, ни хмѣлеваго добладу, ни половниковъ, ни двора волостелева ни ставятъ, ни къ становщикомъ, ни къ десяцкому не тянуть ни въ какіе пошлины, ни въ розметы, ни иные имъ ни которые пошлины не надобѣ; а волостели мои нерехотскіе и ихъ тѣни кормовъ своихъ у нихъ не емлютъ и не судятъ ихъ ни въ чемъ, окричь душегубства и не высылаютъ къ нимъ ни почто; а праветишки и доветишки поборовъ своихъ не емлютъ и не вѣзжаютъ ни высылаютъ къ нимъ ни почто; а вѣдаетъ и судитъ тѣхъ людей всѣхъ митрошиличъ соловарь, или кому прикажетъ. Случится судъ вобчей и т. д.“

Что значитъ здѣсь выраженіе „ни половниковъ“? До этого слова въ актѣ идетъ перечисленіе разныхъ даней и пошлинъ, а послѣ, — такъ называемыхъ нынѣ натуральныхъ повинностей, т. е. личныхъ работъ въ пользу князя и его чиновниковъ. Понятно, что къ первой категоріи повинностей „половниковъ“ отнести нельзя; если-же отнести ихъ къ послѣдней, то представляется вопросъ: какая послуга носила названіе „половники“? Словомъ половникъ не имѣли-ли въ виду назвать здѣсь рыболова, такъ какъ въ XV и XVI ст. обязанность ловить рыбу на князя составляла въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ повинность (*). Но съ другой стороны, приведенный отрывокъ можно объяснить и такъ: выраженіе „ни половниковъ“ могло быть употреблено для обозначенія лицъ, обязанныхъ отправлять натуральныя повинности, вслѣдъ за этимъ словомъ перечисляемыя. Другими словами, двусмысленный отрывокъ грамоты можно перевести такимъ образомъ: „Заводскіе половники освобождаются отъ всякихъ натуральныхъ повинностей; они ни двора волостелева не ставятъ, ни къ сотскому, ни къ десяцкому не тянутъ и т. д.“

Впрочемъ для нашей цѣли разбираемый актъ такъ бѣденъ содержаніемъ, что я считаю за лучшее ограничиться уже сказаннымъ по его поводу:

(*) Акт.

какой-бы смысл ни имѣло встрѣченное въ немъ слово „половникъ“, — изъ него нельзя извлечь даже и тѣхъ скудныхъ выводовъ, какіе получились изъ анализа порядной Ивана и Семена Петровыхъ.

Теперь обратимся къ разбору другихъ актовъ. Самые полезные изъ нихъ для насъ двѣ грамоты Бѣлозерскаго князя Михайла Андреевича и Великаго Князя Василья Васильевича: а) Ѳедору Константиновичу и б) Бѣлозерскимъ намѣстникамъ, боярамъ, боярскимъ дѣтямъ и проч. (*). Выпишемъ ихъ цѣликомъ: 1) „Отъ князя Михайла Андреевича Ѳедору Константиновичу. Прислалъ ко мнѣ Игумень Екимъ и Старецъ Мартемьянъ Ферапонтовы пустыни и вся братія старца Еустратья, а билъ ми челомъ о томъ, а сказываетъ, что являлъ имъ староста Волоцкой мою грамоту такую, что имъ приимати къ себѣ въ волость, въ твой путь на Волочекъ, изъ Мартемьяновскихъ деревень-монастырскіе половники въ серебрѣ, межень лѣта и всегда, да кто де и выйдеть половникъ серебряникъ въ твой путь, ино де ему илатится въ истое на два года, безъ росту, и язь пожаловалъ Игумена Екима и старца Мартемьяна и всю братю, и ты бы монастырскихъ людей серебряниковъ отъ Юрьева дни до Юрьева дни не принималъ, а принималъ бы еси серебряника о

(*) Акт. Арх. Эксп. том. № 48.

Юрьевъ дни о осеннемъ, а который поидеть о Юрьевъ дни монастырскихъ людей въ твой путь, и онъ тогда и деньги заплатитъ, а ту если полѣтнюю подернилъ, а Игумену есми и всей братии отъ Юрьева дни до Юрьева дни изъ своихъ деревень серебряниковъ пускать не велѣлъ, а велѣлъ есми серебряниковъ отпускать за двѣ недѣли до Юрьева дни и недѣлю по Юрьевъ дни, а которые будутъ вышли въ монастырскомъ серебрѣ въ твой путь, и они бы дѣло додѣлывали на то серебро, а въ серебрѣ бы ввели поруку, а осень придетъ и они бы и серебро заплатили и т. д.“.

2) „Отъ князя Михайла Андреевича, на Бѣлозеро, къ намѣстнику и ко всѣмъ боярамъ и дѣтемъ боярскимъ, и околучникомъ и посельскимъ моимъ, всѣмъ безъ омѣнки. Билъ ми челомъ отецъ мой Игумень Касьянъ Кирилова Монастыря, а сказываетъ, что у него отказываете людей монастырскихъ серебряниковъ, и половниковъ, и рядовыхъ людей, и Юрьевскихъ, а отказываете не о Юрьевъ дни, иныхъ о Рождествѣ Христовѣ, а иныхъ о Петровѣ дни. И вы бы такъ серебряниковъ, и половниковъ, и слободскихъ людей, не отказывали, а отказывали серебряника и половника о Юрьевъ дни, да и серебро заплатитъ, а послѣ Юрьева дни отказа отъ серебряника нѣтъ, а коли серебро заплатитъ, тогда ему и отказъ, а Игумену есми серебряника послѣ Юрьева дни

пускати не велѣлъ. А кто сей моеѣ грамоты ослушаетъ, быти отъ меня въ казни“.

Объ эти грамоты относятся ко времени около 1450 г.

Основываясь на нихъ, мы можемъ сдѣлать такіе выводы:

До сихъ поръ мы встрѣчались только съ актами, которые относятся до половниковъ монастырскихъ; изъ грамоты же Бѣлозерскаго Князя Михаила Андреевича Федору Константиновичу видно, что и частные люди держали половниковъ на томъ же основаніи, какъ и монастыри, не только въ Новгородской и Псковской областяхъ; но и Бѣлозерскомъ Княжествѣ и во владѣніяхъ Великаго Князя Московскаго. Въ этой грамотѣ сказано, что Князю били челомъ Ирумень Іоакимъ и старецъ Мартемьянъ (черезъ старца Евстратія) о томъ, чтобы княжескій староста не принималъ къ себѣ несвоевременно половниковъ изъ Мартемьяновскихъ деревень; значить, деревни эти были собственностію Мартемьяна, отказаны монастырю и между тѣмъ они были населены половниками.

2. При разборѣ Псковской Судной Грамоты было замѣчено, что въ то время законнымъ терминомъ перехода половниковъ отъ владѣльца къ владѣльцу было Филищово заговѣнье (14 Ноября). Изъ грамотъ же князей Михаила Андреевича и Василья Васильевича видно, что послѣ того

такое правило было нарушаемо, что даже Князья уполномочивали своихъ чиновниковъ нарушать его („пріимати къ себѣ въ волость, въ твой путь, межень лѣта и всегда“).

Но за то около 1450 г. окончательно установленъ срокъ для перехода половниковъ отъ старыхъ къ новымъ вотчинникамъ „за 2 недѣли до Юрьева дни и недѣлю по Юрьевъ дни“, т. е. въ періодъ времени съ 12 Ноября по 3 Декабря. Два князя даютъ двумъ монастырямъ одновременно право не отпущать половниковъ, жившихъ въ монастырскихъ вотчинахъ, которыя находились въ Бѣлозерскомъ Княжествѣ и во владѣніяхъ Московскаго Князя, а лицамъ, завѣдывавшимъ Княжескими землями, не принимать ихъ въ другіе сроки. Хотя изъ порядныхъ слѣдующаго времени и видно, что крестьяне обязывались сидеть на владѣльческія земли и въ другіе сроки, напримеръ на Рождество Христово (*), съ Евдокіина дни (1 Марта (**)); на Николинъ день, на весенній (9 Мая (***)), съ „Велика дни Пасхи Христовы“ (****) и т. д.; но такіе факты объясняются взаимными соглашеніями землевладѣльцевъ съ земледѣльцами, т. е. такими соглашеніями, до кото-

(*) Акты юрид. № 183.

(**) Тамже, № 185.

(***) Тамже, № 186.

(****) Тамже, № 187.

рыхъ правительству дѣла не было и, надобно думать, до половниковъ — земледѣльцевъ не относились; потому что самое понятіе о половническихъ отношеніяхъ не допускаетъ такого предположенія: какимъ образомъ могъ половникъ оставить земледѣльческую землю до уборки и вымолота хлѣба, т. е. примѣрно до Юрьева дни осенняго, если онъ имѣлъ право на извѣстную долю, большую или меньшую половины урожая, который ожидался съ воздѣланной его трудами и средствами земли? Только половники не земледѣльцы могли и даже должны были иногда заключать договоры съ установленіемъ другихъ сроковъ, потому что періоды напримѣръ рыболовныхъ промысловъ могли не совпадать съ періодомъ земледѣльческихъ работъ. Высказанное же мною убѣжденіе, что половники земледѣльцы не могли оставлять обрабатываемыхъ ими земель до окончанія земледѣльческихъ работъ доказывается еще слѣдующимъ мѣстомъ грамоты Бѣлозерскаго Князя Михаила Андреевича Федору Константиновичу: „а которые (половники) будутъ вышли въ монастырскомъ серебрѣ въ твой путь, и они бы дѣло додѣлывали на то серебро, а въ серебрѣ бы ввели поруку, а осень придетъ, они бы и серебро заплатили“; т. е. тѣ половники, которые вышли изъ монастырскихъ вотчинъ до осени „межень лѣта и всегда“ должны были покончить полевые работы „дѣло додѣлывати“ (а

осень придетъ.....). 3.) Замѣна Филиппова заговѣнья по Псковской Судной Грамотѣ, какъ срокъ половничьихъ выходовъ, Юрьевымъ днемъ по грамотамъ Бѣлозерскаго Князя Михаила Андреевича и Великаго Князя Василья Васильевича ни какого значенія въ моихъ глазахъ не имѣетъ, такъ какъ сроки эти одинъ съ другимъ почти совпадаютъ. Замѣчу только, на основаніи названныхъ грамотъ, что обыкновеніе земледѣльцевъ — половниковъ переходить отъ владѣльца къ владѣльцу о Юрьевѣ дни установилось ранѣе 1450 года; ибо въ грамотахъ о нарушеніи такого правила говорится, какъ о нарушеніи стараго обычая.

4. Въ разбираемыхъ грамотахъ къ слову половникъ обыкновенно прибавляется эпитетъ „серебренникъ“ или „въ серебрѣ“, т. е. взявшій у землевладѣльца денежную ссуду. Это не новое явленіе. О задаткѣ по Уставу Ярослава и о порутѣ, по Псковской Судной Грамотѣ, я уже говорилъ выше, но въ грамотахъ объ этомъ предметѣ говорится подробнѣе, почему я и займусь анализомъ относящихся до ссудъ выраженій. Опять скажу, что, какъ явствуетъ изъ содержанія актовъ, установленныя ими правила не были чѣмъ нибудь новымъ; напротивъ, они суть ничто иное, какъ возстановленіе стараго обычая.

Половникъ бралъ денежную ссуду съ обязательствомъ возвратитъ ее, оставляя землю займодавца,

„а коли серебро заплатитъ тогда ему и отказъ“, Изъ грамоты Князя Михаила Андреевича видно, что такое правило было нарушено, что половники до изданія ея переселились на княжескія земли, не возвративъ занятаго серебра, а Княжескіе чиновники, принимая такихъ половниковъ, обеспечивали землевладѣльцамъ возвратъ ссуды въ два года безъ процентовъ, „платитися въ истое на два годы, безъ роету“. Кажется, что и по силѣ этихъ грамотъ половники брали ссуду безъ процентовъ, по крайней мѣрѣ ни въ одной изъ нихъ не говорится о ростѣ, хотя всеми узаконяется, чтобы ссуда была возвращаема половниками при выселеніи.

Изъ разбираемыхъ актовъ видно, что обыкновеніе давать половникамъ ссуды было общимъ правиломъ.

Правая грамота по спорному дѣлу между Оеропонтовымъ монастыремъ и крестьянами Южской волости о пустошахъ (*), въ которой упоминается о половникахъ, относится въ 1485—1505 г.; но въ нее включены акты, относящіеся въ болѣе отдаленному времени по крайней мѣрѣ къ 1450 г., какъ напримѣръ купчая такого содержанія: „Се язь Данило Васильевичъ Блинъ купилъ есми у Ивана Микулиничя у Москотиньева у

„Большаго деревню Сарьскую, на Югѣ, съ хлѣбомъ и съ сѣмяны, опричь половничьи половины да ихъ собины, и съ пустоши, и съ лѣсы, и съ пожнями и т. д.“.

Изъ этого акта можно извлечь одно довольно любопытное свѣдѣніе, именно что половники имѣли, кромѣ своей половничьей половины, какую то *собину*. Любопытно знать, что такое собина? Не есть-ли это собственный участокъ половника? Но въ такомъ случаѣ не было бы надобности упоминать объ немъ въ купчей на земли, принадлежавшія Ивану Микулину Москотиньеву — Большому. Кажется, вѣрнѣе предположить, что подъ именемъ собины слѣдуетъ разумѣть участокъ земли владѣльца, отданный въ нераздѣльное распоряженіе и пользованіе половниковъ. Въ слѣдующей главѣ я приведу актъ позднѣйшаго времени, изъ котораго видно, что половникамъ иногда предоставлялись въ исключительное пользованіе небольшіе участки земли „огородцы, конопляники и т. п.“. Но теперь не могу не замѣтить, что половничья собина не была недвижимой собственностію, и потому еще, что выраженіе „опричь половничьи половины“ поставлено вслѣдъ за словами: „съ хлѣбомъ и сѣмяны“, слѣдовательно относится только до хлѣба. И такъ были случаи, когда половникъ получалъ болѣе половины произведній воздѣлываемыхъ имъ земель.

Изъ правой грамоты крестьянъ Южской волости видно опять, что не одни монастыри владѣли населенными половниками землями, но и частныя лица. Истину эту можно бы было доказать и еще многими актами; но я не привожу ихъ кромѣ одного, потому что содержаніе ихъ не представляетъ новыхъ данныхъ для исторіи половничества.

Вотъ выписка изъ духовной Федора Алексѣева, относящаяся къ началу XVI вѣка (*). „Взяти ми на Юдкѣ половничьихъ кунъ рубль, взяти ми на Федоткѣ 3 рубли, а отпустилъ есми его на слободу и съ женою и съ дѣтьми; взяти ми на Федкѣ половничьихъ кунъ рубль; взяти ми на Конѣ рубль половничьихъ кунъ; взяти ми на Ефимѣ, да на братѣ на его на Макарь 30 алтынъ безъ гривны половничьихъ кунъ и т. д.“

Половничьи куны духовной Алексѣева, безъ сомнѣнія, суть то же, что серебро жалованныхъ грамотъ Бѣлозерскаго Князя Михаила Андреевича. Слѣдовательно для насъ это извѣстіе не новое; оно любопытно только потому, что зная его, мы знакомимся съ размѣромъ ссудъ, которыя брали половники, при поселеніи на владѣльческія земли: 3 раза рубль и одинъ разъ 30 алтынъ безъ гривны.

(*) Тамже № 414.

Хотя послѣ 2 половины XVI столѣтія до насъ дошли нѣкоторыя извѣстія о половникахъ, но они относятся къ мѣстности, извѣстной подъ названіемъ Поморскихъ городовъ; а такъ какъ исторію половничества этихъ послѣднихъ я предполагаю изложить въ особой главѣ, то при разборѣ извѣстій о Половникахъ остальной Россіи долженъ здѣсь остановиться. Остается сформулировать въ общихъ чертахъ судьбу половническаго права въ Россіи, за исключеніемъ Поморскихъ городовъ.

Изъ вышеизложеннаго видно, что въ Россіи время Ярослава I-го половничество составляло если не единственную, то главную форму отношеній землевладѣльца къ земледѣльцу. Псковская Судная Грамота не признаетъ ни какихъ другихъ отношеній, кромѣ половническихъ (1300). Но уже въ началѣ XIV вѣка отношенія эти стали терять свой чистый, первоначальный характеръ. Такъ подъ 1328—1340 гг., встрѣчается извѣстіе о третникахъ. Изъ жалованной же Грамоты Тверскихъ Князей Отрочу монастырю (1361—1365) видно, что половническія отношенія измѣнились уже въ самомъ существѣ своемъ: кромѣ права суда землевладѣльцы получили еще право, въ замѣнъ дачей и пѣшлинъ, которыми обязаны были половники въ пользу князя, требовать отъ нихъ „служ-

бы и подможенья дому церковному Святое Богородици“. Въ грамотѣ Митрополита Клиріана Константинову монастырю (1391 г. Окт. 21) (*) встрѣчается уже первообразъ слова крестьянинъ — христианинъ: „И Митрополитъ..... такъ рекъ Игумену и христианамъ — монастырскимъ“. Надобно полагать, что слово христианинъ, крестьянинъ первоначально не имѣло опредѣленнаго юридическаго значенія и было родовымъ названіемъ всего сельскаго населенія, которое нынѣ въ Сводѣ Законовъ обозначено именемъ сельскихъ обывателей. Не прежде XVI вѣка слово это получаетъ болѣе тѣсный смыслъ. Такъ напримѣръ въ порядной Игнатя Ананьина съ дѣтьми о жительствѣ въ крестьянахъ за Вязскимъ монастыремъ бобыль ясно отличенъ отъ крестьянина: „Се язь Игнатей Ананьинъ сынъ, своимъ сыномъ съ Иваномъ, да съ пасынкомъ съ Игнашей съ Кузьминымъ сыномъ, что жилъ за Николаю Чудотворцемъ въ крестьянѣхъ въ Заверяжскомъ погостѣ въ деревнѣ въ Ересѣвѣ, да вышелъ вонъ изъ за Николы побѣгомъ..... и выбѣжавъ жилъ въ Лусскомъ погостѣ въ Заболотѣ за сыномъ боярскимъ за Григорьемъ, за Борковымъ въ бобылѣхъ..... и въ нынѣшнемъ во 107..... Игната Игумень съ братією съ сыномъ и съ пасынкомъ

„порядили во крестьяне“. (*) Впрочемъ все сей-
часъ сказанное мною относится только къ назва-
нію. Но изъ этого не слѣдуетъ, что вмѣстѣ съ
названіемъ получило начало и явленіе имъ обоз-
начаемое. Мы уже видѣли, что крестьяне, т. е.
земледѣльцы, пользовавшіеся монастырскими зем-
лями съ платою за то землевладѣльцу разными
работами, упоминается въ началѣ XIV вѣка. Я
позволяю себѣ догадываться, что крестьяне въ это
время были даже и на земляхъ частныхъ лицъ;
въ противномъ случаѣ, не одинъ уже разъ цити-
рованная жалованная грамота Великаго Князя
Ивана Даниловича объ освобожденіи Печерскихъ
сокольниковъ отъ даней и пошлей (1328 —
1340) (**) потеряла бы смыслъ. Эта грамота да-
на Печерскимъ сокольникамъ, „за неже ми люди
тѣ надобны“, а между тѣмъ она освобождаетъ
отъ даней и повинностей и третниковъ ихъ и
наймитовъ. Хотя въ ней и не сказано, подобно
тому какъ это сдѣлано въ грамотахъ Тверскихъ
Князей Отрочу монастырю, что за освобожденіе
отъ этихъ даней и повинностей третники и пр.
обязаны службою и подможеньемъ, но иначе и
быть не могло; ибо иначе какую же пользу из-
влекали бы для себя Печерскіе сокольники изъ

(*) Акт. Юр. № 189.

(**) Акт. Арх. Т., № 3.

милости Князя? Грамота написана собственно для нихъ, а не для ихъ третниковъ и наймитовъ.

Подобными грамотами можно объяснить происхожденіе крестьянъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, именно тѣмъ, что Князья предоставляли монастырямъ и частнымъ землевладѣльцамъ право взаимнѣй даней и пошлинъ, которыя половники платили въ пользу княжеской казны, налагать на своихъ земледѣльцевъ разныя повинности въ видахъ собственныхъ выгодъ. Конечно были и другія причины перехода половниковъ въ крестьяне. Что такія причины были, что они должны были существовать, кажется, смѣло можно утверждать, имѣя въ виду съ одной стороны право свободного перехода земледѣльца отъ одного владѣльца къ другому не только въ предѣлахъ своего княжества, но и изъ одного княжества въ другое, — а съ другой стороны, существованіе свободныхъ договорныхъ отношеній между половникомъ и его хозяиномъ. Производительность земли въ одномъ и томъ же участкѣ могла измѣняться, слѣдовательно и размѣръ вознагражденія землевладѣльцамъ могъ колебаться: существованіе третниковъ какъ нельзя лучше служитъ тому доказательствомъ. Право земледѣльца поселиться или нѣтъ на томъ или другомъ участкѣ, точно также какъ право землевладѣльца принять или не принять половника необходимо давало возможность той или другой изъ

вступающихъ въ обязательство сторонъ устанавливать между собою отношенія, сообразно тѣмъ условіямъ, въ какомъ находился клочекъ земли, составлявшій предметъ договора; слѣдовательно, обязательства эти могли быть весьма разнообразны въ XIV и XV столѣтіяхъ и послѣ того. Между тѣмъ образованіе крестьянства вслѣдствіе жалованныхъ грамотъ уже давало образцы для установленія взаимныхъ отношеній землевладѣльца къ земледѣльцу и не въ привилегированныхъ имѣніяхъ.

Впрочемъ по той или другой причинѣ, а въ Россіи XIV вѣка (я пока не говорю о Поморскихъ городахъ) крестьянство сдѣлалось главнымъ видомъ земледѣльческаго сословія: изъ всѣхъ порядныхъ, напечатанныхъ въ актахъ Юридическихъ (*), которыя относятся къ XVI столѣтію видно, что всѣ земледѣльцы поряжаются въ крестьяне; только одинъ актъ, уже разобранный, именно порядная крестьянъ Петровыхъ съ Кирилловымъ монастыремъ упоминаетъ о половникахъ, но не земледѣльцахъ, а рыболовахъ. Слово половникъ встрѣчается уже изрѣдка и какъ бы случайно. Съ наступленіемъ же XVII вѣка оно совершенно исчезаетъ, потому что исчезли и самыя отношенія, для обозначенія которыхъ служило это слово.

(*) №№ 176—190.

Считаю необходимымъ замѣтить, что хотя я и различалъ до сихъ поръ значеніе словъ половникъ и крестьянинъ; но изъ этого различія не слѣдуетъ заключать, что я считаю тѣхъ и другихъ отдѣльными сословіями. Напротивъ, я думаю, что различіе между ними состояло только въ томъ, что одни платили владѣльцамъ за воздѣлываемыя ими земли главнымъ образомъ извѣстную долю урожая, а другія кромѣ того отбывали въ пользу хозяевъ разныя личныя работы, при чемъ даже и половники, нося это названіе, также иногда дѣлали разное дѣлье на монастыри и другихъ владѣльцевъ, — что къ концу XVI ст. отношенія земледѣльцевъ половниковъ и собственно крестьянъ къ землевладѣльцамъ, влѣдствіе того, такъ перепутались, что слово крестьянинъ, подобно тому, какъ это было при появленіи его, стало безразлично служить для обозначенія и половниковъ и другихъ земледѣльцевъ, тѣмъ болѣе, что между этими видами сельскаго сословія существеннаго, сословнаго различія не было.

Только этимъ можно объяснить то обстоятельство, что указы о прекращеніи крестьянскихъ выходовъ во всѣхъ областяхъ Россіи, за исключеніемъ Поморскихъ городовъ, были примѣнены и къ половникамъ, что влѣдствіе этихъ указовъ, половники, наравнѣ съ прочими крестьянами, сперва стали крѣпки землѣ, а потомъ и лицу землев-

ладѣльца и что вслѣдствіе подчиненія ихъ произволу помѣщиковъ, потеряли и свое названіе и свои первоначальныя права и обязанности. Однакоже и въ самомъ крѣпостномъ правѣ, если только его можно назвать правомъ, есть слѣды половническихъ отношеній. Сформировавшееся съ теченіемъ времени обыкновеніе, которое впоследствии введено и въ законы, обязывать издѣльнаго крестьянина работать 3 дня въ недѣлю на помѣщика и 3 дня на себя, напоминаетъ половническія отношенія.

Но такъ или иначе, а въ Россіи, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ мѣстъ сѣверныхъ областей, въ XVII в. половничество окончательно исчезло, по крайней мѣрѣ *de jure*.

Этимъ я окончиваю свое излѣдованіе о половничествѣ не Поморскихъ городовъ. Позволю себѣ только сдѣлать одинъ вопросъ: на земляхъ государственныхъ или, какъ они тогда назывались, княжескихъ жили половники или нѣтъ? Ни одинъ изъ извѣстныхъ намъ памятниковъ не говоритъ прямо въ пользу утвердительнаго разрѣшенія этого вопроса. По этому я считаю себя въ правѣ дать рѣшительный отрицательный отвѣтъ; тѣмъ болѣе, что изъ всѣхъ почти актовъ видно, что земледѣльцы за пользованіе княжескими землями платили денежный оброкъ и другіе косвенные налоги; тѣ же акты, въ которыхъ встрѣчается сло-

во половникъ, исключительно относится до земель частныхъ владѣльцевъ. Впрочемъ нельзя даже и предположить возможности половничества на княжескихъ земляхъ: это бы противорѣчило его сущности; ибо если частному лицу не предстояло затрудненій при полученіи отъ землевладѣльца части урожая натурою, то для князя это было положительно не возможно. Да и куда ему было столько хлѣба? Однако этого нельзя сказать о всѣхъ княжескихъ земляхъ безъ исключенія. Изъ разныхъ актовъ, особенно духовныхъ княжескихъ, видно, что каждый князь владѣлъ такъ называемыми купленными селами и деревнями. Слѣд. можно предположить, что и владѣли князья такими селами и деревнями на правахъ частныхъ людей, слѣд. могли держать и половниковъ; но этого нельзя отнести къ землямъ собственно государственнымъ, такъ называемымъ волостнымъ.

Этимъ заключая настоящій отдѣлъ своего изслѣдованія, я по принятому мною правилу, попытаюсь представить, на основаніи предъидущихъ соображеній сущность половническаго права XIV, XV и XVI столѣтій въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало въ мѣстности, состоявшей такъ сказать на общихъ правахъ, т. е. за исключеніемъ привилегированныхъ областей.

1. Половниками назывались земледѣльцы, пользовавшіеся владѣльческими землями, и платившіе

за то хозяевамъ половину валоваго дохода съ воздѣлываемыхъ ими участковъ.

2. Отъ такого правила бывали и отступленія, т. е. иногда половники отдавали хозяевамъ болѣе или менѣе половины дохода. Такъ напри- мѣръ имъ иногда предоставлялась какая-то *собина*.

3. Отъ крестьянъ въ тѣсномъ смыслѣ слова половники отличались тѣмъ главное, что платили землевладѣльцамъ часть урожая, тогда какъ крестьяне обязаны были, кромѣ платежа съ пре- доставленныхъ въ непосредственное ихъ распоря- женіе 4, 5 и 6 сноповъ, производить въ пользу хозяина разныя земледѣльческія и даже не земе- дѣльческія работы.

4. Впрочемъ и земледѣльцы, носившіе названіе половниковъ отбывали подобныя работы; но въ такомъ случаѣ въ существѣ они уже не были по- ловниками, а удерживали это названіе, по при- вычкѣ, какъ прозвище, въ память прежнихъ сво- ихъ отношеній къ землевладѣльцамъ.

5. Не только земледѣльцы, но и разные дру- гіе промышленники, пользовавшіеся чужими угодь- ями, какъ напр. рыболовы, иногда назывались по- ловниками въ силу однородныхъ отношеній къ владѣльцамъ.

6. Вообще половники, равно какъ и всѣ дру- гіе виды сельскаго сословія, были люди свободные. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно вслѣдствіе

жалованныхъ грамотъ князей землевладѣльцамъ, они находились во временной зависимости отъ владѣльцевъ, которые иногда имѣли право суда надъ ними, за исключеніемъ важныхъ преступленій, и право налагать на половниковъ разные повинности. Впрочемъ это относится только къ тѣмъ половникамъ, о которыхъ упомянуто въ пунктѣ 4 т. е. къ носившимъ такое названіе, безъ истиннаго содержанія.

7. Но ни въ какомъ случаѣ половниковъ нельзя назвать сословіемъ не свободнымъ уже потому только, что всѣ они имѣли право свободного перехода отъ одного владѣльца къ другому. Такая свобода перехода ограничена была только чисто гражданскими, а не сословными исключеніями. Такъ наприимѣръ:

8. Ежегодно только за двѣ недѣли до осенняго Юрьева дня и недѣлю спустя, половникъ имѣлъ право оставить владѣльческую землю. Такой срокъ былъ установленъ въ XV вѣкѣ разъ на всегда.

9. Половникъ не имѣлъ права оставлять владѣльческую землю, не заплативши хозяину долговъ.

10. Такіе долги суть ничто иное, какъ денежные ссуды, которыя брали половники у землевладѣльцевъ, поселяясь на ихъ земляхъ.

11. Ссуды эти составляли общее, кажется, обремененіе.

12. Ояѣ не были значительны, судя по одному извѣстному намъ акту, не превышая рубля.

13. Половники могли, оставляя владѣльческую землю, селиться на княжескую, государственную, и на оборотъ.

14. Кромѣ того, половники изъ одного княжества переселялись въ другое,

15. Оставляя владѣльческую землю, половникъ имѣлъ право взять свою долю изъ урожая.

16. На половникахъ непосредственно лежала обязанность платить казенныя дани и пошлины, за исключеніемъ особыхъ случаевъ, когда эти дани и пошлины предоставлялись владѣльцамъ, въ пользу которыхъ и налагались тогда на половниковъ особыя повинности, чаще всего натуральныя.

II.

Спрашивается: если, какъ изъ предъидущаго видно, половники, не отличаясь существенно отъ крестьянъ вообще, (т. е. будучи тѣми же крестьянами, только съ случайно удержаннымъ видовымъ названіемъ), вслѣдствіе уничтоженія крестьянскихъ выходовъ, должны были сдѣлаться крѣпкими землѣ, а потомъ и лицу землевладѣльца, то какимъ образомъ могли они до сихъ поръ удержаться въ Вологодской губерніи и сохранить, вмѣстѣ съ названіемъ, свои старинныя права, — право перехода,

право свободнаго договора съ землевладѣльцемъ и независимость отъ него во всѣхъ отношеніяхъ?

Напоминаемъ читателю, что еще въ I отдѣлѣ нашей статьи, указывая на 2 акта, относящіеся къ XV в., именно на данную Новгородскую Великому Князю Василью Васильевичу на черный боръ по Новоторжскимъ волостямъ (около 1437—1462) и на жалованную грамоту Тверскаго Князя Бориса Александровича и удѣльныхъ Тверскихъ Князей Федора Федоровича, Ивана Юрьевича, Андрея Дмитриевича и Федора Александровича объ освобожденіи людей Отроча монастыря отъ княжескихъ даней и проч. (*) (также около 1437—1461 г.), мы замѣтили, что между половниками новгородскими и псковскими съ одной стороны, и тверскими — съ другой, было существенное различіе: первые изъ нихъ были люди вольные, а послѣдніе — нѣтъ. Мы тогда же сказали, что такое извѣстіе весьма важно для насъ и что объ немъ мы распространимся въ послѣдствіи.

Къ этому времени т. е. ко 2-й половинѣ XVI в., въ собственно Московской Руси, или точнѣе въ тѣхъ областяхъ ея, которыя управлялись князьями, безъ участія вѣча, уже сложилось убѣжденіе, что вся земля, не принадлежавшая служилымъ людямъ (боярамъ) на правѣ собственности

(*) Акт. Арх. Эксп. Т. I. № 32.

(вотчинномъ), принадлежала Князю и безъ его вѣдома не могла быть продаваема. Въ упомянутой прежде правой грамотѣ по спорному дѣлу между Оерапонтовымъ монастыремъ и крестьянами Южской волости о пустошахъ (*), относящейся ко времени между 1485—1505 гг., одна изъ тяжущихся сторонъ (южскіе крестьяне Салтыкъ да Висль Трушневъ) выражается такъ: „То, Господине, пустоши Великаго Князя, нашіе волости Южскія“, а свидѣтели, поставленные Трушневыми, Степанъ Трушневъ (отецъ Салтыва и Висла), Чулокъ и Дюдько сказали: „Мы, Господине, помнимъ за 50 лѣтъ, (т. е. по крайней мѣрѣ съ 1455 г.), что всѣ пустоши Великаго Князя, и тянули къ Югу“. Черные люди, т. е. люди, жившіе на княжескихъ земляхъ, какъ видно изъ правой грамоты, въ Московской Россіи не были собственниками; земля принадлежала не имъ, а Великому Князю. Если они и ведутъ судебный процессъ объ оставленіи за ними пустоши сами, то это потому, что хотя пустоши и не составляли ихъ собственности, но, будучи принадлежностью обрабатываемой ими земли, приносили имъ доходъ, и такимъ образомъ въ случаѣ, еслибы пустошами завладѣлъ монастырь, крестьяне потерпѣли бы убытокъ. Великому же Князю было все равно:

(*) Акт. Юр. № 3.

кому бы ни были отданы пустоши судомъ: Князь во всякомъ случаѣ бралъ бы съ волости извѣстный доходъ.

Въ противоположность черной землѣ, т. е. Велико-Княжеской, въ томъ же актѣ упоминаются земли боярскіе: „А что, Господине“, сказалъ Данило Блинь, противникъ Чулка и Висла, „тѣ крестьяне Южской волости называютъ тѣ земли волостными черными Южскіе волости, а тѣ, Господине, земли изстарины боярскія, а не черныя и т. д.“

Въ Новгородскихъ же владѣніяхъ былъ въ то время другой порядокъ вещей: тамъ земли принадлежали не только Государю Великому Новгороду и боярамъ, но и чернымъ людямъ. Это доказывается Судною Новгородскою грамотою 1471 г. августа 11 (*), гдѣ сказано: „Се покончаша Посадники Ноугородцкіе, и тысяцкіе Ноугородцкіе, и бояря, и житьи люди, и купци, и черные люди—вся пять концовъ, весь Государь Велики Новгородъ, на вѣчѣ, на Ярославлѣ Дворѣ“. А далѣе эти классы новгородскаго населенія перечисляются такъ: „А кому будетъ дѣло до владычня челоуѣка, или до боярскаго, или до житейскаго, или до купецкаго, или до монастырскаго, или до кончанскаго, или до улитцаго въ волости о

(*) Акт. Арх. Эксп. Т. I. № 92.

татѣ, и о разбоѣ и т. д.“ Слѣдовательно въ древней Новгородской области кончанскіе и улицкіе люди были люди черные, потому что въ двухъ сейчасъ сдѣланныхъ выпискахъ изъ судной Новгородской грамоты 1471 г. эти слова употребляются, какъ синонимы. Между тѣмъ изъ грамоты видно, что кончанскіе и улицкіе люди имѣли въ то время волости, въ которыхъ держали людей. Это ясно видно изъ продолженія сей-часъ приведенныхъ словъ судной грамоты и „о пожозѣ, и о головщинѣ, и о холопствѣ, а кто будетъ крестъ цѣловать на сей грамотѣ, ино ему речи первое слово, а рука дать по крестному цѣлованью, что тотъ человекъ тать и разбойникъ, или грабезщикъ, или пожегщикъ, или душегубецъ, или холопъ; ино въ коей волости будетъ отъ владыки волостель, или поселникъ, ино имѣ поставитъ того человека у суда, а боярину, и житьему, и купцю, и монастырскому заващику, и поселнину, и кончаньскому, и улитцкому, также св ихъ людей ставити у суда“.

„А кого утяжутъ, а дался въ грамоту, ино ему у того осподаря въ волости не жить: а иметь — жить у того осподаря въ волости, а доличатъ, ино той господарь тѣ убытки подойметъ; а бѣжить въ иную во чью волость, ино тому государю выдать его тому истьцю, а въ иную ему волость не отсылати, і о крестному цѣлованью, ни его людемъ, а о иныхъ дѣлахъ, ино знать истьцю истца“ и т. д.

Хотя здѣсь люди, жившіе въ волостяхъ разнаго званія людей и не названы прямо половниками, но изъ другихъ современныхъ актовъ, именно: изъ Новгородской данной Великому Князю Василью Васильевичу на черный боръ въ Новоторжскомъ уѣздѣ, которая уже не однажды была нами упомянута, — данной Новгородскаго Посадника Василья Степановича Богословскому монастырю, на Пенешкѣ (*), и рядной Степана Цюникова съ Ананьемъ Трофимовымъ (**), — видно, что половники въ то время существовали во всѣхъ Новгородскихъ владѣніяхъ, даже близъ устья Сѣверной Двины.

Такое отличіе Новгородской области, въ отношеніи къ правамъ землевладѣнія ея жителей, отъ остальной Россіи объясняется съ одной стороны вообще большею либеральностью учрежденій новгородскихъ, а съ другой тѣмъ, что, какъ извѣстно, ни одно русское княжество не стояло за старину такъ, какъ Великій Новгородъ, который до конца, даже и послѣ потери самостоятельности, постоянно отстаивалъ свои старинные обычаи. Весьма понятно, почему, при такихъ условіяхъ, въ Новгородскихъ волостяхъ половничество до XV ст. сохранило свой первообразный характеръ, —

(*) Акты юрид. № 110 (VI).

(**) Тамже, № 257 (IV).

почему въ это время является здѣсь такимъ же, какимъ мы видѣли его въ Церковномъ Уставѣ Ярослава и Псковской Судной Грамотѣ; между тѣмъ какъ въ Московской Россіи, подъ вліяніемъ совершенно другихъ историческихъ обстоятельствъ, оно утратило свой первоначальный характеръ.

Въ такомъ же видѣ, какъ и въ Новгородской области, половничество существовало и въ нѣкоторыхъ другихъ: а) Въ Псковской, которая имѣла много общаго по своимъ политическимъ учрежденіямъ съ Новгородскою. Трудно предположить, чтобы половничество послѣ 1300 г., когда оно было тамъ исключительною формою отношеній земледѣльца въ землевладѣльцу, могло измѣнить свой характеръ, тогда какъ все другія политическія учрежденія сохранились въ первоначальной чистотѣ. И б) Съ такимъ же характеромъ является въ это время половничество и въ предѣлахъ нынѣшней Вологодской и отчасти Пермской, Вятской и Архангельской губерній. Хотя мы и не имѣемъ относящихся именно къ XV в. памятниковъ, изъ которыхъ было бы видно, что половничество въ то время существовало въ Вологодской губерніи въ такомъ же видѣ; но это не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, ибо известно, что весь сѣверъ Россіи колонизированъ выходцами изъ Новгорода, и населеніе его находилось въ постоянныхъ сношеніяхъ то мирныхъ, то

враждебныхъ съ метрополіею; слѣд; есть ли возможность предположить, что новгородцы, любители всего своего, не принесли сюда и своихъ учреждений? Это только гипотеза; а вотъ и положительный фактъ, подтверждающій наше убѣжденіе. Вотъ что между прочимъ сказано въ бывшей у насъ подъ рукою въ правой грамотѣ, данной Устюжскимъ воеводою Толстово Устюжскимъ посадскому человѣку Ивашкѣ и волостному крестьянину Андрюшкѣ Жилинымъ по тяжбному дѣлу ихъ съ бзначаемъ Устюжскаго и Тотемскаго архіепископа архимандритомъ Іоасафомъ о новоприсадной землѣ (*). Въ грамотѣ этой сдѣлана слѣдующая выписка изъ писцовыхъ книгъ Никиты Вышеславцова и подъячаго Агея Ѳедорова 131, 132, 133 и 134 г.г. (1523—1526). „Въ Устюжскомъ уѣздѣ, въ Ярокурскомъ стану полдеревни Филипповскіе на рѣкѣ Двинѣ, и въ ней Устюга Великаго Посадскаго человѣка Ѳетки Жилина половники, пашни паханые середніе земли четырнадцать четвертей въ полѣ, а вду потому жѣ, сѣна межѣ полѣ и по оврагомъ двадцать три кошны, да на пожнѣ Савинской сто семнадцать копенъ, лѣса пашеннаго четыре десятины, а не пашеннаго семь десятинь; въ живущемъ выту, а за остальное сѣно за сто копенъ оброку восемь

(*) Рукопись эта принадлежитъ г. В. А. Понову.

алтынъ двѣ денги. Въ томъ же стану Ивановскаго монастыря, что на Устюгѣ Великомъ на посадѣ полдеревни Филипповскіе на рѣкѣ на Двинѣ, а въ ней половники, пашни паханные середніе земли четырнадцать четвертей въ поли, а въ дву потомужъ, сѣна межь поль и по оврагомъ двадцать три копы, да на отхожей пожнѣ Савинской сто семнадцать копень, лѣсу кашеннаго четыре десятины, а не пашеннаго семь десятинь въ живущемъ выгѣ, а за остальное сѣно, за сто копень оброкѣ восемь алтынъ двѣ денги“. Въ томъ же актѣ далѣе сдѣлана выписка „изъ Архіепископскіе сотные владычня стану, что писана сотная 7065 г. (1557) сотная Устюжскихъ книгъ письмо Юрья Ивановича Александра Самсонова отводѣ деревнямъ владычнимъ Ростовскаго отъ Царевыхъ и Великаго Князя земель. Въ старыхъ писцовыхъ книгахъ писано подлинно: лѣта 7030 (1522), а нынѣ тѣмъ деревнямъ владычнымъ отводѣ въ книги отъ Царевы и Великаго Князя земли писанъ потому же, по старому отводу, какъ отводѣ писанъ былъ въ прежнихъ въ старыхъ писцовыхъ книгахъ отъ Царевы и Великаго Князя земли подлинно: въ Ярокурскомъ стану отводѣ владычней деревнѣ Тучекурью отъ Царевыхъ Великаго Князя земель отъ Становыхъ, отъ Ивановыхъ деревень Нефедьева городцкаго человѣка отъ Адовскіе деревни“ (деревня эта до сихъ горъ

населена половниками) да отъ Тутицынскіе межи, отъ рѣки отъ Двины гаточиною, да изъ паточины черезъ поскотину межею до Тучекурскаго лугу, до межи, а на межѣ яма, а отъ ямы дорогою большею Ярокурекою до гаточинки, а изъ паточинъ: и лѣсомъ промежъ Плосскіе пожни, да колодные пожни, да Романовы веретей межею; правая сторона Царя и Великаго Князя земля, черная, становая Ивановыхъ деревецъ Нефедьева Адовскіе деревни да Тутицынскіе, а лѣвая сторона владычня земля Тучекурскіе деревни, а отъ Романовы веретей черезъ Селивановскую веретею отъ огорода до мостоваго болота, да мостовымъ болотамъ по старому осѣку на березу, на грань, да отъ березы межею на сосну, а отъ сосны въ Демяновское болото, правая сторона Царя и Великаго Князя земля демяновскіе деревни Сухонскаго стану, а лѣвая сторона владычня, Тучекурскіе деревни“. Изъ этой выписки видно между прочимъ, что уже въ первой четверти XVI вѣка (1523 г.) въ Устюжскомъ уѣздѣ посадскіе люди владѣли землями, населенными половниками, и земли эти назывались черными Царя и Великаго Князя. Безъ сомнѣнія и ранѣе начала XVI в. половничество въ такомъ же видѣ существовало въ Устюжскомъ уѣздѣ; но для насъ все равно, существовало оно или нѣтъ, ранѣе 1523 г. Для насъ важно то обстоятельство, что въ сѣверной

Россіи, т. е. въ нынѣшнихъ губерніяхъ: Архангельской, Вологодской, Олонелкой, Новгородской и Псковской половничество имѣло другой характеръ, нежели въ остальной Россіи.

Однако съ теченіемъ времени болѣе и болѣе суживались предѣлы области, въ которой находилось половничество-вольное, старинное. Причина такого явленія заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что болѣе и болѣе ограничивалась мѣстность, гдѣ черные люди, посадскіе и водостные имѣли право владѣть землями.

Такъ въ 1623 году, во всей Новгородской области, не осталось во владѣніи черныхъ людей ни влочка земли, какъ видно изъ царской грамоты новгородскому воеводѣ князю Ромодановскому о сборѣ съ Новгородскаго посада и уѣзда денегъ на построеніе въ Новгородѣ мостовъ (*). Въ грамотѣ этой встрѣчаются такія слова, „и всего съ Новгородскаго посаду и съ уѣзду, съ митрополичихъ и съ монастырскихъ вотчинъ и съ дворянскихъ и съ дѣтей боярскихъ помѣстей“. О черныхъ людяхъ, о кончанскихъ и улицкихъ, какъ о землевладѣльцахъ — ни слова, хотя въ Новгородской области и были черныя земли, какъ явствуетъ изъ той же грамоты. Вмѣстѣ съ тѣмъ,

въ современныхъ актахъ о половникахъ въ Новгородской землѣ вовсе не упоминается.

Такое обстоятельство объясняется введеніемъ помѣстной системы въ Новгородской области. Должно полагать, что къ концу XVI вѣка правительство успѣло примѣнить къ Новгородской области тотъ порядокъ, который существовалъ въ Московской Россіи, т. е. признало своею собственностію всю государственную территорію, за исключеніемъ боярскихъ вотчинъ, и роздало служилымъ людямъ.

Какъ бы то ни было, а съ конца XVI в. даже имени половниковъ не встрѣчается нигдѣ, кромѣ такъ называемыхъ поморскихъ городовъ, — а поморскими городами называлась мѣстность, въ которой находились города Устюгъ, Сольвычегодскъ, Вятка, Каргополь, Яренскъ, Кайгородокъ, Тотьма, Соликамскъ, Пермь, Чердынь, Двина, Кевраль, Чаронда, Мезень, Пустозеро и Кольскій острогъ (*). Да и въ поморскихъ городахъ, кажется, не вездѣ встрѣчаются половники; такъ на примѣръ, нѣтъ извѣстій о существованіи ихъ въ Тотемскомъ уѣздѣ.

Но во всякомъ случаѣ въ поморскихъ городахъ посадскіе черные люди повсемѣстно и на всегда сохранили право владѣть землями; это, кажется, ясно. Теперь спрашивается: почему же въ помор-

(*) Тамже, Т. IV № 250.

скихъ городахъ черные люди удержали такое право, между тѣмъ какъ въ Новгородской и Псковской областяхъ мы этого не видимъ.

Намъ кажется, что причина тому заключается въ отдаленности Поморья отъ Москвы, въ затруднительности служилымъ людямъ, въ случаѣ надобности, являться на службу, если бы имъ были розданы тамъ помѣстья. Что поморскіе города сохранили свои старинныя права не вслѣдствіе какихъ либо привилегій доказывается тѣмъ, что были случаи отдачи находившихся въ нихъ земель служилымъ людямъ на помѣстномъ правѣ. Такъ, на примѣръ, Лена, въ Яренскомъ уѣздѣ, — была во владѣніи извѣстнаго въ нашей исторіи дьяка Грамотина, гдѣ ему принадлежало 74 двора крестьянскихъ и 5 бобыльскихъ, какъ видно изъ Царской грамоты 1632 іюля 30 на Вымъ яренскому воеводѣ Милославскому о перенесеніи стараго острога на новое мѣсто (*).

Кромѣ того въ нынѣшнихъ Тотемскомъ и Нибольскомъ уѣздахъ въ настоящее время есть помѣщичьи крестьяне, хотя ихъ и немного (по 1000 съ небольшимъ душъ въ каждомъ). Впрочемъ табой фактъ не можетъ служить рѣшительнымъ доказательствомъ того, что и въ поморскихъ городахъ раздавались земли на помѣстномъ правѣ,

(*) Тамже, Т. III, № 204.

потому что помѣщичьи имѣнія въ упомянутыхъ уѣздахъ лежатъ около границы Костромской губерніи, слѣд. могли быть причислены къ Вологодской губерніи въ послѣдствіи. Однако такъ или иначе, а право черныхъ людей поморскихъ городовъ владѣть землями и держать на нихъ полониковъ сохранилось до XVII ст.

При этомъ я не могу не сдѣлать небольшого отступленія. Именно я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ по поводу статьи г. Бѣляева: „Крестьяне на Руси“ (*). Г. Бѣляевъ утверждаетъ, что въ XVI в. „крестьянинъ на собственной землѣ, имъ такъ или иначе пріобрѣтенной, по прежнему, былъ хозяиномъ — собственникомъ, могъ ее продать, заложить, подарить и дѣлать распоряженія. Отъ XVI в. мы имѣемъ нѣсколько купчихъ на земли и даже на деревни, таковы въ Юридическихъ Актахъ напечатаны: купчая Василья Дьяконова на пожни и наволоки въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, 1550 г., купчая Каргопольца Ивана Межникова на участки земли близь Турчасовскаго посада 1568 и 1571 гг.; въ моемъ собраніи грамоты имѣются посильныя, или тѣже купчія, крестьянъ: Ивана, Терентія и Моисея Константиновыхъ дѣтей, писанныя въ 1534 г.; отступная Курь-Островца Ермолы Плѣшкова на

(*) «Русс. Бѣс.» 1859 г. № II стр. 74 и 75.

полдеревни Шутовской 1573 г. и т. д.“ Всѣ приведенные г. Бѣляевымъ акты дѣйствительно свидѣтельствуютъ о томъ, что крестьяне въ XVI в. отчуждали земли; но акты эти касаются земель, находившихся въ поморскихъ только городахъ; слѣд. безспорно служатъ подтвержденіемъ сейчасъ высказаннаго нами мнѣнія, что черные люди могли владѣть землями исключительно въ поморскихъ городахъ, а не во всей тогдашней Россіи, (какъ, кажется, думаетъ г. Бѣляевъ), и не на полномъ правѣ собственности, хотя и продавали и закладывали и дарили и т. д. ихъ, о чемъ скажемъ ниже.

Намъ остается прослѣдить тѣ памятники, въ которыхъ есть указанія на половничество въ поморскихъ городахъ послѣ 1523; мы говоримъ только въ поморскихъ городахъ, потому что, какъ выше замѣтили, въ другихъ мѣстностяхъ оно въ концѣ XVI ст. уже не существовало.

Мы имѣемъ рукопись неизвѣстнаго автора, доставленную намъ однимъ любителемъ древностей(*), которая имѣетъ заглавіе: „*О крепостныхъ земляхъ и живущихъ на нихъ половникахъ (**)*“ и написана съ цѣлію объяснить происхожденіе по-

(*) Алекс. Дм. Воропецкимъ.

(**) Рукопись, о которой говоритъ авторъ статьи, была уже напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ» г. Свинына, за 1862 годъ.

ловничества и права Устюжскихъ посадскихъ людей владѣть землями. Вотъ что говоритъ авторъ объ этомъ предметѣ: „Вологодской губерніи въ Велико-устюжскомъ уѣздѣ, что прежде была область, издревлѣ и, сколько извѣстно, со-временъ царя Іоанна Васильевича, съ 1552 г. (7060), монархами жалованы были земли посадскимъ съ предоставленіемъ права держать на нихъ, для обработыванія, свободныхъ вольножелающихъ крестьянъ, кои въ таковомъ положеніи оставались за ихъ потомками изъ платы половины хлѣба и сѣна, ими собираемого, и назывались половниками“. „Въ 1652 г. царь (Алексѣй Михайловичъ) грамотою къ воеводѣ князю Мышецкому Высочайше указалъ оставить сіи земли за тѣми же владѣльцами, на прежнемъ основаніи“. „Подтвердительною грамотою 1699 г. марта 31 Государь Императоръ Петръ Великій, по челобитью устюжскихъ посадскихъ повелѣлъ имъ владѣть деревнями и крестьянами по прежнему т. е. землями и половниками“. Всѣ другія грамоты, относящіяся до этого предмета, по увѣренію автора, сгорѣли во время бывшаго въ г. Устюгѣ въ 1715 г. пожара.

Изъ трехъ грамотъ, на которыя авторъ ссылается, намъ извѣстна только одна, именно грамота 1652 г. (*); въ двухъ другихъ мы не могли,

(*) Полн. Собр. Зак. Т. I. № 49.

въ сожалѣнію, отыскать. Но не сомнѣваемся въ томъ, что онѣ существовали, а можетъ быть и теперь существуютъ. По всему видно, что онѣ были въ рукахъ автора рукописи: онъ называетъ даже фамилію дьяка, скрѣпившаго грамоту 1699 г. (Михайловъ), и притомъ грамота эта была при производившемся въ правительствующемъ сенатѣ дѣлѣ, какъ видно изъ сенатскаго указа 1810 г. августа 4. Хотя правительствующій сенатъ и не указываетъ на грамоту 1552 г., но въ дѣйствительномъ ея существованіи мы также не имѣемъ права сомнѣваться, потому что такого сомнѣнія не допускаетъ съ одной стороны дѣловый, безпристрастный тонъ рукописи; а съ другой то, что она составлена безъ всякой задней мысли: авторъ ея, какъ видно, писалъ только то, что нашелъ въ находившихся у него подъ рукою документахъ. Кроме того и вышеприведенные нами акты свидѣтельствуютъ, что еще прежде 1552 г. въ Устюжскомъ уѣздѣ посадскіе люди владѣли землями и половниками. Но намъ кажется страннымъ выраженіе автора: „со временъ Царя Іоанна Васильевича съ 1552 г. монархами жалованы были земли посадскимъ съ предоставленіемъ права держать на нихъ половниковъ“. Представляется вопросъ, почему посадскимъ людямъ только поморскихъ городовъ были жалованы населенныя земли? На такой вопросъ мы знаемъ даже оффиціальныи

отвѣтъ. Вотъ что сказано въ вышеупомянутомъ сенатскомъ указѣ 1810 г. августа 4-го: „устюжскія - области, или такъ называемыхъ поморскихъ городовъ, посадскіе люди изъ древнихъ лѣтъ и еще до 1660 (1652) г. имѣли привиллегію, за отправляемыя ими тогда, какъ изъ представленной къ дѣлу сему грамоты 1707 г. марта 31 числа видно, сверхъ обыкновенныхъ городскихъ повинностей, службы у города Архангельскаго и въ сибирскихъ городахъ при таможенныхъ и при питейныхъ сборахъ, и за употребленіе ихъ по тѣмъ мѣстамъ, для всякихъ государевыхъ дѣлъ въ посылкахъ, пріобрѣтать себѣ въ собственность земли и имѣть на нихъ, для обработыванія, по добровольному согласію, черносошныхъ крестьянъ, давая имъ изъ всѣхъ произведеній половину, отчего они и названіе половниковъ получили“.

Но этотъ отвѣтъ насъ не удовлетворяетъ. Если привиллегія, какъ сказано въ сенатскомъ указѣ, пріобрѣтать населенныя половниками земли дана была посадскимъ людямъ Устюжской области за отправляемыя ими, сверхъ обыкновенныхъ городскихъ повинностей, службы у города Архангельскаго и въ сибирскихъ городахъ, то это могло случиться уже гораздо послѣ 1552 г., потому что городъ Архангельскъ и сибирскіе, какъ напримѣръ Тобольскъ и Тюмень, основаны не ранѣе 1580 гг., т. е. 35 лѣтъ спустя (*).

(*) Карамз. «Ист. Госуд. Росс.» Т. 10 стр. 23 и 66 (изд. 6).

Хотя неизвѣстный авторъ принадлежащей намъ рукописи и называетъ грамоту 1699 г. подтвердительною; но мы, послѣ вышесказаннаго, считаемъ себя въ правѣ думать, что грамота эта не подтверждала правъ посадскихъ людей Устюжской области владѣть населенными половниками землями, а признала только существующій фактъ, и притомъ, не основываясь на прежнихъ законодательныхъ актахъ, а какъ-бы въ вознагражденіе за то, что въ послѣднее время посадскіе люди были обязаны разными службами въ пользу государства. Въ противномъ случаѣ въ сенатскомъ указѣ не было-бы столь опредѣленнаго выраженія „еще до 1600 г.“, а сказано бы было въ такомъ-то году была дана такая-то привиллегія.

Поэтому намъ кажется, что авторъ рукописи сдѣлалъ слишкомъ широкій выводъ изъ грамоты 1552 г., сказавъ, что съ 1552 г. монархами жалованы были посадскимъ земли, населенныя половниками, — и такимъ образомъ, объясняя происхожденіе нынѣшняго половничества, какъ-бы намекнулъ, что оно существованіемъ своимъ обязано чуть-ли не исключительно пожалованьямъ. Если бы это было такъ, или даже почти такъ, т. е. еслибы посадскимъ людямъ были часто жалованы земли, то безъ сомнѣнія до насъ дошло бы нѣсколько подобныхъ актовъ, чего на самомъ дѣлѣ не случилось. Правда, авторъ рукописи утверж-

даетъ, что кромѣ грамоты 1552 г. остальные сторѣли въ приказной избѣ, въ бывшій 1715 г. въ г. Устюгѣ пожаръ. Но пожаръ этотъ не могъ истребить всѣхъ, касающихся нашего вопроса актовъ, потому что всѣ они не могли же быть сосредоточены въ одномъ Устюгѣ, ибо половничество существовало не только въ Устюжскомъ уѣздѣ, но и въ нынѣшнихъ Сольвычегодскомъ, Яренскомъ и Нюхольскомъ Вологодской губерніи и въ Соликамскомъ и Пермскомъ—Пермской; да и собственно устюжскіе владѣльцы не держали же всѣ свои юридическіе документы въ Приказной избѣ. Если бы, далѣе, устюжскимъ посадскимъ земли были жалованы, то онѣ не считались бы черными и не несли бы повинностей на ряду съ черными, что какъ увидимъ, было всегда общимъ правиломъ. Наконецъ правительство не могло же раздать посадскимъ столько земель, что въ одномъ Усольскомъ уѣздѣ (въ нынѣшнемъ Сольвычегодскомъ) съ частями Устюгскаго (Дальскій погостъ) и Устьсысольскаго (Дузскіе Пермцы), гдѣ впрочемъ не было половниковъ, сидѣло на нихъ до 4000 душъ половниковъ, какъ видно изъ переписной книги 168 г. (1660). Такимъ образомъ мы полагаемъ, что неизвѣстный авторъ рукописи, несмотря на признанную нами добросовѣстность его, или не точно понялъ значеніе царской грамоты 1552 г., или грамота эта была исключеніемъ изъ общаго

правила, и имѣеть только значеніе современнаго свидѣтельства о томъ, что половничество продолжало существовать въ Вологодской губерніи въ половинѣ XVI ст.

Но какимъ же образомъ — повторяемъ — половническое право удержалось въ Вологодской губерніи, когда въ остальной Россіи всѣ крестьяне сдѣлались вѣрники земли послѣ уничтоженія крестьянскихъ выходовъ? Отвѣтъ теперь незатруднителенъ: потому, что половники были черносопные крестьяне и земли, на которыхъ они жили, черныя, — а главное, что владѣльцы этихъ земель были также люди черные. Конечно монастырей нельзя назвать черными юридическими лицами, но землями они владѣли на правахъ черныхъ людей, чему есть множество доказательствъ, какъ увидимъ въ послѣдствіи. Вслѣдствіе сего владѣльцы земель, населенныхъ половниками, не могли воспользоваться указами объ уничтоженіи юрьевыхъ дней, потому, что указы эти до нихъ не касались: они были изданы собственно для служилыхъ людей, которые владѣли поземельною собственностію на вотчинномъ или на помѣстномъ правахъ. Посадскіе люди поморскихъ городовъ не были вотчинниками, потому что земли ихъ все-таки принадлежали государству, не смотря на то, что могли быть владѣльцами продаваемы, закладываемы, даримы, завѣщаемы и т. п. Они не были и

помѣщиками, потому что не были служилыми людьми.

Итакъ владѣльцы земель, населенныхъ половниками, не имѣли права воспользоваться указами объ уничтоженіи юрьевыхъ выходовъ, а правительство не имѣло ни надобности, ни выгоды примѣнить эти указы къ такимъ землямъ, потому что онѣ были черныя: не все-ли равно для него было, какую землю половникъ обрабатываетъ: владѣльческую или государственную, — финансовыя расчеты тутъ ни сколько не страдали.

Теперь намъ остается прослѣдить тѣ памятники XVII ст., которые, заключаая въ себѣ болѣе или менѣе подробныя извѣстія о половничествѣ, могутъ дать намъ возможность показать читателю въ какомъ видѣ перешло оно въ XVIII ст. и опредѣлить его тогдашнее значеніе. Первый актъ этого времени, непосредственно относящійся до половничества, есть Царская грамота 1610 г. въ Устюгъ Великій объ освобожденіи деревень Архангельскаго монастыря отъ платежа данныхъ и оброчныхъ денегъ (*). Вотъ что сказано въ ней.

„А вотчинные-де ихъ монастырскіе деревни, въ Устюгскомъ и Усольскомъ уѣздѣ въ черныхъ сошкахъ, платятъ Намъ съ нихъ всякія подати съ земскими съ черными людьми вмѣстѣ сполна, а

(*) Акт. Арх. Эксп. Т. IV. № 158.

бѣлыхъ-де у нихъ монастырскихъ деревень, и земель, и пожень ни одного загонцу безданно и беззоборочно нѣтъ и нынѣ-де имъ откупатись стало не чѣмъ, въ казнѣ-де денегъ нѣтъ и хлѣба продать нечего, что сталь-де хлѣбный недородъ“ и т. д.

Въ Царской грамотѣ отъ 30 іюля 1632 г. на Выми, Яренскому воеводѣ Милославскому, о перенесеніи стараго острога на удобнѣйшее мѣсто (*) встрѣчаются слѣдующія мѣста. „И тотъ острогъ можно перенести отъ того мѣста на иное мѣсто, всего съ версту, по р. по Вычегдѣ, усть рѣчки Бижмолки, на Семейному деревню Потапова, вверху къ Оедькину двору Курсина“. Далѣе: „А въ писцовыхъ книгахъ, письма и мѣры Осипа Хлопова да Подьячаго Михайла Максимова, 136, 137 году написано: „въ Еренскомъ городѣ и на Выми, на посадѣ, и въ уѣздѣ, и вотчинахъ Вологодскаго и Великопермскаго Архіепископа Варлама, и Спасскаго Соинскаго монастыря 1.963 двора крестьянскихъ, 311 дворовъ бобыльскихъ и монастырскихъ половниковъ“.

Отъ 1648 года остался весьма важный документъ, относящійся до половничества и обнародованный въ статьѣ г. В. Попова (**). Это поряд-

(*) Акт. Арх. Эксп. Т. III. № 204.

(**) Москв. 1853 г. № 12.

ная половниковъ Ведрова и Прахова съ старостой и причтомъ церкви Афанасія Александрійскаго на половничество. Поэтому перепечатаваемъ его цѣликомъ: „Се азъ Иванъ Алексѣевъ сынъ Ведровъ, Семень Семеновъ сынъ Праховъ порядилися есми у старосты церковнаго, у Григорья Иванова сына, да у Пола Евдокима Григорьева сына, съ брылошаны Афанасія Александрійскаго и Великомученицы Варавы на церковную деревню, что слыветъ Деревенька, на трехъ лошадахъ своихъ половничьихъ, снасть всякая деревенская наша половничья, семѣна, ржанья и яровья всякія, сколько земля подыметь, церковныя, а за сѣмяны, что Богъ уродитъ и приполонной хлѣбъ дѣлать намъ половникамъ на петеро, хозяину 3 мѣры, а намъ половникамъ 2 мѣры, кормъ гуменной и сѣна, что станеть, то намъ половникамъ на себя. А хозяйскаго хлѣба не стравить, а буде что стравлено, то наше половничье, а цѣло-хозяйское. А порядилися есми мы половники на три годы рядъ и въ рядъ Георгіевъ день осенной; и приряды намъ половникамъ дѣлать въ тѣ срочныя годы: изба поднять въ трубахъ въ стопу, готовая, рубленая, на Деревенькѣ, трехъ сажень и нутро сдѣлать въ лѣсу готовомъ, въ церковномъ, а жолобы и драницы церковныя, какъ вдетца, дѣлать въ лѣсу добро и безохульно, а та изба и трубы избныя приплавить подъ берегъ,

подъ Смѣтанино, ему старостѣ, а возить струбы
избыные изъ подъ Смѣтанина намъ половникамъ на
своихъ конѣхъ, на Деревеньку, да сарай противъ
избы перетрести въ лѣсу готовой ихъ, какъ имъ
надо, и кровля и драницы и жолобы сдѣлать но-
вые въ церковномъ лѣсу и покрыть до готова.
Наземъ намъ половникамъ возить съ Устюга, гдѣ
староста добудетъ по сту возовъ на всякій годъ
на лошадь, да намъ же половникамъ наземъ изъ
двора и съ улицы и съ гумна возить на поле до
чиста, по надобнымъ мѣстамъ, и пары сдѣлать (*),
а отживемъ урочные годы и прияду всего не
сдѣлаемъ, заставъ ему старостѣ взять на насъ по-
ловникахъ два рубля, а назему не вывозимъ всего
на который годъ сколько возовъ, за недовозку за
всякій возъ по алтыну, а за жерди за сто за
всякое по гривнѣ, а наземъ съ посаду возить го-
товый откуды велятъ, а заламывать намъ, полов-
никамъ, а огородцы и капустники, и конопленни-
ки намъ половникамъ на себя, а приполонной
хлѣбъ своей пахаты намъ половникамъ возить на
посадъ, когда велятъ на своихъ половничьихъ ко-
нѣхъ, безъ ослушанія, да и храму изъ подъ бе-
регу церковные дрова возить намъ половникамъ
на своихъ конѣхъ, да огуменникъ, опричь цер-
ковнаго попова конопленника, намъ половникамъ

(*) «Сдѣлать» значитъ «поднять»; въ такомъ значеніи употребляется это слово до сихъ поръ въ Никольскомъ уѣздѣ.

на себя. Кто сею поряднею станеть, тотъ истецъ. На то послухъ“ и т. д.

Изъ всего вышеизложеннаго мы видимъ, что въ первой половинѣ XVII в. половничество удержало тотъ же характеръ, который оно имѣло въ концѣ XVI вѣка и ранѣе, т. е. теперь, какъ и прежде, посадскіе люди поморскихъ городовъ имѣли право владѣть землями и держать на нихъ половниковъ; но состоящія въ ихъ владѣніи земли несли всѣ повинности на равнѣ съ черными, точно также и сами половники считались людьми черными, были чѣмъ-то въ родѣ работниковъ, получавшихъ плату натурою, а не деньгами. Монастыри и церкви владѣли землями на томъ же основаніи.

До сихъ поръ мы нигдѣ не встрѣчали, чтобы такія права населенія поморскихъ городовъ были правительствомъ заподозрѣны,

Но вотъ что сказано въ Царскомъ указѣ 1652 г. 18 іюня (*).

„Велико-устюжанамъ посадскимъ людямъ деревнями, которыми они владѣли по купчимъ и закладнымъ, владѣть съ хлѣбомъ, и сѣномъ, и скотиною и со всѣми вотчинными и садовыми заводами“. И далѣе: „А четвертные денежные доходы и стрѣleckіе деньги въ мірскіе розметы по мір-

(*) Полн. Собр. Зак. Т. I. № 49.

скимъ разрубамъ, и спискамъ съ своихъ куплен-
ныхъ и закладныхъ деревень и всякія службы
половникамъ ихъ и крестьянамъ служить съ во-
достными крестьяны въ рядъ по вытнѣ и по оче-
редямъ, по выбору мірскихъ тяглыхъ людей“. До
сихъ поръ Царскій указъ 1652 г. только подт-
верждаетъ то, что мы сейчасъ сказали о характ-
рѣ половничества въ первой половинѣ XVII в., и
изъ него не видно, чтобы права посадскихъ лю-
дей на владѣніе населенными землями были запод-
озрѣны правительствомъ.

Однакожъ въ сенатскомъ указѣ 1810 г. указъ
1652 г. прописанъ съ слѣдующимъ вариантомъ:
„Устюжанамъ посадскимъ и уѣзднымъ людямъ де-
ревнями, которыми они владѣли по купчимъ и
закладнымъ, а по нашему указу были отписа-
ны на насъ“. Последнихъ словъ нѣтъ въ указѣ,
вошедшемъ въ Полное Собраніе Свода Законовъ,
но достовѣрность ихъ не можетъ подлежать сом-
нѣнію: потому съ одной стороны, что правительст-
вующій сенатъ, конечно, дѣлалъ выписку изъ под-
линнаго акта, а съ другой—принадлежавшая намъ
рукопись неизвѣстнаго автора подтверждаетъ та-
кое извѣстіе. Въ ней сказано между прочимъ:
„Въ послѣдствіи въ 1651-мъ (7157) году ука-
зомъ Царя Алексѣя Михайловича истребованы отъ
владѣльцевъ таковыхъ земель (населенныхъ полов-
никами) на принадлежность имъ оныхъ купчія,

заблюдныя, писцовыя книги и тому подобныя вѣрности, кои и поднесены были къ докладу“.

Значить былъ какой-то процессъ между казною и посадскими людьми о правѣ владѣнія послѣднихъ—принадлежащими имъ землями, процессъ, о которомъ мы имѣемъ самыя скудныя свѣдѣнія, именно знаемъ, что онъ былъ и кончился въ пользу посадскихъ людей, но, кажется, что не совершенно въ пользу; потому что указомъ 1652 г. признанъ только существовавшій уже фактъ, позволено посадскимъ владѣть тѣми только землями, которыми они владѣли уже, а о правѣ пріобрѣтать новыя ничего не сказано. Это право дано, какъ увидимъ, послѣ; между тѣмъ есть основаніе думать, что оно существовало и прежде. Изъ правой грамоты 1571-года о возвратѣ Корельскому монастырю деревни Карзиной курьѣ (*) видно, что въ то время, въ которому актъ относится, черносотные крестьяне поморскихъ городовъ, будучи обременены налогами, лежавшими на ихъ земляхъ, продавали земли другимъ, вѣроятно, посадскимъ. Наконецъ и сенатсей указъ 1810 г. говоритъ, основываясь на грамотѣ 7207 г. марта 31, что посадскіе люди поморскихъ городовъ еще до 1652 г. имѣли привиллегію пріобрѣтать себѣ въ собственность земли и держать на нихъ половниковъ.

(*) Акт. Юр. № 23.

И такъ указъ 1652 г. не вполне возвратилъ посадскимъ людямъ отнятыя-было у нихъ права.

Не поэтому-ли и Уложеніе совершенно не упоминаетъ о половничествѣ? Весьма можетъ быть, что во время составленія его и было заподозрѣно право посадскихъ владѣть землями.

Во всякомъ случаѣ правительство, возвращая посадскимъ часть прежнихъ правъ ихъ, ничего не теряло, потому что владѣніе землями оставляло за ними подѣ условіемъ, чтобъ „четвертные денежные доходы и стрѣлецкія деньги въ мірскіе розметы по мірскимъ разрубамъ и спискамъ съ такихъ купленныхъ и закладныхъ деревень половники платили и всякія службы ихъ служили съ волостными брестьянами въ рядъ, по вытню, и по очередямъ по выбору мірскихъ тяглыхъ людей“.

Впрочемъ въ половинѣ XVII в. половниковъ было уже много. Мы выше замѣтили, что въ 1660 г. ихъ въ одномъ Усольскомъ уѣздѣ было до 4,000 душъ. Съ этихъ поръ до конца вѣка половническое право не подвергалось никакимъ измѣненіямъ, по крайней мѣрѣ ничего подобнаго не встрѣчалъ въ извѣстныхъ мнѣ актахъ того времени. Послѣ переписной книги 1660 г. ближайшій актъ, гдѣ встрѣчается слово „половникъ“, есть грамота 1662 г. іюля 8 (*) въ Пермь Великую

(*) Авг. Арх. Экз. Т. IV. № 137.

и Соль Камскую; но изъ нея мы узнаемъ только, что въ это время половники были въ нынѣшней Пермской губерніи (Чердынскомъ, Пермскомъ и Соликамскомъ уѣздахъ). Гораздо любопытнѣе извѣстіе о половничествѣ, заключающееся въ царской грамотѣ устюжскому воеводѣ Потоцкому объ освобожденіи вотчинъ тамошнихъ монастырей отъ поставки даточныхъ конныхъ людей (*). Эта грамота относится къ 1663 году. Вотъ нѣкоторыя выписки изъ нея. „Въ нынѣшнемъ въ 172 г. декабря во 2-й день били челомъ намъ Великому Государю Устюга Великаго *черныхъ тяглыхъ монастырей*, Архангельскаго монастыря архимандритъ Арсеній, Троицкаго монастыря съ Гледина игумень Афанасій, Ивановскаго монастыря игумень Іосифъ, Прилуцкаго Никольскаго монастыря игумень Іосифъ съ братьею: въ прошлыхъ де годахъ даны имъ блаженныя памяти отца нашего Великаго Государя и Великаго Князя Михайла Федоровича и наши Великаго Государя жалованныя грамоты, черныхъ ихъ монастырскихъ вотчинъ со владѣльцескими и верховскими монастырей бѣлыхъ земель верстать и даточныхъ конныхъ имать не велѣно, и ни въ чемъ ихъ съ жалованными монастыри бѣлыми землями не верстать; потому что они съ тѣхъ монастырскихъ черныхъ тяглыхъ де-

(*) Тамже № 146.

ревень всякіе наши Великаго Государя подати и мірскіе разметы, и въ Ямскую гоньбу подъ нашу Великаго Государя казну, и стрѣлецкіе московскіе и сибирскіе хлѣбныя запасы платятъ, и службы служатъ, и даточныхъ отпускаютъ съ черными волостными крестьяны вмѣстѣ; и въ нынѣшнемъ де во 172 г. декабря въ 5-й день прислана къ вамъ (воеводѣ) на Устюгъ наша Великаго Государя грамота, изъ монастырскаго приказу, а велено съ нихъ противъ властелинскихъ и верховскихъ монастырей, съ черныхъ ихъ деревень взять даточныхъ конныхъ, со ста дворовъ по человѣку, со всею службою и съ запасы, а съ переходныхъ по рублю съ двора, а у нихъ-де бѣлыхъ земель и даныхъ крестьянъ нѣтъ, всѣ деревни тяглые: и намъ Великому Государю пожаловать бы ихъ, противъ властелинскихъ и верховскихъ монастырей бѣлыхъ земель верстать и даточныхъ конныхъ нынѣ и впредь на нихъ править не велѣтъ“. Далѣе въ грамотѣ сказано, что царь соглашается исполнить просьбу монастырей во всѣхъ ея подробностяхъ и присовокуплено, что грамоту 5 октября (*) „отпустилъ подъячей, не справясь съ приходною книгою и съ прежнимъ отпускомъ“.

(*) Выше эта грамота значится данною 5 декабря; но это или опечатка или описка. Она должна быть дана ранѣе декабря, такъ какъ просьба объ отмѣнѣ ея подана 2 декабря.

Грамота эта замѣчательна тѣмъ, что устюжскіе монастыри въ ней называются черными, безъ сомнѣнія потому, что владѣли черными землями на правахъ посадскихъ людей; что у монастырей этихъ бѣлыхъ земель и даныхъ крестьянъ нѣтъ, слѣд. всѣ земли или достались имъ по завѣщаніямъ, или по другимъ актамъ отъ посадскихъ людей, а не пожалованы; и что въ ней встрѣчается слово: „перехожій“, безъ сомнѣнія, для обозначенія половниковъ, въ отличіе отъ крестьянъ, въ то время уже крѣпкихъ землѣ. Доказательствомъ, что земли монастырей въ поморскихъ городахъ были исключительно заселены половниками служитъ Царская грамота 1691 г. апрѣля 30-го въ Сольвычегодскую о взысканіи съ монастырскихъ и церковныхъ имѣній денегъ на конюшенныя расходы (*). Этой грамотой предписывается Сольвычегодскому воеводѣ (Племянникову) взыскать, между прочимъ, съ вотчинъ упомянутыхъ въ грамотѣ 1663 г. монастырей: Троицкаго, что на Гледи-нѣ, Никольскаго Прилуцкаго, Ивановскаго и Тельгова на покупку овса и сѣна въ конюшенныя расходы по 4 алтына съ двора. Хотя дворы эти и названы въ грамотѣ крестьянскими, бобыльскими и половничьими; однако, принимая въ расчетъ то, что напримѣръ Троицкому монастырю, какъ

(*) Тамже, Т. IV № 304.

видно изъ грамоты 1691 г., принадлежало 14 дворовъ половничьихъ и взыскать съ него велѣно 1 руб. 22 алтына 4 деньги, мы убѣждаемся, что кромѣ половничьихъ дворовъ во владѣннн этого монастыря не было: раздѣливъ эти 1 руб. 22 алт. 4 деньги на 4 алтына, мы получаемъ 14, число всѣхъ принадлежавшихъ монастырю крестьянскихъ дворовъ. Телѣгову монастырю принадлежало 2 двора и взыскать съ него велѣно 8 алтынъ и т. д.

Кромѣ поименованныхъ актовъ есть еще нѣкоторыя, гдѣ слово половникъ встрѣчается; но они этимъ только и ограничиваются; почему мы и оставимъ ихъ безъ упоминанія.

Остановимся на приводимой авторомъ вышеупомянутой рукописи и сенатскимъ указомъ 1810 грамотѣ 7207 г. марта 31 числа (1699), о которой мы уже не одинъ разъ упоминали. Вотъ подлинныя слова указа: „Устюгской области или такъ называемые поморскихъ городовъ посадскіе люди изъ древнихъ лѣтъ и еще до 7160 г. (1652 г.) имѣли привиллегію за отправляемыя ими тогда (какъ изъ представленной къ дѣлу сему грамоты 7207 г. марта 31 числа видно), сверхъ обыкновенныхъ городскихъ повинностей, службы у города Архангельскаго и въ сибирскихъ городахъ, при таможенныхъ и при питейныхъ сборахъ и за употребленіе ихъ по тѣмъ мѣстамъ

для всякихъ государственныхъ дѣлъ въ посылкахъ пріобрѣтать себѣ въ собственность земли и имѣть на нихъ для обработыванія, по добровольному согласію, черносошныхъ брестьянъ, давая имъ изъ всѣхъ произведеній половину, отчего они и названіе половниковъ получили“.

Уже прежде мы замѣчали, что до 1652 года подобной привиллегіи посадскимъ людямъ поморскихъ городовъ дано не было, что въ 1552 г. ея не могло быть дано, такъ какъ тогда еще ни города Архангельскаго, ни сибирскихъ городовъ не существовало, что еще нѣсколько ранѣе 1652 г. правительство не только не знало никакой привиллегіи, но даже отобрало у посадскихъ людей земли, которыми они владѣли, какъ чернотяглыми, что указомъ 1652 г. разрѣшено было посадскимъ людямъ владѣть только тѣми землями, которыми они ранѣе владѣли, а право пріобрѣтать земли вновь было отнято у нихъ. Такимъ образомъ мы должны думать, что право пріобрѣтать черныя земли посадскимъ людямъ вновь дано было самою грамотою 1699 г. Это подтверждается и рукописью неизвѣстнаго автора, гдѣ сказано, что грамотою 1699 г., „по челобитью устюжскихъ посадскихъ людей, повелѣно имъ владѣть деревнями и крестьянами по прежнему, (по указу пріобрѣтать земли)“, т. е. такъ, какъ они владѣли до 1652 г. А мы уже говорили, что до 1652 г. посадскіе

люди поморскихъ городовъ могли покупать черныя земли, обязываясь отбывать за нихъ всѣ тѣ повинности, которыя лежали на черныхъ людяхъ; указомъ же 1652 г. такое право было у нихъ отнято.

Такимъ образомъ къ самому исходу XVII столѣтія половничество является тѣмъ же, чѣмъ было оно въ началѣ этого столѣтія, въ концѣ XVI и ранѣе.

Остановимся здѣсь, чтобы опредѣлить его тогдашнее значеніе, на основаніи приведенныхъ выше данныхъ.

1. *Половничество обязано сохраненіемъ своего существованія въ поморскихъ городахъ* тому обстоятельству, что въ этой мѣстности не было введено помѣстной системы и что черные люди удержали здѣсь, поэтому, право владѣть землями и даже держать половниковъ. Свобода же перехода половниковъ отъ землевладѣльца къ землевладѣльцу не была уничтожена указами о прекращеніи переходовъ крестьянъ потому, что указы эти до земель, принадлежавшихъ посадскимъ людямъ, не относились.

2. *Мѣстность, гдѣ половники, послѣ уничтоженія юрьевыхъ дней въ остальной Россіи, удержались, называлась поморскими городами.* Впрочемъ надобно замѣтить, что хотя половническое право могло существовать во всѣхъ поморскихъ городахъ, но *de facto* его не было въ нѣ-

которыхъ изъ нихъ, такъ на примѣръ мы не встрѣчаемъ его въ Тотмѣ и Вяткѣ.

3. Лица, имѣвшія право владѣть половниками.

а) Первоначально исключительно *посадскіе люди* могли владѣть населенными половниками землями, потому что всѣ извѣстные намъ законодательные документы, опредѣляя половничество, называютъ половниковъ *черносошными крестьянами, живущими на земляхъ посадскихъ людей*, неупоминая на пр. духовенства. Слѣдовательно, прочія сословія применили къ числу владѣльцевъ земель, населенныхъ половниками, только въ послѣдствіи, т. е. тогда, когда уже сложилось вышеприведенное юридическое опредѣленіе половничества. Теперь скажемъ два слова объ этихъ сословіяхъ:

б) Монастыри (*).

в) Церкви (**).

г) Духовенство. Надобно замѣтить однакоже, что духовенство владѣло населенными половниками землями не потомственно, а лично, какъ принадлежностью должности, на примѣръ Сольвычетодскаго соборнаго протопопа, подобно тому, какъ и нынѣ причты извѣстныхъ церквей пользуются доходами съ разныхъ капиталовъ и угодій.

(*) Акт. Арх. Эксп. Т. IV, № 304 и др.

(**) См. поряди. Ведрова и Прахова, стр. 93.

Монастыри, церкви и духовенство приобрѣли земли, населенныя половниками, исключительно по завѣщаніямъ и вкладнымъ посадскихъ людей. Нѣкоторые монастыри сами заявляютъ, что у нихъ данныхъ, т. е. жалованныхъ крестьянъ, во все нѣтъ; купчихъ монастырскихъ мы не знаемъ ни одной. Вслѣдствіе этого и означенныя юридическія лица владѣли своими землями на правахъ черныхъ людей.

д) Изъ переписной книги 168 г. видно, что половниками владѣли и волостные крестьяне.

е) Изъ тогоже источника видно, что весьма много половниковъ принадлежало именитымъ людямъ Строгоновымъ.

ж) Упоминаются также въ числѣ владѣльцевъ гости Грудцынъ, Савватіевъ и Пивоваровъ.

4. Лица, владѣвшія землями и половниками, имѣли слѣдующія права.

а) Продавать свои земли, закладывать, завѣщать, дарить и вообще отчуждать всѣми законными способами. Но, не смотря на все это, такое владѣніе не было собственностью потому во 1-хъ, что уже самое названіе земель „черныя“ свидѣтельствовало о томъ, что право собственности на нихъ принадлежало казнѣ, и во 2-хъ потому, что онѣ несли всѣ повинности на равнѣ съ прочими государственными. Право посадскихъ людей можно назвать правомъ вѣчнаго потомственнаго

пользованія на извѣстныхъ условіяхъ; это было вѣчное эмфитевтическое владѣніе. Впрочемъ государство не одинъ разъ заявляло свое право собственности на земли, состоявшія во владѣніи черныхъ посадскихъ людей; оно безвозвратно взяло такія земли въ свое распоряженіе въ Новгородской и Псковской областяхъ и временно покушалось на это и въ поморскихъ городахъ.

б) Уже изъ употребленнаго нами выраженія, что посадскіе люди имѣли право вѣчнаго и потомственного пользованія своими землями, слѣдуетъ заключеніе, что эти земли могли быть наслѣдованы по закону. Далѣе, если посадскіе люди могли продавать ихъ, то могли и покупать. Однимъ словомъ, они имѣли право пріобрѣтать земли всѣми способами, какъ отъ посадскихъ-же людей, такъ и отъ крестьянъ чернососныхъ.

в) Право владѣть половниками, кажется, сопряжено было съ свободою землевладѣльца отъ всѣхъ личныхъ повинностей, денежныхъ и натуральныхъ: въ Царскомъ указѣ 1652 г. сказано: „А четвертные денежные доходы и стрѣлецкія деньги въ мірскіе розметы по мірскимъ разрубамъ и спискамъ съ своихъ купленныхъ и закладныхъ деревень и всякія службы *половникомъ ихъ и крестьянамъ* служить съ волостными крестьяны въ рядъ, по вытно и по очередямъ, по выбору мірскихъ тяглыхъ людей“.

Значить всё подати и повинности лежали на половникахъ.

5. Обязанности землевладельцевъ.

а) Къ числу обязанностей землевладельцевъ принадлежали службы у города Архангельскаго и въ сибирскихъ городахъ, у таможенныхъ и питейныхъ сборовъ.

б) Землевладелецъ долженъ былъ давать половникамъ сѣмена, сколько земля подниметь.

в) Землевладелецъ, при поселеніи на его землю половника, давалъ готовое помѣщеніе.

6. Лица, имѣвшія право вступать въ половничество.

а) Само собою разумѣется, что всё лица, уже жившія на владѣльческихъ земляхъ, какъ половники, могли переселиться къ другимъ хозяевамъ на такихъ же условіяхъ.

б) Крестьяне собственно черносошные.

7. Права половниковъ.

Особенныхъ правъ, сопряженныхъ съ званіемъ половника, не было. Половники имѣли всё права черносошныхъ крестьянъ и вообще людей свободныхъ; могли жить на землѣ того или другаго владѣльца и, по истеченіи срока договора, оставлять ихъ и переселяться на владѣльческія, или на волостныя земли.

8. Гораздо многочисленнѣе обязанности половниковъ:

Уже выше мы сказали, что землевладельцы были освобождены отъ всѣхъ повинностей, лежавшихъ на земляхъ, которыя отбывались половниками. Повинности эти были слѣдующія:

а) *Подводная*. Черезъ территорію, занимаемую поморскими городами, и именно тѣми, въ которыхъ существовало половничество, пролегалъ сибирскій трактъ; всѣ пути въ Сибирь отъ прочихъ городовъ Россіи сходились въ Сольвычегодскѣ, и отсюда уже и проѣзжающіе по казеннымъ надобностямъ, и воинскія команды, и казенные транспорты слѣдовали рѣкой Вычегдой чрезъ города Яренскъ, Усть-Вымъ, нынѣшній Устьсыольскъ, потомъ волокомъ до системы Камы въ Соликамскъ и т. д. Однако въ послѣдствіи часть этой повинности возложена была на другія мѣстности, потому что открыто было сообщеніе съ Сибирью вверхъ по Волгѣ и Камѣ, черезъ Казань (*). Эта повинность обходилась однимъ Усольцамъ и Яренчанамъ въ 1100 рублей, около 5 алтынъ съ двора. Говоря о подводной повинности нельзя не замѣтить, что она отбывалась наймомъ: Усольцы и Яренчане покупали для того суда и нанимали рабочихъ.

б) *Стрѣлецкія рублевья деньги*. Все населеніе поморскихъ городовъ въ отношеніи отбыванія

(*) Акт. Арх. Эксп. Т. IV. № 259.

разныхъ повинностей было сравнено съ собственно городскими обывателями остальной Россіи. Поэтому половники платили и стрѣлецкія деньги. Со всѣхъ поморскихъ городовъ собиралось на этотъ предметъ до 60.000 руб. Но такъ какъ другія повинности не были одинаково чувствительны для каждой мѣстности въ поморскихъ городахъ, то въ платежѣ стрѣлецкихъ денегъ были нѣкоторыя уклоненія отъ нормы.

Вотъ раскладка ихъ:

Вятка: 12.377 дворовъ, 13.614 руб. 23 алтына 2 деньги.

Устюгъ Великій: 10.450 дворовъ, по рублю; они же платятъ сибирской запасъ, да у нихъ же ямская гоньба.

Соль-Вычегодская: 3672 двора, по рублю, да сибирской запасъ и ямская гоньба.

Устьянскія волости: 1.684 двора, по рублю.

Каргополь: 8.027 дворовъ, по рублю, да у нихъ же ямская гоньба.

Еренскій (Яренскъ): 3.518 дворовъ, да ямская гоньба.

Кайгородокъ: 1.150 дворовъ, 1.035 руб.

Тотьма: 3.666 дворовъ, 3.229 руб. 13 алтынъ 2 деньги, да ямская гоньба.

Соль-Камская: 7.053 двора, 6.977 руб. 23 алтына 2 деньги, да сибирской запасъ и ямская гоньба.

Пермь Великая и Чердынь: 3.292 двора, по 30 алтынъ.

Двина: 4.639 дворовъ, по 30 алтынъ да ямская гоньба.

Кевроль и Мезень: 2.011 дворовъ, по 26 алтынъ 2 деньги; хлѣбные запасы.

Пустоозеро: 121 дворъ, 96 руб. 26 алтынъ 4 деньги, да ямская гоньба.

Кольскій острогъ: 604 двора, 515 руб. 6 алтынъ 4 деньги.

Чаранда: 2.074 двора, 2.139 руб. 6 алт. 4 ден. (*).

в) *Конюшныя деньги* — по 4 алт. съ двора (**).

По отношеніямъ къ землевладѣльцу на половникахъ лежали слѣдующія обязанности:

г) Поселясь на владѣльческую землю, половникъ долженъ былъ имѣть свой рабочій скотъ и земледѣльческія орудія.

д) Охраненіе полей составляло непремѣнную обязанность головника: „А буде, что естравлено. то наше половничье“.

9. *Взаимныя договорныя отношенія головника къ землевладѣльцу:*

а) Половники селились на владѣльческія земли по письменнымъ условіямъ (поряднымъ). Сроки этихъ записей, какъ и теперь, могли быть раз-

(*) Акт. Арх. Эксп. Т. IV. № 250.

(**) Тамже № 304.

личны, смотря по обстоятельствамъ. Намъ извѣстна запись трехлѣтняя.

б) Обыкновеніе переходить отъ владѣльца къ владѣльцу о Юрьевѣ дни осеннемъ продолжало существовать.

в) Половники не всегда обязывались отдавать землевладѣльцу половину урожая. Такъ, изъ порядной Ведрова и Прахова съ Афанасьевскою церковью видно, что они брали только $\frac{2}{5}$ урожая. А баронъ Гакстгаузенъ, какъ мы видѣли, удивляется тому, что нынѣ владѣльцы получаютъ слишкомъ много, т. е. половину.

г) Впрочемъ, въ то время, какъ видно изъ той-же порядной, иногда половникамъ предоставлялось все сѣно безраздѣльно, огородцы и капустники. Взамѣнъ того, они обязывались въ пользу землевладѣльца разными работами, какъ-то: постройкой избы, возкою дровъ. Но опредѣлить съ точностію, сколько за всѣмъ этимъ получалъ доходу съ земли хозяинъ ея, невозможно, потому что въ порядной хотя и опредѣлена стоимость нѣкоторыхъ работъ, какъ на примѣръ постройки избы, но нѣтъ свѣдѣній о стоимости сѣна, подвозки дровъ и т. п.

д) Въ порядныхъ опредѣлялось количество удобренія, которое половники должны были вывести на поля, и гдѣ брать его.

е) Неисполненіе нѣкоторыхъ условій со сторо-

ны половниковъ влекло за собою обязанность вознаграждать землевладѣльца деньгами: „за невыстройку избы (разумѣется изъ владѣльческаго лѣсу) 2 руб., за не вывозку навоза за всякій возъ по алтыну, за невывозку жердей по гривнѣ за сто“.

ж) Изъ порядной Прахова и Ведрова видно, что землевладѣлецъ заключалъ договоръ не съ каждымъ изъ селившихся въ извѣстную деревню половниковъ особый договоръ, а со всеми вмѣстѣ. Въ такомъ случаѣ мы по необходимости приходимъ къ заключенію, что половники дѣлились между собою выгодами отъ обрабатываемой ими земли не по равнымъ частямъ, а соответственно тѣмъ рабочимъ силамъ, которыя каждый изъ нихъ приносилъ съ собою. Такъ Ведрову и Прахову принадлежало 3 лошади, и конечно тотъ, кто владѣлъ двумя, бралъ больше и хлѣба и сѣна, больше и работалъ.

з) Поселясь на владѣльческія земли, половники брали иногда денежные ссуды, какъ и прежде. Этого и слѣдуетъ ожидать, зная, что половникъ или черносомный волостный крестьянинъ долженъ былъ принести съ собою на новую осѣдность скотъ и все земледѣльческія орудія, „снасть всякую“. Безъ всякаго сомнѣнія, съ каждымъ могло случиться какое нибудь несчастіе, пожаръ, скотскій падежъ и т. п.; слѣдовательно каждый

могъ лишиться этой снасти и могъ нуждаться в деньгахъ на пріобрѣтеніе ея, а кому же, какъ же новому хозяину было ближе всего быть въ такомъ случаѣ заимодавцемъ?

III.

Въ такомъ видѣ засталъ половничество Петръ Великій. Преобразователь и здѣсь обнаружилъ свое вліяніе. Мы познакомились уже съ грамотой 1699 года, которою вновь даровано было посадскимъ поморскихъ городовъ право не только владѣть принадлежавшими имъ землями, но и пріобрѣтать отъ черносошныхъ крестьянъ. Неизвѣстный авторъ записки „О крѣпостныхъ земляхъ и живущихъ на нихъ половникахъ“ рассказываетъ, что Петръ Великій еще въ 1690 г. (*), проѣзжая Устюжскимъ уѣздомъ, обратилъ вниманіе на цвѣтущее положеіе земель, обрабатываемыхъ половниками, и приказалъ нарядить комисію, подъ начальствомъ генерала Дихарева, для изслѣдованія половничества на мѣстѣ, и „вслѣдствіе донесенія оной, утверждены были за владѣльцами, какъ земли, такъ и содержаніе на нихъ половниковъ, и

(*) По увѣренію г. Засѣцкаго («Истор. и топогр. извѣстія о городѣ Вологдѣ и его уѣздѣ»), основывающемуся на Двинскомъ лѣтописцѣ, Петръ Великій въ первый разъ проѣзжалъ въ Архангельскъ въ 7201 г. (1693), что подтверждаетъ и Устряловъ («Ист. Петра Великаго Т. II. Прим. 1.)

начертаны на сей случай правила, кои въ 1725 г. января 11-го и приведены въ исполненіе“. Такое замѣчаніе автора наводитъ насъ на мысль, что онъ нѣсколько пристрастно смотритъ на половничество, потому что старается, какъ видно, выставить его въ розовомъ свѣтѣ. Едвали Петръ Великій, проѣзжавшій Вологодскую губернію водою, могъ наблюдать быть половниковъ. Если половники и пользуются иногда благосостояніемъ, то этимъ они обязаны прекрасному качеству земель, на которыхъ живутъ теперь и на которыхъ конечно жили и во время Петра Великаго. Однако — такъ, или иначе — а все таки Петръ Великій обратилъ вниманіе и на этотъ немногочисленный классъ русскаго народа. Если дѣйствительно этому вниманію слѣдуетъ приписать нарядженіе (какъ увѣряетъ авторъ замиски) комисіи, то изслѣдованія сей послѣдней не привели къ благопріятнымъ для половничества выводамъ. Вотъ что говоритъ указъ 1723 г.: „Въ поморскихъ и другихъ городахъ, гдѣ обрѣтаются половники, изъ коихъ явились въ пропискѣ и утайкѣ, въ томъ ими не разыскивать, а писать ихъ въ подушный сборъ тутъ, гдѣ они по свидѣтельству переписчиковъ явились, а съ тамошними обывателями переписчикамъ согласиться, какимъ бы образомъ лучшей способъ учинить, чтобъ оныя, переходя съ мѣста на мѣсто, подушнаго сбору не избывали и

о такомъ ихъ согласясь, прислать свои мнѣнія(*).

Впрочемъ въ это время и государственные крестьяне не могли похвалиться усидчивостью, т. е. имѣли не менѣе поползновеній избыть отъ платежа податей и отправленія многочисленныхъ и тяжелыхъ повинностей, самовольно переселяясь съ мѣста на мѣсто, изъ одного уѣзда въ другой. Представляемъ небольшое извлеченіе изъ переписной книги Сольвычегодскаго уѣзда 1717 года. Съ 1678 года, когда въ этомъ уѣздѣ было 8.759 д. м. п. крестьянъ, бобылей и половниковъ (сколько въ томъ числѣ половниковъ, мы свидѣнія не имѣемъ по 1717 г.), перешло того же уѣзда на другіе жеребьи 1075, ушло въ Сибирь (сошло въ Сибирскіе города) 1060, въ Верховскіе 75, сошло неизвѣстно куда 475, скиталось въ мірѣ — 515, сошло въ разные посады — 60, въ половничество — 122, въ монастыри — 178; — той же губерніи и другихъ въ разные уѣзды — 154. А всего 3.714. Цыфра поразительная! Она интересна вообще, а для насъ интересна и тѣмъ въ частности, что свидѣтельствуетъ о продолженіи права государственныхъ крестьянъ того времени переходить въ половники.

Теперь обратимся къ другому указу времени Петра Великаго, касающемуся половничества, осно-

(*) Полн. Собр. Зак. Т. VII. № 4.332 п. 5.

ванному (какъ видно изъ предъидущаго) на донесеніяхъ перешкочковъ и на мѣстнѣхъ мѣстныхъ жителей. Онъ относится къ 1725 г., февраля 22, (*). Въ первомъ пунктѣ сенатскаго опредѣленія (Приказали) повторяется сущность сейчасъ приведеннаго указа съ слѣдующими прибавленіями: а) половникъ можетъ жить за тѣмъ владѣльцемъ, у котораго его перешень застанеть, сколько хочетъ, и б) если онъ будетъ переходить отъ одного владѣльца къ другому, то эти послѣдніе оба обязаны донести земскому и полковому комиссарамъ, что одинъ половника отпускаетъ, а другой принимаетъ, при чемъ принимающій владѣлецъ обязывается подинскою платитъ за переходящаго къ нему половника подушныя, вмѣстѣ съ тѣмъ, по книгамъ изъ за одного владѣльца половникъ исключается, а за другаго перечисляется. — Такимъ образомъ платежъ государственныхъ, конечно, денежныхъ податей, съ сего времени становится обязанностію землевладѣльца, а не половника, какъ было въ предшествовавшемъ столѣтіи. Судя по указу 1652 г. (**), обязанность такая лежала непосредственно на самихъ половникахъ.

Вторымъ пунктомъ указа опредѣлено, что если половникъ съ владѣльческой земли перейдетъ въ

(*) Полн. Собр. Зак. Т VII, № 4.661. Неизвѣстный авторъ записки относитъ зтотъ указъ къ 11 Января.

(**) Полн. Собр. Зак. Т. I. № 49.

черносошную волость, то при этомъ слѣдуетъ соблюдать такія же формальности, какія предписано соблюдать при переходѣ половника отъ одного владѣльца къ другому, съ тою только разницею, что подписка, обеспечивающая исправный платежъ податей, дается волостнымъ старостою.

Третьимъ пунктомъ разрѣшено землевладѣльцамъ принимать въ половничество и черносошныхъ крестьянъ; но съ совершеніемъ записей, которыя должны были являться у комиссаровъ и въ которыхъ слѣдовало обозначать, на какое время идетъ крестьянинъ въ половничество. И такъ право посадскихъ людей Устюжской области владѣть принадлежавшими имъ издревле землями и даже принимать для обработыванія земель черносошныхъ крестьянъ на половническомъ правѣ въ 1725 г. было подтверждено категорически.

Между тѣмъ мы имѣемъ копію съ журнальнаго постановленія вологодской казенной палаты 1816 г. іюля 13, изъ которой видно, что нѣкоторые дѣльцы того времени за устюжскими посадскими людьми, купцами и мѣщанами не признавали права владѣть землями, населенными половниками. Эти господа были убѣждены, или старались убѣдить другихъ, что купцы и мѣщане, пользуясь бѣдностію черносошныхъ крестьянъ, давали симъ послѣднимъ денежныя ссуды, а въ обезпеченіе исправнаго платежа денегъ, брали въ залогъ об-

работываемыя крестьянами государственныя земли и даже присвоивали ихъ себѣ, въ случаѣ несостоятельности должниковъ, которыхъ и заставляли обрабатывать незаконно пріобрѣтенныя земельныя участки изъ половины урожая. Конечно, такое убѣжденіе могло быть убѣжденіемъ секретаря палаты или какого нибудь вліятельнаго члена, разсуждавшихъ такъ вслѣдствіе имъ только извѣстныхъ причинъ. Такой взглядъ не удивляетъ насъ, потому что мы знаемъ еще болѣе нелицое мнѣніе и между тѣмъ принадлежащее человѣку, безъ всякаго сомнѣнія не заинтересованному корыстно въ дѣлѣ и—по своему времени—образованному. Это — Ленехинъ. Вотъ что между прочимъ говоритъ онъ о половникахъ, встрѣченныхъ имъ, какъ рѣдкость, въ Вологодской губерніи. „Въ ономъ селѣ (Ленѣ, Яренскаго уѣзда (*)), въ 20 верстахъ отъ

(*) Извѣстіе, что въ концѣ XVIII в. на Ленѣ были половники весьма интересно. Выше мы видѣли, что Лена въ XVII ст. была во владѣніи дьяка Грамотина на помѣстномъ правѣ (тогда такъ, какъ видно изъ Царской грамоты 1632 на Вымъ воеводѣ Милославскому о постройкѣ Яренскаго острога на новомъ мѣстѣ (*)), были крестьяне, а не половники). Спрашивается, какимъ образомъ оказались послѣдніе здѣсь въ концѣ XVIII в.? Разрѣшить такой вопросъ мы не беремся, но догадываемся, что послѣ Грамотина, или его преемника—помѣщика (кромѣ Грамотина, слышали мы, на Ленѣ былъ и другой помѣщикъ, какой-то князь) посадскіе люди (думаемъ, что Курсины) скупили Ленскую волость у крестьянъ. На Ленѣ и теперь есть земли мѣщанъ, но онѣ не обрабатываются половниками, по крайней мѣрѣ *de jure*.

(*) Акт. Арх. Эксп. Т. III. № 204.

г. Яренска, 10 Соловьиной дороге) въ первый разъ мы узнали объ особливомъ родѣ крестьянъ, которыхъ половниками называютъ. Такіе крестьяне находятся только въ Устюгской провинціи съ подвластными ей мѣстами, и принадлежатъ купечеству (sic), которые, не знаю по какимъ правамъ, имѣютъ во владѣніи всѣ тѣ земли, на коихъ половники поселены. Половники обязаны на купцовъ сѣять, жать и косить сѣно и солому, т. е. 3 дня на купца въ недѣлѣ (sic), а купцы должны платить за нихъ подушныя деньги и давать имъ хлѣбъ на сѣмена. По такому установленію казалось для крестьянъ не тягостнымъ быть въ подданствѣ (sic) у купцовъ, но завистливые глаза нерѣдко взираютъ на сугубую пользу, нежели на челоуѣчество, а сіе тѣмъ наипаче въ употребленіи, что купцы имѣютъ полную власть надъ крестьянами, какъ и помѣщики, и отъ помѣстья своего болѣе другихъ имѣютъ пользы, отвозя хлѣбъ къ Архангельскому порту для заморскаго отпущенія“ (*).

Вотъ какъ смотрѣли на половничество за 45 лѣтъ тому назадъ нѣкоторые правительственные мѣста имѣвшія въ своемъ завѣдываніи половниковъ, и за 80 лѣтъ до настоящаго времени — наши ученые!

Но обращаемся снова къ сенатскому указу. Четвертый пунктъ его мы выкинемъ слово въ

(*) «Пут. по Росс. Лепехина Т. III, стр. 287.

слово: „А которые половники нынѣ по свидѣтельству написаны за владѣльцами и отъ тѣхъ владѣльцевъ уйдутъ безъ отпуска и безъ объявленія, и на тѣхъ владѣльцахъ за тѣхъ половниковъ подушныя деньги брать, а за тѣмъ владѣльцамъ искать тѣхъ половниковъ, за кѣмъ они будутъ жить, и за кѣмъ они сыщутся, брать за нихъ тѣ ихъ заплаченныя деньги съ убытками, да штрафу 20 рублей на тѣхъ держателяхъ, кто ихъ будетъ держать безъ вышесписаннаго показанія“. Пунктъ пятый: „Тѣмъ половникамъ позволяется переходить каждому въ своемъ уѣздѣ, а въ другіе уѣзды отнюдь переходить не допускать; а ежели кто изъ другаго уѣзда приметъ, за тѣхъ брать штрафъ по 50 р. за человѣка мужеска пола, и о томъ во всѣхъ городахъ, гдѣ такіе половники обрѣтаются, публиковать, чтобъ никто безъ письменнаго показанія отъ себя не отпускали и не принимали, подъ вышесписаннымъ штрафомъ“.

Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что оба приведенные указа суть ничто иное, какъ финансовая мѣра, но тѣмъ не менѣе они должны были измѣнить нѣсколько половническое право. Во 1-хъ, половники лишились права переходить изъ уѣзда въ уѣздъ, — права, которымъ впрочемъ они, какъ мы видѣли, пользовались весьма умѣренно; ибо въ теченіи 30 лѣтъ переселились изъ Сольвычегодскаго уѣзда въ другіе города и губерніи всякаго званія

крестьянъ не болѣе 153 душъ мужеска пола, да притомъ и уѣздовъ, въ которыхъ существовало половничество, было въ Вологодской губерніи только три: Сольвычегодскій, Устюжскій и Яренскій, (въ послѣднемъ половниковъ было незначительное количество). Можетъ быть и оставались еще въ то время они въ части Вятской и Пермской губерній, но губерніи эти слишкомъ отдалены для того, чтобы вологодскіе половники могли имѣть выгоду переселяться туда. Во 2-хъ, платежъ денежныхъ податей и повинностей возложенъ былъ на землевладѣльцевъ, тогда какъ въ старину онъ лежалъ непосредственно на коловникахъ. И въ 3-хъ, свобода перехода половниковъ отъ владѣльца къ владѣльцу нѣсколько стѣснена была разными формальностями и, за не соблюденіе ихъ, штрафами.

Послѣ изданія этихъ указовъ въ теченіе всей остальной части XVII ст. и въ началѣ XVIII, половническое право не подвергалось существеннымъ измѣненіямъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы половники въ это время были забыты правительствомъ. Въ 1728 г. сенатскимъ указамъ 11-го января (*) тѣ изъ нихъ, которые перешли на владѣльческія земли изъ государственныхъ крестьянъ, обязаны были платить въ казну 40

(*) Полн. Собр. Зак. Т. VIII. № 5.228.

к., добавочныхъ къ 70 копѣйкамъ прежняго подушнаго оклада, а старые половники, т. е. тѣ, которые числились въ половничествѣ по переписнымъ книгамъ и ревизіи, отъ этого сбора освобождены. Слѣдовательно въ то время правительство смотрѣло на старыхъ половниковъ, какъ на помѣщичьихъ крестьянъ, платившихъ только 70 к.

Впрочемъ такое распоряженіе относительно половничества не имѣетъ никакой важности, такъ какъ оно было послѣдствіемъ случайно-ложнаго взгляда на отношенія землевладѣльцевъ поморскихъ городовъ къ земледѣльцамъ и не касалось и существа половническаго права. Гораздо болѣе имѣетъ значенія сенатскій указъ 1751 г. августа 13(*), которымъ велѣно было отобрать у посадскихъ людей поморскихъ городовъ всѣ тѣ земли, которыми они владѣли не пожалованнымъ грамотамъ и писцовымъ книгамъ и которыя пріобрѣтены ими покупчимъ и закладнымъ государственныхъ крестьянъ. Но Устюжская провинціальная канцелярія, предварительнаго исполненія этого указа, представила на благоразсмотрѣніе правительствующаго сената слѣдующія обстоятельства: а) Посадскіе люди поморскихъ городовъ изъ давнихъ лѣтъ пользуются правомъ владѣть землями. б) Въ поморскихъ городахъ всѣ земли состоятъ на правахъ черносош-

(*) Полн. Собр. Зак. Т. XIII. № 9.874.

ныхъ. в) Канцелярія сама раздавала купцамъ опустѣвшія отъ разброду врестьянъ черныя земли, вслѣдствіе чего государственныя подати стали поступать съ нихъ бездомочно. г) Земли эти писаны за владѣльцами по переписнымъ книгамъ 1710, 1714 и 1717 гг., также и по ревизіямъ. д) Земли эти состоятъ въ общемъ владѣніи съ крестьянами, архіерейскими, монастырскими проч., такъ что трудно разузнять межи. е) Въ половничество переходятъ только обнищавшіе чернососшные крестьяне, которые не въ состояніи были бы платить подати, тогда какъ купцы платятъ подати не только за нихъ, но и за умершихъ бездомочно. ж) Если обратить этихъ головниковъ на казенныя земли, то въ первый же годъ должна будетъ накопиться на нихъ недоимка. з) Купцы расчищаютъ принадлежащія имъ пустопорожнія земли, чего крестьяне своими средствами сдѣлать не могутъ.—Основываясь на этихъ доводахъ въ пользу половничества, провинціальная канцелярія просила правительствующій сенатъ разрѣшить посадскимъ людямъ Устюжской провинціи по прежнему владѣть всѣми, принадлежавшими имъ землями, и даже покупать ихъ у чернососшныхъ крестьянъ. На что правительствующій сенатъ и изъявилъ согласіе указомъ 1753 г. марта 23(*),

(*). Тамже, № 10.082.

но съ тѣмъ, чтобы посадскіе люди и крестьяне продавали земли только другъ другу, а не помѣщикамъ, духовенству и прочимъ постороннимъ людямъ.

Нѣкоторые изъ приведенныхъ сейчаеъ доводовъ Устюжской воеводской канцеляріи, въ доказательство необходимости оставить за посадскими людьми право владѣнія и пріобрѣтенія земель, замѣчательны. Не говоря о первыхъ двухъ, именно о томъ, что посадскіе люди Устюжской провинціи изстари пользовались особыми правами и что принадлежащія имъ земли состояли на правахъ чернососныхъ, (мы сами, какъ изъ вышеизложеннаго видно, признаемъ справедливость этихъ аргументовъ), мы не можемъ не сказать двухъ словъ о 3-мъ доводѣ, — именно, что канцелярія сама раздавала опустѣвшія отъ разброду земли. На какомъ основаніи она раздавала посадскимъ государственныя земли? Далѣе, она объясняетъ, что дѣлала это, такъ сказать, радиъ выгодамъ казны, т. е. чтобы казенныя воздѣланныя земли не пустѣли, вслѣдствіе бѣдности и разброду обработывавшихъ ихъ чернососныхъ крестьянъ, а невоздѣланныя — были обработаны средствами посадскихъ, и чтобы подати поступали бездоимочно. Но такое объясненіе, такое усердіе къ выгодамъ казны, намъ кажутся подозрительными. Худы ли, хороши ли были казенныя земли, однакожь преж-

де посадскіе люди ихъ покупали (какъ мы выше упоминали), и право покупать такія земли считалось привиллегіею, а въ половинѣ XVIII ст. канцелярія стала раздавать ихъ даромъ! Ясно, что это было злоупотребленіе. Поэтому указъ правительствующаго сената 1753 г. постановилъ рѣшеніе и согласное съ исторіей, (потому что оставилъ за посадскими право владѣть землями и пріобрѣтать ихъ на извѣстныхъ условіяхъ), и непротиворѣчащее государственнымъ выгодамъ, (потому что земли, оставленныя за посадскими людьми, несли государственныйя повинности наравнѣ съ черными), и наконецъ справедливое, (ибо рѣшеніемъ этимъ не было признано право воеводской канцеляріи безвозмездно раздавать населенныя государственныйя земли).

Однако такое постановленіе сената все-таки дало посадскимъ людямъ, купцамъ и мѣщанамъ возможность захватить лучшія земли, заселенныя государственнымими крестьянами, и отдать ихъ симъ послѣднимъ на половническомъ правѣ, что и оправдываетъ нѣкоторымъ образомъ предположеніе вологодской казенной палаты, будто всѣ земли, на которыхъ живутъ половники, издревле принадлежали казнѣ и поступили въ собственность купцамъ и мѣщанамъ „по причинѣ той, что крестьяне, будучи бѣдны и не находя возможности отъ трудовъ своихъ платить государственнымъ

податей, отчего и накопили довольныя недоимки, то заимствовали у купцовъ и мѣщанъ на оплату податей деньги, закладывая свои дома и участки, которые въ послѣдствіи времени за ними оставались у займодавцевъ; а сіи, застѣявъ оныя земли, посредствомъ тѣхъ же должниковъ обрабатывали; должники же съ полученіемъ невольнаго (?) названія половниковъ, лишились истиннаго своего хозяйства, перешедшаго въ руки купцовъ и мѣщанъ, которымъ на послѣдокъ по необходимости, и отъ правительства олустошиваніе отъ разброду черносошныхъ крестьянъ земли еще до прежней переписи изъ пуста, для возобновленія податей въ распашку и расчистку были отдаваны“. Мы уже видѣли, въ какой мѣрѣ основательно такое мнѣніе казенной палаты въ существѣ своемъ; но въ немъ все-таки есть доля правды: дѣйствительно, въ послѣдней половинѣ прошлаго вѣка, многіе капитальные люди разными противузаконными способами завладѣли лучшими казенными землями на правѣ собственности. Мы не можемъ подкрѣпить нашихъ словъ положительнымъ свидѣтельствомъ, но ручаемся за справедливость ихъ, потому что слышали объ этомъ отъ человѣка, непосредственно знавшаго, какъ дѣльцы того времени за 5 рублей выхлопывали для своихъ кліентовъ право на владѣніе превосходными казенными землями.

Несмотря однакожь на эту благодать для землевладѣльцевъ, число половниковъ въ теченіи XVIII ст. не только не увеличилось, но даже уменьшилось. Вспомнимъ, что въ XVII ст. (168 г.) въ Усольскомъ (Сольвычегодскомъ) уѣздѣ было ихъ до 4.000; слѣд. въ цѣлой губерніи, т. е. въ 3-хъ половничьихъ уѣздахъ до 10.000 душъ, и хотя послѣ того до конца XVIII ст. и не было никакихъ существенныхъ стѣсненій для половничества, однако число половниковъ по 5 ревизіи (1795 г.) простиралось только до 5.656 душъ, а въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ въ 1775 г. ихъ было только 2.993 (*). Впрочемъ такое, по видимому странное обстоятельство объясняется перечисленіемъ отобранныхъ у монастырей и церквей крестьянъ, извѣстныхъ въ XVIII ст. подъ именемъ экономическихъ, въ государственные, а число экономическихъ было весьма значительно: въ 1717 г. половниковъ, принадлежащихъ монастырямъ и вообще духовнымъ, было 1.322 души мужеска пола въ одномъ только Сольвычегодскомъ уѣздѣ.

Итакъ послѣ указа 1753 г. многія земли, принадлежавшія казнѣ, перешли въ собственность частныхъ лицъ и притомъ не только посадскихъ людей, но и секретарей и приказныхъ служителей.

(*) «Путешествіе» Лепехина, Т. III, стр. 294—295.

Вотъ какимъ образомъ совершался переходъ, по словамъ межевой инструкціи 1754 г. мая 13(*). „Государственные крестьяне, разчистивъ пустошныя мѣста, призывали на нихъ также государственныхъ крестьянъ съ платежемъ податей и потомъ продавали или закладывали, какъ собственность, приказнымъ и посадскимъ людямъ. Но межевою инструкціею велѣно означенныя земли отъ приказныхъ людей отобрать безденежно, а за посадскими людьми оставить со взысканіемъ пошлинъ. (Впрочемъ посадскимъ людямъ другихъ городовъ этого права инструкціею не предоставлено). Неизвѣстный авторъ записки „О крѣпостныхъ земляхъ и о живущихъ на нихъ половникахъ“ говоритъ, что Петръ Великій „въ послѣдствіи (т. е. послѣ 1725 г. января 11) жаловалъ многимъ изъ купческаго сословія земли за службу и за прилежаніе ихъ къ казеннымъ интересамъ, равно и дворянству, коего потомки перешли въ купчество, какъ-то Фирсовы, Чалбышевы, Плотниковы и мног. друг. и т. д.“. Слѣдовательно, еще при Петрѣ Великомъ, кромѣ посадскихъ людей, въ поморскихъ городахъ землями владѣли и дворяне и даже ранѣе 1725 года, (упоминаемаго авторомъ статьи). Намъ извѣстно, что въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ въ 1717 г. князю Меньши-

(*) Полн. Собр. Зак. Т XIV. № 10.237.

кову принадлежало половниковъ 62 души мужеска и 64 женска пола. Но должно полагать, что съ конфискаціей въ казну имѣній Меншикова и съ переходомъ Фирсовыхъ, Чалбышевыхъ, Плотниковыхъ и др. (безъ сомнѣнія, составлявшихъ младшія линіи дворянскихъ фамилій) въ купечество, посадскіе люди остались единственными владѣльцами земель въ Устюжской провинціи.

Вслѣдъ за тѣмъ и право купцовъ и мѣщанъ владѣть землями было снова заподозрѣно правительствомъ. Уже въ межевой инструкціи 1766 года между прочимъ сказано: „Однакоже и тѣмъ мѣстамъ (разбирательству которыхъ подлежатъ права купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ на земли въ Вятской и Вологодской губерніяхъ) по таковымъ крѣпостямъ (купчимъ и закладнымъ) какъ за посадскими, такъ и за государственными крестьянами тѣхъ же, а не другихъ городовъ, утвержденія дѣлать за тѣми только, кому ихъ нихъ по именнымъ указамъ и жалованнымъ грамотамъ, а не по какимъ другимъ указамъ и опредѣленіямъ законно принадлежатъ будутъ“ (*). И далѣе: „Съ изданія сей инструкціи, какъ купцамъ, такъ и государственнымъ крестьянамъ, имѣющихся въ поморскихъ городахъ за ними недвижимыхъ имѣній до будущаго впредь по снятымъ планамъ разсмотрѣнія,

(*) Полн. Собр. Зак. Т. XVII. № 12.711.

никому, какъ постороннимъ, такъ и между собою не продавать, и не закладывать, и въ иски также по векселямъ и за долги не отдавать, а кто отдасть, то даннымъ крѣпостямъ, закладнымъ, записямъ и отдачамъ быть не дѣйствительными“ (*). Но такъ какъ извѣстно, что деревенскіе владѣльцы жалованныхъ грамотъ на принадлежащія имъ земли не имѣли, за весьма незначительными исключеніями (изъ всего вышеизложеннаго видно, что только Петръ Великій раздавалъ государственныя земли на половническомъ правѣ купцамъ и даже дворянамъ), то имъ предстояло лишиться ихъ.

Однако „поелику у означенныхъ, посадскихъ, при межеваніи, ни между собою и ни съ кѣмъ съ посторонними владѣльцами и съ казенными крестьянами споровъ не было, а межевались они въ общіе между собою съ черносотными крестьянами обруги полюбовно, то межевыя правительства, производя таковое обмежеваніе, не требуя отъ нихъ крѣпостей, и выдавали планы безспорные со взятіемъ надлежащихъ пошлинъ. Впрочемъ, несмотря на такое снисхожденіе межеваго управленія, вопреки смыслу инструкціи, признавашаго права деревенскихъ владѣльцевъ на земли потому только, что ни, отъ кого спору предъявлено не было,

(*) Тамже.

правительство не думало тѣмъ покончить это дѣло. 3-го іюля 1787 г. состоялось Высочайшее повелѣніе генераль-губернатору Мельгунову, „дабы о половническихъ земляхъ, о платежѣ узаконенныхъ податей по пропорціи земли представилъ въ правительствующій сенатъ къ разсмотрѣнію и ко внесенію съ его мнѣніемъ къ Императорскому Величеству“. Къ исполненію такого Высочайшаго повелѣнія приступилъ новый генераль-губернаторъ Камкинъ въ 1788 г. По справкѣ оказалось, что деревенскіе владѣльцы владѣютъ своими землями, по кучимъ, закладнымъ, поступнымъ, даннымъ и т. п. Вологодскія присутственные мѣста, имѣя въ виду, что жалованныхъ грамотъ государей быть не могло, ибо посадскимъ людямъ дано право пріобрѣтать земли жалованною грамотою 7160 г. (надобно замѣтить, что грамота 7160 г. не жалованная, а указъ, состоявшійся вслѣдствіе просьбъ землевладѣльцевъ и разрѣшавшій имъ на извѣстныхъ условіяхъ продолжать владѣніе землями, которыя прежде, по Царскому повелѣнію были отобраны въ казну) опредѣлили: „По силѣ этой грамоты, указовъ 1725 и 1753 гг. и межевой инструкции (?), означенныя земли за владѣльцами по вышеупомянутымъ укрѣпленіямъ, которыя изъ нихъ совершены въ законной формѣ утвердить и держать половниковъ во всемъ согласно указу 1725 г. дозволить, тѣже изъ означенныхъ крѣ-

постей, кои оказались писанными не въ законной формѣ, и уничтожить и земли, въ нихъ значущіяся, отписать въ казну, также и отъ тѣхъ отписать въ казну, кои не отыскали никакихъ документовъ“.

Съ такимъ мнѣніемъ вологодская палата гражданскаго суда внесла въ правительствующій сенатъ на разсмотрѣніе 19 дѣлъ о правахъ разныхъ владѣльцевъ.

Между тѣмъ декабря 12-го 1801 г. послѣдовалъ именной Высочайшій указъ, которымъ даровано право пріобрѣтать земли безъ крестьянъ лицамъ всякихъ свободныхъ сословій (*). Правительствующій сенатъ, имѣя въ виду: а) это Высочайшее повелѣніе; б) представленныя въ послѣдствіи разными владѣльцами правости на владѣніе землями; в) обстоятельство, что владѣніе нѣкоторыхъ изъ нихъ продолжалось отъ 40 до 100 и болѣе лѣтъ; г) утрату документовъ нѣкоторыми владѣльцами во время пожаровъ, формально засвидѣтельствованную, и д) главнымъ образомъ Высочайшій указъ 1787 г., „не предписывавшій касаться до чьей либо собственности“, опредѣлилъ между прочимъ: „земли за всѣми значущимися въ дѣлахъ владѣльцами и за преемниками ихъ оставить на прежнемъ основаніи въ ихъ владѣніи“ и

(*) Полн. Собр. Зак. Т XXVI. № 20.075.

„въ покупкѣ и продажѣ имъ земли препятствія не чинить“. Но въ то же время, исполняя имен- ной указъ 1787 г., которымъ повелѣно: „о по- ловническихъ земляхъ, о платежѣ узаконенныхъ податей по пропорціи земли, представить въ пра- вительствующій сенатъ къ разсмотрѣнію и внесенію къ Императорскому Величеству, чего ни гдѣ въ сужденіи и соображеніи не было и что до граж- данскихъ правительствъ не касается“, сенатъ пред- писалъ вологодской казенной палатѣ, „чтобы къ исполненію этого указа по обязанности своей, соб- равъ всѣ нужныя свѣдѣнія, разсмотрѣвъ какъ на- стоящее состояніе половническихъ земель, платежъ съ оныхъ податей, такъ и прочія государственныя половниковъ и временныхъ ихъ владѣльцевъ по- винности и обоюдныя ихъ обязанности, сообразя оныя, какъ съ прежними, такъ и нынѣ-существу- ющими узаконеніями и выгодами казны и частною пользою, учинила о всемъ томъ положеніе и, куп- но съ производствомъ, представила къ правителю губерніи, для представленія съ его мнѣніемъ въ правительствующій сенатъ“.

Казенная палата, исполняя сенатскій указъ въ теченіи времени до 1816 г., собрала нужныя, для составленія донесенія по этому предмету, по- ложительныя свѣдѣнія и, основываясь на нихъ, журналомъ 13 іюля 1816 г. опредѣлила: „Хотя посадскіе люди и незаконнымъ образомъ пріобрѣ-

ли земли (мы уже прежде сказали о томъ, въ какой мѣрѣ справедлива такая мысль), принадлежавшія сперва казнѣ, т. е. взяты были отъ черносошныхъ крестьянъ за долги, а не пожалованы, какъ бы слѣдовало по силѣ 6, 7 и 10 пункт. 20-й главы Межевой Инструкціи, вслѣдствіе чего, директоръ экономіи Терскій еще въ 1794, а вмѣстѣ съ нимъ и казенная палата въ 1795 году полагали всѣ земли отъ купцовъ и мѣщанъ отобрать и передать черносошнымъ крестьянамъ, на что впрочемъ не соглашался генераль-губернаторъ, предоставивъ дѣло на разсмотрѣніе судебныхъ мѣстъ; но такъ какъ правительствующій сенатъ призналъ право владѣльцевъ на земли, а казенной палатѣ предписалъ только составить заключеніе относительно способа взиманія съ владѣльческихъ земель и половниковъ податей и повинностей, то палата, не смотря на то, что убѣждена въ справедливости отобранія земель отъ владѣльцевъ, приступить къ тому, за силою сенатскаго указа, не осмѣливается, а, входя въ разсмотрѣніе прописанныхъ обстоятельствъ, находитъ, что до времени, когда состоялся сенатскій указъ 1810 г., владѣльцы земель, заселенныхъ половниками, никакого въ казну оброка не платили, а только вносили за половниковъ подушныя и оброчныя подати, за государственныхъ же крестьянъ, обработывавшихъ владѣльческія земли по най-

му, а также за убыля, престарѣлыя и вообще неимущія души владѣльцы платили всѣ мірскіе расходы, что въ Яренскомъ уѣздѣ вносилось даже въ купчія крѣпости; съ изданія же помянутаго указа землевладѣльцы отъ означенныхъ платежей отказались, а нѣкоторые даже стали ссылаться съ своихъ земель половниковъ, „дабы имъ чрезъ то воспользоваться большимъ прибыткомъ“, и потому признаетъ это отягощеніемъ для государственныхъ крестьянъ и находитъ полезнымъ, если уже правительство за всѣмъ этимъ не благоразсудитъ отобрать отъ владѣльцевъ земли, положить на нихъ и половниковъ слѣдующія обязанности:

- 1) Владѣльцы, неимѣющіе половниковъ, обязываются платить въ казну оброка по 1 руб. съ каждой десятины, и сверхъ того каждый владѣлецъ платитъ подати и другіе мірскіе расходы за умершія, выбылыя и неимущія души (?), по количеству владѣемой земли.
- 2) Владѣльцы, на земляхъ которыхъ имѣютъ проживать половники, по одной ревизской душѣ на 8 десятинъ, платятъ за половниковъ всѣ государственныя подати и отбываютъ рекрутскую повинность натурою или деньгами.
- И 3) если владѣлецъ пожелаетъ отказать половнику, то принимаетъ на свой счетъ всѣ расходы, сопряженные съ переселеніемъ.— Но такое мнѣніе казенной палаты оставлено высшимъ начальствомъ безъ послѣдствій; напротивъ того пра-

ва владѣльцевъ окончательно подтверждены, а для того, чтобы установить отношенія половниковъ къ землевладѣльцамъ, Высочайше утверждено положеніе о половникахъ 1827 г. декабря 3-го (*). Такимъ образомъ половничество получило положительно, и на законномъ основаніи, окончательную организацію только въ XIX в., не задолго до того времени, когда правительство признало полезнымъ переселить половниковъ на казенныя земли.

Послѣ 1827 г. въ половничествѣ произошли только нѣкоторыя частныя измѣненія въ отношеніи къ переселенію и рекрутской повинности половниковъ.

Уже въ 1831 г. правительство старалось поощрить половниковъ къ переселенію на казенныя земли, предоставляя имъ, въ такомъ случаѣ, разныя льготы. Такъ, на примѣръ, они положительно освобождены были отъ платежа податей на 3 года, со времени переселенія, и сверхъ того предоставлено министру финансовъ давать и другія льготы. Въ то же время постановлено, чтобы половники переселялись только осенью. Вслѣдъ за тѣмъ въ 1840 г., т. е. одновременно съ учрежденіемъ палаты государственныхъ имуществъ въ г. Вологдѣ, изданы подробныя правила о переселеніи половниковъ, при чемъ предписано поселить на казенныя земли всѣхъ половниковъ, жившихъ

(*) Полн. Собр. Зак. 1827 г. Т. 11-й № 1.675.

на владѣльческихъ земляхъ безъ записей. Но такъ какъ приведеніе въ исполненіе такого распоряженія встрѣтило затрудненія, именно въ пріисканіи мѣстъ для поселенія, то въ 1843 г. было предоставлено половникамъ, даже и безъ записей проживавшимъ на владѣльческихъ земляхъ, остаться на нихъ, впрочемъ не иначе, какъ заключивши формальныя условія; въ случаѣ же, если они проживутъ 3 года, не заключивъ записей, то мѣстныя начальства обязывались переселять ихъ на казенныя земли. При этомъ сложены и всѣ недоимки, накопившіяся на половникахъ за то время, которое они прожили на владѣльческихъ земляхъ безъ записей. Наконецъ, предписаніемъ министерства государственныхъ имуществъ 30 апрѣля 1846 г. № 2063 поручено было палатѣ государственныхъ имуществъ тѣхъ половниковъ, которые, по истеченіи срока записямъ, не заключать новыхъ и не отыщутъ для поселенія своего казенныхъ земель, переселять, по усмотрѣнію мѣстнаго начальства.

Рекрутскую повинность, по положенію 1827 г., половники должны были отправлять вмѣстѣ съ государственными крестьянами, а въ 1840 году, съ учрежденіемъ министерства государственныхъ имуществъ, они отъ государственныхъ крестьянъ, въ отправленіи этой повинности, отдѣлены и, по случаю мелкости владѣльческихъ участковъ, получили право, вмѣсто поставки рекрутъ натурою,

отправлять эту повинность деньгами на общемъ основаніи, по силѣ Высочайше утвержденныхъ положеній комитета министровъ 1-го октября 1840 г. и 14 октября 1841 г. (*). Потомъ, Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ комитета министровъ 27 октября 1842 г. (**), половники обязаны были отправлять рекрутскую повинность натурою поуѣздно, т. е. для сдачи рекрутъ они образовывали отдѣльные общества изъ каждаго уѣзда.

Кромѣ того, Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта 1845 г. 3 іюля, какъ половники, такъ и владѣльцы, освобождены отъ платежа оброчной подати за земли.

Итакъ, только въ 1845 г. посадскіе люди (употребимъ древнее выраженіе, впрочемъ до сихъ поръ существующее въ Устюгѣ и Сольвычегодскѣ, для обозначенія мѣщанъ и купцовъ) окончательно получили право полной собственности на принадлежащія имъ земли, ибо, хотя сенатскимъ указомъ, на основаніи Высочайшаго указа 1801 г. декабря 12, и признано было ихъ право пріобрѣтать въ собственность земли, но коль скоро они платили до 1845 г. за земли свои оброчныя деньги, то значить владѣли ими, какъ черными государственными землями.

(*) Тамже Т. XV. № 16.133.

(**) Тамже.

Но административныя мѣры, принятыя Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ въ последнее время въ переселенію половниковъ на казенныя земли (льготы и пособія), впоследствии могутъ быть причиною окончательнаго уничтоженія половничества (*).

К. Поповъ.

(*). Статья эта представляетъ новую редакцію исторической части изслѣдованія—*Половники*—, въ полномъ составѣ помещеннаго въ Ж. М. Г. И. за 1862 г.

ОЧЕРКЪ КУБЕНСКАГО КРАЯ.

Кубенскимъ краемъ я называю ту полосу мѣстности, которая тянется по направлению праваго берега Кубенскаго озера и далѣе по системѣ водъ герцога Виртембергскаго до города Кирилова. Мнѣ нѣсколько разъ случалось проѣзжать этимъ краемъ и въ нѣкоторыхъ пунктахъ останавливаться для изслѣдованія мѣстныхъ производствъ торговыхъ и промышленныхъ, а потому мои замѣтки, можетъ быть, не безинтересны будутъ для читателей.

Большая часть кубенской мѣстности лежитъ по Кубенскому озеру, которое протянулось по направлению отъ СЗ. къ ЮВ. на 60 верстъ узкою полосою отъ 6 до 10 верстъ въ поперечникѣ. Въ первый разъ оно открывается изъ села Кубенскаго. Село это довольно большое, около 170 дворовъ, правильно расположенное, съ превосходною постройкою, съ садами яблоней и съ такими удобными и помѣстительными лавками, что онѣ сдѣлали-бы честь любому уѣздному городку въ родѣ Яренска или Устьсысольска. Вообще, надо сознаться, что при моихъ странствованіяхъ по сѣверной

части Россіи и по нѣсколькимъ губерніямъ изъ средней полосы нашего отечества, мнѣ нигдѣ такъ не бросалась съ перваго раза въ глаза зажиточность въ бытѣ крестьянъ, какъ здѣсь, почти безъ исключенія по всему Кубенскому краю. Въ недѣлю разъ, по четвергамъ, въ селѣ кубенскомъ бывають торжки харчевыми припасами, крестьянскимъ краснымъ товаромъ, посудою для простонароднаго крестьянскаго обихода и пряниками. На эти торжки пріѣзжаютъ купцы изъ Вологды. Крестьяне Кубенскаго, временно-обязанные помѣщика Орлова, отличаются бойкимъ обращеніемъ, смѣтливостію и вообще тѣмъ особеннымъ промышленнымъ типомъ людей, про которыхъ говорятъ „продувной народецъ“.

Замѣчательно, что близость озера не сдѣлала изъ кубенцовъ хорошихъ рыбаковъ. Настоящіе рыбаки—крестьяне другихъ деревень, расположенныхъ далѣе по Кубенскому озеру; а кубенцы ловятъ только *молей* ершовыхъ, окуневыхъ и сорожьихъ. Хорошіе сушеные моли, (*сушъ*) продается нынѣ 3 р. с. за пудъ и дороже; а еще не такъ давно стояла не него цѣна не свыше рубля. Изъ пуда сырыхъ молей засушивается фунтовъ 8 суща. Право ловли на озерѣ предоставляется всякому безпошлинно. Въ старину-же, при царяхъ, собиралась съ озера дань въ казну; оно давало доходъ правительству; а какъ стало

собственностію Салтыковыхъ, то крестьяне села Кубенскаго присвоили себѣ право пользоваться этою данью. Какъ это случилось—трудно объяснить, потому что документы затерялись; только въ тѣ — поры кубенцы, разъѣзжая по озеру, дѣлали большія притѣсненія и обиды рыбакамъ, не принадлежавшимъ къ ихъ вотчинѣ, отнимали у нихъ рыбаловныя снасти, невода, за которые брали тяжелые выкуны, и пр. Не отъ этого ли кубенцы стали слыть у сосѣдей *головоръзами*. Въ Царствованіе Екатерины II, В. К. Павелъ Петровичъ, тронутый жалобами на разбойничество кубенцовъ, ходатайствовалъ передъ Императорскою властью за обижаемыхъ мужиковъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что кубенцовъ лишили привилегированнаго права надъ водами озера, сдѣлавъ его въ отношеніи рыбныхъ ловлей на положеніи общаго владѣнія между всѣми прибрежными жителями.

Отъ Кубенскаго до Новленскаго и далѣе къ Кирилову дорога идетъ по грунту, заключающему въ себѣ хорошіе задатки для отличныхъ урожаевъ хлѣбовъ. Мѣстоположеніе открытое, живописное: направо Кубенское озеро, окаймленное съ противоположной стороны по берегу приземистымъ хвойнымъ лѣсомъ, изъ за котораго виднѣются кресты храмовъ многихъ сель, а на самомъ озерѣ какъ-бы плаваетъ каменный монастырь, воздвигнутый на островкѣ. Налѣво голизна неогладная, совершенно

безлѣсное пространство, точно степь, еслибъ не было множества деревень съ садами яблоней. По дорогѣ, положительно на каждой верстѣ встрѣчаются селенія и состоятъ не изъ крестьянскихъ избъ, крытыхъ соломой, съ висящими крыльцами и бѣлками съ отдушинами, вмѣсто оконъ, а изъ большихъ, крытыхъ тесомъ, богатыхъ домовъ, построенныхъ на барскую руку. Пріятно дѣйствуетъ на проѣзжающаго опрятность и чистоплотность въ жизни крестьянъ здѣшняго края: по деревнямъ не видно на улицахъ ни полѣнницъ, ни брошенныхъ телѣгъ, ни хламу, какъ встрѣчаешь это въ селеніяхъ другихъ мѣстностей. Крестьяне не хвалятся своими угодыями и плодородіемъ земли. Не здѣсь ли кроется главная причина ихъ благостоянія? Почва по Кубенскому глиноземъ, бугристая, скалистая, прорѣзанная рѣчками и ручьями, бѣгущими въ озеро. По всей дорогѣ яровые и рожь роскошныя, а травы такъ богаты, что не протащишь, какъ говорятъ, ногъ: на небольшой пожнѣ, ничтожномъ клочкѣ покоса, видишь объемистый етогъ, тогда какъ въ другомъ мѣстѣ на такомъ пространствѣ едвали бы можно было накосить порядочную копену. Здѣсь встрѣтилъ я особый видъ овса, называемый *односторонникомъ*, или *гривачемъ*, по оригинальной формѣ брони, свѣсившейся со стебля на одну сторону, въ видѣ гривы. Говорятъ, въ урожайныя года овесъ этотъ приходитъ въ десятое зерно.

Въ 28 верстахъ отъ Кубенскаго, по дорогѣ къ Кирилову, лежитъ деревня, или, правильнѣе, полусело Новленское, прехорошенькое, чистенькое, съ превосходною постройкою, точно городокъ. Въ жителяхъ выглядываетъ щепетильная щеголеватость. Крестьяне Новленскаго промышляютъ по землянымъ работамъ, въ чемъ много помогаетъ имъ бунецъ Гладинъ, новленскій уроженецъ, разбогатѣвшій чрезъ подряды по землянымъ работамъ каналовъ, водопроводовъ, трубъ, дамбъ, насыпей и искусственныхъ балокъ на желѣзныхъ дорогахъ и проч. Личность Гладина, какъ благотворителя для всего кубенскаго окологда, чрезвычайно замѣчательна: всѣ относятся объ немъ съ необыкновеннымъ уваженіемъ, называя его отцомъ и благодѣтелемъ. Въ самомъ дѣлѣ, сдѣлавшись виднымъ капиталистомъ чрезъ удачное окончаніе работъ по Бѣлозерскому каналу, отъ котораго отказались всѣ подрядчики, Гладинъ сумѣлъ дѣлиться прибылью съ своими земляками, составляющими и до сихъ поръ его главныя рабочія силы, назначая копалямъ высокую плату и предоставляя имъ всевозможныя выгоды по земляному дѣлу. Но жители кубенскаго края занимаются еще разными производствами: есть торговцы, промышляющіе перевозкою клади въ Петербургъ на своихъ судахъ и по наймамъ; мясники, отправляющіе зимою говядину въ столицы и на разныя

ярмарки; торговцы рыбой: сельдями, навагой, сетками бѣлозерскими, сушемъ и т. д. Вообще промышленный духъ оживляетъ все прибрежное население озера.

За Новленское въ Кирилову характеръ мѣстности не измѣняется: на право плещется тоже бурное Кубенское озеро, а на лѣво безлѣсица, поля и безирестанная деревни съ садиками яблоней. Въ верхнюю часть Кубенскаго озера вливается рѣка Порозовица, имѣющая теченія съ небольшимъ верстъ 30 и выпадающая изъ озера Благовѣщенскаго, въ которое бѣжитъ излучистая Итка. Эти воды показали естественный путь для системы герцога Виртембергскаго, оконченной въ 1828 г. и соединяющей Шексну каналами чрезъ озера: Сиверское, Бабье, Зауломское, Возеринское, Кишемское съ Кубенскимъ озеромъ, изъ котораго вытекаетъ Сухона, западный притокъ Сѣверной Двины. Водяная линія системы герцога связываетъ съ Архангельскомъ Москву и Нижній, рѣчную область Волги съ областью Двины, и, наконецъ самый Петербургъ. Для сѣвера и сѣверо—востока это имѣетъ величайшую важность: теперь легко могутъ доставляться изъ Архангельска лѣсные продукты, рыба, оленины, замши — превосходное издѣліе ижемцевъ, кантонскій чай, а изъ Тотмы, по Сухонѣ богатые запасы соли. Въ центрѣ этого водянаго пути, нѣсколько въ усторонѣ, лежитъ

Вологда, какъ разъ на перекресткѣ между верхними частями Волги, устьями Невы и С. Двины. Наша добрая Вологда—городъ почти невѣдомый для жителей центральной Россіи, хотя это одно изъ самыхъ древнѣйшихъ поселеній новгородскихъ въ Заволочьѣ. Вологда играла важную роль въ торговлѣ великаго Новгорода и, обѣщаетъ, если только обратятъ на это вниманіе, занять и въ наше время одно изъ первостатейныхъ мѣстъ между торговыми городами Россіи, какъ главный посредникъ между странами приволжскими и двинскимъ сѣверомъ. Развитие ея торговли должно непременно подѣйствовать на процвѣтаніе остальныхъ городовъ и пристаней, лежащихъ по Югу и Сухонѣ, и, въ особенности, на Устюгъ Великій, тѣснѣе всѣхъ другихъ связанный съ Вологдою.

Вотъ цифры за послѣднее пятилѣтіе движенія товаровъ по системѣ герцога Виртембергскаго:

Въ кириловской пристани:	число судовъ	кладн въ пуд.	сереб. на сум.
Въ 1857 г. грузилось и отправлено	105—	665,263—	255,140
мимо прошло	124—	— — —	530,733
1858 груз. и отправлено	80—	345,736—	142,133
мимо прошло	127—	— — —	153,499
1859 груз. и отправлено	121—	723,362—	307,479
мимо прошло	190—	113,208—	746,603
1860 груз. и отправлено	118—	512,757—	292,805
мимо прошло	166—	763,685—	588,078
1861 груз. и отправлено	80—	732,562—	170,372
мимо прошло	240—	1104,236—	1173,192

Итого въ пять лѣтъ . . . 1351—на сумму—4360,034р.

Грузъ на судахъ состоялъ преимущественно изъ хлѣбныхъ продуктовъ, мануфактурныхъ и фабричныхъ издѣлій, колониальнаго, краснаго и шорнаго товара, лицъ буринныхъ, масла коровьяго и разныхъ деревянныхъ издѣлій.

При устройствѣ системы герцога рассчитывали на движеніе по ней не болѣе 250 судовъ въ одну сторону: это максимумъ, который имѣли въ виду при прорытіи каналовъ. Изъ приведенныхъ цифръ видно, что число судовъ значительно возросло противъ принятаго въ расчетъ, а между тѣмъ каналы раздѣльнаго пункта, прокопанные въ низкой мѣстности, стали заплывать, явилась необходимость ихъ исправленія, обратили вниманіе на Возеринское озеро, какъ раздѣльный пунктъ водъ въ системѣ Виртембергскаго. Озеро это не имѣетъ никакихъ притоковъ, почему оно можетъ дать только тотъ запасъ воды, который въ немъ собирается весной, а такъ какъ каналы, соединяющіе это озеро съ нижележащими водами системы, заперты шлюзами, то, очевидно, по нимъ можетъ пройти тѣмъ болѣе судовъ съ полною осадкою 6 четвертей, чѣмъ ниже заложены верхніе пороги шлюзовъ, запирающихъ озеро, и чѣмъ ниже дно каналовъ.

На основаніи этихъ данныхъ составленъ былъ проектъ на углубленіе Возеринскихъ каналовъ. По этому проекту ассигновано на работы въ 1857 г. 7,000 р.; но какъ никто изъ подрядчиковъ, да-

же самъ предприимчивый Гладинъ не согласился производить работы за такую сумму, то онъ и не состоялись. Правленіе II-го Округа Путей Сообщенія распорядилось передѣлать проектъ въ томъ-же размѣрѣ 7,000 серебромъ.

За данность при передѣлѣ проекта принято было дно *бара* въ устьѣ рѣки Порозовицы: оно самое мелкое мѣсто на системѣ герцога, а также уменьшеніе, по возможности, ширины расчистки. Согласно этимъ извѣщеніямъ, выемка назначена въ каналахъ шириною 5 сажень безъ откосовъ и глубиною до $1\frac{7}{10}$ фута. Этотъ новый *перепроектъ* утвержденъ въ 1860 г. и предназначенныя по немъ работы удовлетворили бы вполне цѣли, еслибъ судоходство оставалось въ прежнихъ размѣрахъ; но пока проектъ странствовалъ по официальнымъ дорогамъ, обстоятельства успѣли измѣниться.

Въ 1859 г. жители села Кубенскаго и прочіе прибрежные къ Кубенскому озеру промышленники начали производить чрезвычайно удачную торговлю съѣстными припасами съ городомъ Бѣлозерскомъ, доставляя свои продукты по каналу на маленькихъ лодкахъ, называемыхъ *набойницами*, или *кубенками*, поднимающими грузу до 100 и болѣе пудовъ. Многіе крестьяне въ обмѣнъ зерноваго хлѣба, яблоковъ и прочихъ продуктовъ, нагружаютъ свои кубенки мукою съ завода купца

Полежаева на Шженѣ, а также изъ Бѣюзерска, и везуть ее по каналу и для продажи и для собственнаго употребленія. Въ 1859 г. прошло около 70 набойницъ; въ слѣдующія за тѣмъ навигаціи ихъ проходило уже 300 и болѣе. Такое скорое возрастаніе кубенокъ объясняется удобствомъ, незатѣйливостію и дешевизною торговыхъ оборотовъ по каналу на маленькихъ лодочкахъ. Простота оснастки самодѣльнаго суденышка стоитъ очень не дорого, нагрузка его также, а *путини* т. е. путевыя издержки на доставку клади почти ничего не обходятся, потому что этимъ занимаются лишніе люди въ семействѣ, большею частію, старики съ подростками, которымъ дома дѣлать нечего.

Такъ какъ для пропуска каждой набойницы въ обѣ стороны требуется дать изъ Возеринскаго озера 4 камеры воды, то къ прежде бывшему расходу 800 камеръ резервной воды, для большихъ судовъ, вдругъ прибавился расходъ въ 1,200 камеръ для набойницъ.

Такой оборотъ дѣла въ судоходствѣ по системѣ герцога привелъ инженерное начальство къ слѣдующимъ соображеніямъ: судоходство кубенками, чрезвычайно оживляющее промышленность края, не только не уменьшится, но по всей вѣроятности еще будетъ увеличиваться; еслибы и произведено было углубленіе Возеринскихъ каналовъ въ размѣ-

рахъ по передѣланному проекту, утвержденному въ 1860 г., то все таки прокопанные въ рыхломъ намывномъ грунтѣ могутъ вскорѣ запыть; притомъ стоимость углубленія каналовъ увеличивается вдвое издержками на предуготовительныя работы, состоящія въ устройствѣ перемычки, въ расчетѣ снѣга, льда и водоотливѣ (по утвержденной сметѣ на предуготовительныя работы исчислено 3,840 р. 63 к., а на выемку и отвозку земли изъ канала 2,944 р. 87 к.). Вслѣдствіе этихъ соображеній уже къ произведеннымъ работамъ В зеринскихъ каналахъ сдѣланы были въ 1862 г. новыя приспособленія для ихъ углубленія наравнѣ съ королями, чрезъ что судоходство по каналу герцога въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ оно существуетъ въ настоящее время, вмѣстѣ съ набойницами предприимчивыхъ кубенцовъ, обезпечилось на весьма продолжительные сроки. Это серьезное дѣло исправленія каналовъ какъ по проектамъ, такъ и по исполненію исключительно обязано благородной настойчивости дѣятельнаго начальника IV отдѣленія, подполковника Грабчинскаго.

Но если съ одной стороны удалены важныя препятствія въ судоходствѣ по каналу, то плаваніе судовъ по Кубенскому озеру не менѣе сопряжено съ большими опасностями и ежегодно возрастаетъ затрудненіями. Безлѣсные плоскіе берега озера не представляютъ никакой преграды

дѣйствию вѣтровъ и потому оно чрезвычайно бурно; по берегамъ его суда не находятъ никакого убѣжища, въ случаѣ непогоды; наконецъ фарватеръ тянется узкою полосою по срединѣ озера, дно котораго усеяно мелями, въ особенности же въ восточной части, близъ истока Сухоны. Чтобы отвратить послѣдняго рода неудобство, на Рабанской Сухонѣ, въ восьми верстахъ ниже истока ея, при деревнѣ Шерѣ, построены деревянный камерный шлюзъ въ отводномъ каналѣ, имѣющемъ 175 сажень длины, а въ самомъ руслѣ Сухоны сооружены большой бейшлотъ, которымъ преграждено естественное теченіе рѣки. Вся эта гидротехническая постройка, получившая названіе *Знаменитой*, имѣетъ цѣлю удерживать воду Кубенскаго озера на высокомъ горизонтѣ. Послѣдствія, однако, не только не оправдали ожиданій, но напротивъ, замѣчено, что послѣ построенія этого шлюза, вода въ Сухонѣ и даже въ самомъ Кубенскомъ озерѣ, значительно упала противъ прежняго. Мѣстные жители объясняютъ это тѣмъ, что прежде, до построенія *Знаменитаго*, мутная вода уходила изъ озера и, будучи подпираема водами рѣкъ Вологды и Лежи, разливалась по лугамъ, оставляя на нихъ иль, и стекала потомъ чистою; теперь она производитъ осадокъ на днѣ озера (*).

(*) Описаніе В. г. Услара.

какому сомнѣнію фактъ быстрого обмелѣнія Кубенскаго озера, есть конечно, истребленіе прибрежныхъ лѣсовъ, въ которыхъ прежде снѣгъ, тая постепенно, доставлялъ озеру и рѣкѣ постоянныя притоки; напротивъ теперь, при быстромъ таяніи, производитъ бурные потоки, обрывающіе съ береговъ землю и камни и заваливающіе озерное дно. Не можетъ ли въ болѣе продолжительное время, сообразно съ нашимъ сѣвернымъ климатомъ, случиться тоже съ Кубенскимъ озеромъ, что въ поразительно короткое время случилось въ Венесуэлѣ? Тамъ, въ долинѣ Арагуа, озеро Такаригуа, черезъ вырубку лѣса на окружающихъ высотахъ и распространенное воздѣлываніе земли, менѣе, чѣмъ въ 200 лѣтъ такъ значительно уменьшилось, что множество прежнихъ его острововъ стоятъ нынѣ холмами. Гумбольдтъ, посѣтитшій это озеро въ 1800 г. говоритъ въ отношеніи къ нему: „люди подъ всѣми небесными широтами рубкою лѣса, покрывающаго горныя вершины и горныя склоны, готовятъ будущимъ поколѣніямъ двойное бѣдствіе: недостатокъ въ горючемъ матеріалѣ и недостатокъ въ водѣ“. Это же озеро служитъ дальнѣйшимъ доказательствомъ обсуживаемой нами причины. Послѣ того времени, о которомъ говоритъ Гумбольдтъ, политическія войны въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, истребили, десятую часть трудолюбиваго населенія; тогда лѣсъ вскорѣ

снова завоеваль утраченое пространство, и озеро вновь наполнилось, изгнавъ такимъ образомъ плантаціи сахарнаго тростника и индиго, возникшія на его высохшихъ краяхъ. Такъ могущественно вліяніе лѣсовъ на общую экономію водъ.

ФЛЕГОНТЪ АРСЕНЬЕВЪ.

ПО ПОВОДУ НЕУРОЖАЯ ВЪ СЪВЕРС- ВОСТОЧНЫХЪ УЪЗДАХЪ.

Вологодская губернія ежели не славится вообще богатыми урожаями, то съ другой стороны она никогда почти не терпитъ и недостатка въ продовольствіи. Всюду принятое правило, — не засѣвать земли болѣе того пространства, какое можно унавозить, старательная обработка полей и наконецъ отсутствіе рѣзкихъ климатическихъ перемѣнъ, — дѣлаютъ напротивъ въ южныхъ уѣздахъ урожай хлѣба почти несомнѣннымъ и обуславливаютъ собою постоянную цѣлость магазинныхъ запасовъ и ежегодный отпускъ хлѣба въ Петербургъ и за границу. Въ менѣе выгодномъ положеніи находится лишь отдаленный, сѣверовосточный край губерніи, гдѣ какъ извѣстно поздніе утренники препятствуютъ хорошимъ всходамъ, а ранніе заморозки лишаютъ иногда возможности убратся во время съ намольными работами.

Въ этомъ отношеніи минувшее лѣто останется на долго памятнымъ для всѣхъ здѣшнихъ земледѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ. При гостоянно

дождливой и холодной погодѣ въ продолженіе цѣлаго лѣта, созрѣваніе озимыхъ хлѣбовъ, обѣщавшихъ богатую жатву, шло чрезвычайно медленно, такъ что только около половины августа можно было приняться за ржаную жниву. Яровые посѣвы, также превосходные на корню, выспѣли не прежде первыхъ чиселъ сентября и то въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ были рано посѣяны. Въ сѣверо-восточныхъ же уѣздахъ губерніи, сольвычегодскомъ, яренскомъ и устьсысольскомъ, сильные иней въ концѣ іюля и потомъ чрезвычайно холодные утренники 13 и 14 августа, совершенно повредили недозрѣвшія зерна; не совсѣмъ лишь погибли только тѣ поля, которыя, находясь на южныхъ скатахъ горъ, не могли подвергнуться особенно сильному вліянію холоднаго сѣверо-западнаго вѣтра. Вслѣдъ затѣмъ, за обыкновеннымъ отпускомъ торговыми домами хлѣбныхъ запасовъ за границу и затруднительностію подвоза въ осеннее время, цѣны на хлѣбъ съ каждымъ торговымъ днемъ поднимались цѣлыми десятками копѣекъ; такъ что въ концѣ сентября достигли уже 1 р. 20 к. за пудъ ржаной муки, а въ декабрѣ мѣсяцѣ до 1 р. 50 к. Чтобы предупредить по возможности страшныя слѣдствія недостатка въ продовольствіи, вѣдомство государственныхъ имуществъ, подъ управленіемъ котораго состоятъ почти всѣ жители того края, съ первыми же извѣсті-

ими о неурожаѣ, распорядилось выдачею ссудъ изъ вѣстныхъ сельскихъ запасныхъ магазиновъ и немедленнымъ славомъ изъ Устюгскаго уѣзда 10 т. озимоваго хлѣба, изъ которыхъ впрочемъ, по случаю мельководья, могли отправить только 1280 четвертей для сольвычегодскаго уѣзда и 2270 для яренскаго. Но и это количество, первоначально славленное по Двинѣ и вверхъ по Вычегдѣ, въ слѣдствіе раннихъ заморозковъ минувшей осени, не успѣло достигнуть водою до тѣхъ пунктовъ, для которыхъ было назначено; такъ что перевозку пришлось уже окончить гужомъ, не смотря на чрезвычайную огромность разстояній. Особенно затруднила въ этомъ случаѣ доставка къ далекимъ Удорскому и Печорскому краю. Двѣ удорскія волости, — Коеминская и Чирская, — прилегающія къ границамъ Архангельской губерніи, отдѣлены верстъ на полтораста совершенно безлюдными волоками и отъ уѣзднаго города Яренска и отъ крайнихъ вологодскихъ селеній по р. Выми. Черезъ все это пространство прелегаютъ только двѣ небольшія тропинки, съ однимъ селеніемъ — Чорва, — въ 8 или 10 дворовъ, на разстояніи 25 верстъ отъ Яренска. Печорскій край, лежащій по скатамъ Уральскихъ горъ, отъ населенныхъ верховьевъ Выми, отдѣленъ такими-же непроходимыми волоками, неприступными во все продолженіе осени до зимней дороги. Лишь только установи-

лась она въ этомъ году, съ первою возможностью передвиженій, направлены были новыя подкрѣпленія запасовъ; для обезпеченія же весеннихъ и озимыхъ посѣвовъ, въ Вятской губерніи закуплено 15.000 четвертей, доставленныя на Кайгородскую и Ношувльскую пристани, для развозки ихъ гужомъ и водою по рѣкамъ Сысолѣ, Вычегдѣ и Лузѣ.

Кромѣ того въ видахъ облегченія участи края вообще, по Высочайшему повелѣнію, въ 3 сѣверо-восточныхъ уѣздахъ разрѣшена была отмѣна рекрутскаго набора. Мѣра эта дала возможность жителямъ отправиться, какъ всегда, на зимніе промыслы и прибереечь на покупку лишняго хлѣба тѣ деньги, которыя бы каждому домохозяину пришлось истратить, отправляя въ службу своего сына или брата. Наконецъ для подкрѣпленія совершенно истощившихся запасныхъ мѣстныхъ магазиновъ и на случай новаго неудовлетворительнаго урожая, разрѣшено сплавить еще 20 т. четв. озимаго и яроваго хлѣба изъ югозападныхъ сельскихъ магазиновъ.

Что касается городского населенія и крестьянъ Сереговскаго завода, то для нихъ коммисія народнаго продовольствія еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ отпустила изъ продовольственнаго капитала 11.500 руб. сер.; и именно 6 т. на Устьсыольскъ, 3 на Яренскъ, 2 на Сольвычегодскъ и 500 руб. на

Сереговскій заводъ. Для распоряженія этими суммами образованы на время продовольственные комитеты, которымъ поручена была немедленная закупка муки въ Вятской губерніи. Дѣйствія комитетовъ оказались чрезвычайно успѣшными и принесли скорую и существенную помощь: именно лишь только начали они продажу закупленнаго въ Вяткѣ хлѣба, цѣны съ полутора рубля понизились сейчасъ же на 1 руб. 10 коп. и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ до 96 коп.

На выручаемыя деньги до сихъ поръ непрерывно производится новая закупка и только неимѣющимъ наличныхъ денегъ необходимое количество отпускается въ долгъ подъ круговое поручительство. Впрочемъ на сумму 100 руб. каждому комитету особенно нуждающихся предоставлено право безмездно снабжать продовольствіемъ.

Наконецъ и все общество русское не осталось равнодушнымъ къ судьбѣ пострадавшаго края: денежные пожертвованія изъ разныхъ концовъ государства присылаются до сихъ поръ время отъ времени;—въ самой же Вологдѣ даны концертъ и нѣсколько спектаклей, добрая цѣль которыхъ собирала каждый разъ многочисленную публику, быстро раскупавшую всѣ входные билеты.

ОПЫТЫ НАРОДОСЧИСЛЕНІЯ ВОЛО- ГОДСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Извлеченіе возможно вѣрныхъ цифръ статисти-
ки населенія составляло до сихъ поръ главный
предметъ дѣятельности вологодскаго статистическа-
го комитета. Обсужденіямъ этого вопроса занялось
второе же общее собраніе Членовъ, большинство
которыхъ признало за лучшее обратиться прежде
всего къ приходскимъ священникамъ, какъ лицамъ,
обязаннымъ болѣе или менѣе строгою отчетностію
по населенію своихъ приходовъ. Опытъ этотъ,
пріемы и результаты котораго въ свое время бы-
ли подробно опубликованы въ протоколахъ ста-
тистическаго комитета, оказался неприложимымъ
только къ городскому населенію, вся подвижная
часть котораго очевидно ни въ какомъ случаѣ не
можетъ быть извѣстна священникамъ. И потому
для опредѣленія цифры наличнаго числа жителей
въ городахъ вол. губ., комитетъ нашелъ необходи-
мымъ обратиться къ другому источнику, — одно-
временной переписи городского населенія, какъ един-
ственному способу, наиболѣе соотвѣтствующему тре-
бованіямъ статистической практики.

Мѣру эту положено привести въ исполненіе сначала только въ самой Вологдѣ съ тѣмъ, чтобы потомъ, воспользовавшись неизбежными ошибками перваго опыта, съ большимъ усиліемъ примѣнить ее и къ прочимъ городамъ губерніи. Въ частности, собраніемъ 11 февраля было признано, — 1, что, въ слѣдствіе различныхъ предразсудковъ и опасеній, многіе не напишутъ вмѣстѣ съ своими именами тѣхъ свѣдѣній, которыя необходимы комитету; такъ что цѣль переписи будетъ достигнута сравнительно гораздо лучше, если, вмѣсто поименныхъ списковъ, потребовать одни валовыя числа живущихъ въ каждомъ домѣ, съ подраздѣленіемъ ихъ по возрастамъ, сословіямъ, занятіямъ, знанію грамоты и проч.; 2, временемъ переписи удобнѣе всего избрать конецъ великаго поста, когда почти все временное населеніе города возвращается по домамъ на праздники; 3, на полицію возложить только раздачу бланковъ, собраніе же ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ повѣрка данныхъ должны быть произведены непременно самими Членами или вообще лицами, которыя свободно предлагают свои услуги. Мнѣніе это дало поводъ открыть подписку, въ которой, изъ числа присутствовавшихъ, — 17 лицъ приняли участіе сейчасъ же, въ самомъ засѣданіи; въ послѣдствіи къ нимъ присоединилось еще 16, такъ что весь городъ можно было раздѣлить на 33 участка, величиною каждый домовъ въ 40—50.

Самая форма вѣдомости и инструкція, съ объясненіемъ цѣли дѣла, были составлены, по порученію комитета, особою комиссіею изъ членовъ и секретаря; днемъ переписи избрано 21 Марта и за недѣлю до этого срока всѣ листки, по сдѣланнымъ на каждомъ адресамъ, были уже разнесены полиціей ко всѣмъ домовладѣльцамъ и начальникамъ всѣхъ казенныхъ зданій въ городѣ.

Кромѣ того, для устраненія ложныхъ толковъ и несправедливыхъ взглядовъ на дѣло, г. Начальникъ губерніи принялъ на себя, — въ собраніи домовладѣльцевъ города, которое назначалось тогда для обсужденія одного административаго вопроса, — лично сообщить имъ, что перепись, предполагаемая комитетомъ, не имѣетъ въ виду ни новыхъ налоговъ, ни преслѣдованія безпаспортныхъ и что исключительная цѣль ея приведеніе въ точную извѣстность цифры городского населенія.

Собираніе бланковъ окончилось бы вообще безъ большихъ затрудненій, если бы повѣрщикамъ не пришлось самимъ составлять вѣдомости въ тѣхъ бѣдныхъ мѣщанскихъ домахъ, въ которыхъ не было грамотныхъ или умѣвшихъ понять дѣло, какъ слѣдуетъ.

Въ результатѣ получились слѣдующія данныя: (см. таблицу).

т. е. на 100 женщинъ приходится 115 мужчинъ.

2. Вполнѣ дѣятельная часть населенія, — между 17 и 55 г. — составляетъ 59,4% общаго числа жителей; моложе 17 лѣтъ — 30,3%, старѣе 55 л. 10,3%; величины эти чрезвычайно близки къ выводамъ, извлеченнымъ изъ таблицъ приходскихъ священниковъ, по которымъ вообще въ вологодской губерніи число лицъ между 17 и 55 г. составляетъ 54,5%, моложе 17 — 32,4%, старѣе 55 — 13,1%.

3. Лица, состоящія въ бракѣ составляютъ 30% общ. ч., холостые и незамужнія 61%, вдовы 9%; по приходскимъ таблицамъ, число брачныхъ паръ во всей губерніи относится къ общей цифрѣ населенія, какъ 1: 6; именно, женатые составляютъ немного менѣе $\frac{1}{3}$ общ. ч. муж. и незамужнія нѣсколько болѣе $\frac{1}{3}$ об. ч. женщинъ.

4. Неграмотные мужчины — 41% всего муж. населенія Вологды, неграмотныя женщины 67% жен. населенія.

5. Лица неправославнаго исповѣданія — 2,3%

6. Прислуга составляетъ $\frac{1}{7}$ общ. цифры жителей.

Въ заключеніе замѣтимъ мы, что если перепись и не привела къ выводамъ совершенно вѣрнымъ, если постановка ея и несоотвѣтствуетъ вполнѣ строгимъ научнымъ требованіямъ; то во всякомъ случаѣ не осталась она безслѣдною для будущихъ

занятій статистическаго комитета. Кроме того и общество наше, — мы говоримъ о его большинствѣ, — вѣроятно сколько нибудь серьезнѣе взглянетъ теперь на статистическую практику вообще, узнавши на дѣлѣ, что каждая справедливая цифра стоитъ и большихъ трудовъ и большаго времени.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КЪ АДРЕСЪ-КАЛЕНДАРЮ, ПОМѢЩЕННОМУ ВЪ 4
ВЫПУСКѢ.

СПИСОКЪ ЛИЦЪ, ИЗБРАННЫХЪ НА ПОСЛѢДНИХЪ ДВОРЯНСКИХЪ ВЫБОРАХЪ.

Губернскій Предводитель Дворянства отст. ген.-маіоръ Никол. Тих. Шарыгинъ.

Уѣздные Предводители: Вологодскій — отст. подполк. Никол. Петр. Брянчаниновъ; Грязовецкій, — отст. штабсъ-ротм. Алексѣй Александр. Левашовъ; Кадниковскій, — отст. кап.-лейт. Александръ Мих. Касачкинъ.

Секретарь дворянства, — поруч. Ник. Ник. Зубовъ.

Депутаты дворянства: по вологодскому уѣзду, — кап.-лейтен. Александръ Фед. Можайскій; по грязовецкому, — тит. сов. Вечесл. Семен. Порошинъ; по кадниковскому, — кол. рег. Мих. Павл. Межаковъ.

Почетный Попечитель Гимназіи, — Двора Его Императорскаго Величества кап.-юнк. надв. сов. Дм. Фед. Резановъ.

Предсѣдатель Гражданской Палаты стат. сов. Пав. Дм. Пузыревскій; *Засѣдатели:* кол. секр. Алексѣй Вас. Голубевъ и кол. рег. Никол. Александр. Съдаковъ.

Предсѣдатель Уголовной Палаты, — кол. сов. Александръ Иван. Олешевъ; *Засѣдатель:* кол. сов. Сергѣй Григ. Вахрушовъ и отст. шт.-кап. Мих. Евгр. Золотиловъ.

*Засѣдатель Приказа Общественнаго При-
зрѣнія, — кол. секр. Пав. Дорим. Золотиловъ.*

*Вологодскаго Уѣзднаго Суда: Судья — отст.
кап. 2 ранга Петръ Матв. Никановъ; Засѣда-
тели: тит. сов. Ник. Григ. Эндеуровъ и губ.
секр. Анд. Анд. Поповъ.*

*Грязовецкаго Уѣзднаго Суда: Судья, — кол.
рег. Вечесл. Никит. Моринъ; Засѣдателями: губ.
секр. Яковъ Алексѣев. Голубевъ и кол. рег.
Ник. Матв. Воробановъ.*

*Кадниковскаго Уѣзднаго Суда: Судья, — кол.
асс. Александръ Ив. Богословскій; Засѣдателями:
подпор. Григор. Сем. Холмовъ и кол. рег. Алексѣй
Мих. Зубовъ.*

*Вологодскій Земскій Исправникъ, — Поруч. Ник.
Павл. Васильевъ; Непременный Засѣдатель, —
кол. секр. Алексѣй Васил. Бѣляевъ.*

*Грязовецкій Земскій Исправникъ, — лейт.
Александръ Пет. Матафтинъ. Непременный
Засѣдатель, — тит. сов. Евген. Евгр. Волоцкой.*

*Кадниковскій Земскій Исправникъ, — кап.-
лейт. Як. Ник. Зубовъ; Непременный Засѣда-
тель, — кол. секр. Пав. Викт. Сорохтинъ.*

*Посредники по нолобовному размежеванію
земель: вологодскаго и грязовецкаго уѣздовъ кол.
сов. Пав. Вас. Ефимевъ; кадниковскаго уѣзда
кол. сов. Оаддѣй Игнат. Яружинскій.*

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
1. Половники, историческое изслѣдованіе, К. А. Попова	3.
2. Очеркъ кубинскаго края, Ф. А. Ар- сеньева	141.
3. По поводу неурожая въ сѣворовосточ- ныхъ уѣздахъ	157.
4. Опыты народоисчисленія вологодской гу- берніи	162.
Приложеніе къ адресъ-календарю, по- мѣщ. въ I вып.	169.

Ср. 91927.

с 595 Вол
П-15.

Помятн. мн.

Вологодск. губ.

1862-1863. В. 2.